

# Ближний Восток. История десяти тысячелетий (fb2)

- [Ближний Восток. История десяти тысячелетий](#) (пер. Б. Э. Верпаховский) 1894К (2972)

## Айзек АЗИМОВ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

### История десяти тысячелетий



## Глава 1. ШУМЕРЫ

### Первые земледельцы



Приблизительно 9 тыс. лет назад человечество столкнулось с большими переменами.

В течение многих тысяч лет люди добывали пищу там, где могли ее найти. Они охотились на диких животных, собирали плоды и ягоды, искали съедобные корешки и орехи. Если им везло, то удавалось выжить. Зимы всегда были голодным временем.

Постоянный участок земли не мог прокормить много семей, люди были рассеяны по планете. За 8 тыс. лет до н. э. на всей планете проживало, вероятно, не более 8 млн. человек — примерно столько же, сколько в современном большом городе.

Затем постепенно люди научились сохранять пищу впрок. Вместо того чтобы охотиться на животных и убивать их на месте, человек научился беречь их и заботиться о них. В специальном загоне животные плодились и размножались. Человек убивал их время от времени для пропитания. Так он получал не только мясо, но и молоко, шерсть, яйца. Он даже заставил некоторых животных работать на себя.

Таким же образом, вместо того чтобы собирать растительную пищу, человек научился сажать растения и ухаживать за ними, получив уверенность, что плоды растений окажутся под рукой, когда они ему понадобятся. Более того, он мог высаживать полезные растения с гораздо большей плотностью, чем встречал их в диком состоянии.

Из охотников и собирателей получились скотоводы и земледельцы. Те, кто занимался скотоводством, должны были все время находиться в движении. Животных нужно пасти, а это означало, что время от времени необходимо было искать свежие зеленые пастбища. Поэтому скотоводы становились кочевниками, или номадами (от греческого слова, означающего «пастбище»).

Земледелие оказалось более сложным делом. Посев должен был проводиться в нужное время года и нужным образом. За растениями приходилось ухаживать, сорняки — выпалывать, животных, травивших посевы, — отгонять. Это была нудная и тяжелая работа, которой не доставало беззаботной легкости и меняющихся ландшафтов кочевой жизни. Люди, работавшие сообща весь сезон, должны были оставаться на одном месте, ибо они не могли оставить без присмотра посевы.

Земледельцы жили группами и строили близ своих полей жилища, которые жались друг к другу, для того чтобы защищаться от диких животных и набегов кочевников. Так стали возникать маленькие городки.

Культивация растений, или сельское хозяйство, позволяла прокормить на данном участке земли гораздо больше людей, чем было возможно при собирательстве, охоте и даже скотоводстве. Объем продовольствия не только кормил земледельцев после сбора урожая, но и позволял запастись едой на зиму. Стало возможным производить так много пищи, что ее хватало земледельцам, их семьям и другим людям, которые не работали на земле, но снабжали земледельцев вещами, в которых те нуждались.

Некоторые люди могли посвятить себя изготовлению глиняной посуды, инструментов, созданию украшений из камня или металла, другие становились жрецами, третьи — солдатами, и всех их приходилось кормить земледельцу. Деревушки росли, превращались в большие города, и общество в таких городах становилось достаточно сложным, чтобы позволить нам говорить о «цивилизации» (самый этот термин происходит от латинского слова, означающего «большой город»).

По мере того как система обработки земли распространялась, а человек учился сельскому хозяйству, население начало расти и растет до сих пор. В 1800 г. людей на земле насчитывалось в сто раз больше, чем перед изобретением сельского хозяйства <sup>[1]</sup>.

Теперь трудно сказать точно, когда сельское хозяйство получило свое начало или как именно его открыли. Археологи, однако, совершенно уверены, что общая область этого эпохального открытия находилась там, где лежит регион, который мы теперь называем Средним Востоком, — весьма вероятно, где-то вокруг современной границы между Ираном и Ираком.

В этом районе произрастали в диком состоянии пшеница и ячмень, и именно эти растения идеально поддавались культивации. Их легко обрабатывать и можно заставить густо расти. Зерно размалывалось в муку, которую хранили месяцами без порчи и выпекали из нее вкусный и питательный хлеб.

В северном Ираке, например, есть место под названием Ярмо. Это невысокий холм, на котором с 1948 г. американский археолог Роберт Дж. Брейдвуд проводил тщательные раскопки. Он обнаружил остатки очень древнего селения, причем фундаменты домов были с тонкими стенами из утрамбованной глины, а дом разделялся на маленькие комнаты. В эти дома, видимо, вмещалось от ста до трехсот человек.

Были открыты очень древние следы наличия сельского хозяйства. В самых нижних, древнейших слоях, возникших за 8 тыс. лет до н. э., нашли также каменные инструменты для жатвы ячменя и пшеницы, а также каменные сосуды для воды. Посуду из обожженной глины раскопали только в более высоких слоях. (Керамика являлась значительным шагом вперед, ибо во многих районах глина встречается гораздо чаще камня и с ней несравненно легче работать.) Найдены также и останки одомашненных животных. Ранние земледельцы Ярмо имели коз, а может быть, и собак.

Ярмо расположено на подножии горной цепи, где воздух, поднимаясь, охлаждается, содержащийся в нем пар конденсируется, и идет дождь. Это позволяло древним земледельцам получать богатые урожаи, необходимые для прокорма увеличивающегося населения.

## **Животворные реки**

Однако у подножия гор, где дожди выпадают в изобилии, почвенный слой тонок и не очень плодороден. К западу и к югу от Ярмо лежали ровные, тучные, плодородные земли, превосходно подходящие для сельскохозяйственных культур. Это был действительно плодоносный регион.

Эта широкая полоса отличных почв шла от места, которое мы теперь называем Персидским заливом, изгибаясь к северу и к западу, до самого Средиземного моря. На юге она окаймляла Аравийскую пустыню (которая была слишком сухой, песчаной и каменистой для сельского хозяйства) огромным полумесяцем длиной более 1600 км. Эту территорию обычно называют Плодородным Полумесяцем.

Чтобы стать одним из богатейших и многонаселенных центров человеческой цивилизации (которым он со временем и стал), Плодородному Полумесяцу нужны были регулярные, надежные дожди, а их-то как раз и не доставало. Страна была равнинной, и теплые ветры проносились над ней, не роняя своего груза — влаги, пока не долетали до гор, окаймлявших Полумесяц с востока. Те дожди, которые выпадали, приходились на зиму, лето было сухим.

Однако вода в стране имелась. В горах, к северу от Плодородного Полумесяца, обильные снега служили неиссякаемым источником вод, стекавших по горным склонам в низины юга. Потоки собирались в две реки, которые текли более чем на 1600 км в юго-западном направлении, вплоть до впадения в Персидский залив.

Реки эти известны нам под названиями, которые им дали греки, через тысячи лет после эпохи Ярмо. Восточная река называется Тигр, западная — Евфрат. Страну между реками греки называли Междуречьем, но они пользовались и названием Месопотамия.

Различные области этого региона в истории получали разные названия, и ни одно из них не стало общепринятым для всей страны. Месопотамия подходит к этому ближе всего, и в данной книге я буду пользоваться им не только для названия земли между реками, но и для всего региона, орошаемого ими, от гор Закавказья до Персидского залива.

Эта полоса земли длиной около 1300 км простирается с северо-запада на юго-восток. «Вверх по течению» всегда означает «к северо-западу», а «вниз по течению» — «к юго-востоку». Месопотамия, по этому определению, охватывает площадь около 340 тыс. кв. км и по форме и размеру близка к Италии.



Месопотамия включает в себя верхний изгиб дуги и восточную часть Плодородного Полумесяца. Западная часть, которая не входит в Месопотамию, в более поздние времена стала именоваться Сирией и включила в себя древнюю страну Ханаан.

Большая часть Месопотамии входит теперь в страну, которая называется Ираком, но северные ее районы перекрывают границы этой страны и принадлежат к современной Турции, Сирии, Ирану и Армении.

Ярмо лежит всего в 200 км к востоку от реки Тигр, так что мы можем считать, что селение находилось на северо-восточной границе Месопотамии. Легко представить себе, что техника обработки земли должна была распространяться к западу, и к 5000 г. до н. э. земледелие уже практиковалось в верхнем течении обеих больших рек и их притоков. Техника обработки земли была принесена не только из Ярмо, но и из других поселений, расположенных вдоль гористой границы. На севере и востоке стали выращиваться улучшенные сорта зерновых и был одомашнен рогатый скот и овцы. Реки в качестве источника воды были удобнее дождей, и селения, которые выросли на их берегах, стали больше и богаче, чем Ярмо. Некоторые из них занимали 2 — 3 га земли.

Селения, как и Ярмо, строились из необожженных глиняных кирпичей. Это было естественно, ибо в большей части Месопотамии нет камня и строевого леса, зато глина имеется в изобилии. В низинах было теплее, чем в холмах вокруг Ярмо, и ранние дома на реках строились с толстыми стенами и немногими отверстиями, чтобы не впускать жару в дом.

Системы уборки отходов в древнейших селениях, конечно, не было. Мусор постепенно скапливался на улицах и утрамбовывался людьми и животными. Улицы становились выше, и в домах приходилось поднимать полы, укладывая новые слои глины.

Иногда строения из высушенного на солнце кирпича разрушались бурями и смывались наводнениями. Иногда сносило весь городок. Уцелевшим или вновь пришедшим жителям приходилось восстанавливать его прямо на развалинах. В результате городки, строившиеся снова и снова, оказались стоящими на курганах, поднимавшихся над окружающими полями. Это имело некоторые преимущества — город был лучше защищен от врагов и от наводнений.

Со временем город окончательно разрушался, и оставался только холм («телль» по-арабски). Тщательные археологические раскопки на этих холмах открыли нам обитаемые слои один за другим, и чем глубже копали археологи, тем следы жизни становились примитивнее. Это хорошо видно в Ярмо, например.

Холм Телль-Хассуна, в верхнем течении Тигра, примерно в 100 км к западу от Ярмо, был раскопан в 1943 г. Его самые древние слои содержат раскрашенную керамику, более совершенную, чем любые находки в древнем Ярмо. Считается, что здесь представлен хассуно-самаррский период месопотамской истории, продолжавшийся от 5000-го до 4500 г. до н. э.

Холм Телль-Халаф, около 200 км выше по течению, открывает нам остатки городка с улицами, мощеными булыжником, и кирпичные дома более совершенной конструкции. В период Халафа, от 4500-го до 4000 г. до н. э., древняя месопотамская керамика достигает наивысшего развития.

По мере того как развивалась месопотамская культура, совершенствовались приемы использования речной воды. Если оставить реку в природном состоянии, можно пользоваться только полями, расположенными непосредственно на берегах. Это резко ограничивало площадь полезных земель. Более того, объем снегов, выпадавших в северных горах, как и скорость снеготаяния, варьируются от года к году. В начале лета всегда происходили наводнения, и, если они оказывались сильнее, чем обычно, воды становилось слишком много, тогда как в другие годы ее оказывалось слишком мало.

Люди додумались до того, что по обоим берегам реки можно выкопать целую сеть траншей или канав. Они отводили воду от реки и через мелкую сеть подводили ее к каждому полю. Каналы можно было выкопать вдоль реки на протяжении километров, так что поля, далекие от реки, оказывались все же на берегах. Более того, берега каналов и самих рек можно было поднять с помощью дамб, которые вода не могла преодолеть во время наводнений, кроме тех мест, где это было желательно.

Таким путем можно стало рассчитывать, что воды, вообще говоря, будет не слишком много и не слишком мало. Разумеется, если уровень воды падал необыкновенно низко, каналы, кроме расположенных у самой реки, оказывались бесполезными. И если наводнения оказывались слишком мощными, вода затопляла дамбы или разрушала их. Но такие годы были редкими.

Самым регулярным водоснабжением было в нижнем течении Евфрата, где сезонные и годовые колебания уровня меньше, чем на бурной реке Тигр. Около 5000 г. до н. э. в верхнем течении Евфрата начала строиться сложная система ирригации, она

распространялась вниз и к 4000 г . до н. э. достигла наиболее благоприятного нижнего Евфрата.

Именно на нижнем течении Евфрата расцвела цивилизация. Города стали намного больше, а в некоторых к 4000 г . до н. э. население достигало 10 тыс. человек.

Такие города сделались слишком большими для старых племенных систем, где все жили одной семьей, повинаясь ее патриархальному главе. Вместо этого людям без отчетливых семейных связей приходилось селиться вместе и мирно сотрудничать в работе. Альтернативой был бы голод. Для поддержания мира и принуждения к сотрудничеству необходимо было избрать лидера.

Каждый город сделался тогда политической общностью, контролирующей сельскохозяйственные земли в своих окрестностях, чтобы прокормить население. Возникли города-государства, и во главе каждого города-государства встал царь.

Обитатели месопотамских городов-государств, в сущности, не знали, откуда поступает столь необходимая речная вода; почему наводнения происходят в один сезон, а не в другой; почему в некоторые годы их не бывает, а в другие они достигают губительной высоты. Казалось разумным объяснить все это работой существ, много более могущественных, чем обычные люди, — богов.

Поскольку считали, что колебания уровня воды не следуют какой-либо системе, но полностью произвольны, легко было предположить, что боги были вспыльчивы и капризны, как чрезвычайно сильные дети-переростки. Чтобы они давали столько воды, сколько нужно, их следовало умасливать, уговаривать — когда они сердились, поддерживать в хорошем настроении — когда они были настроены мирно. Были изобретены ритуалы, в которых богов без конца восхваляли и старались умиловить.

Допускалось, что богам нравились те же вещи, которые нравятся людям, так что самым важным методом умиловить богов было накормить их. Правда, боги не едят, как люди, но дым от горящей пищи поднимался к небу, где, как воображали, жили боги, и животных приносили им в жертву путем сожжения <sup>[2]</sup>.

В одной древней месопотамской поэме описывается великий потоп, ниспосланный богами, который уничтожает человечество. Но боги, лишённые жертвоприношений, проголодались. Когда праведник, уцелевший при потопе, приносит в жертву животных, боги нетерпеливо собираются вокруг:

Боги почуяли запах,  
Боги почуяли аппетитный запах,  
Боги, как мухи, собрались над жертвой.

Естественно, правила общения с богами были еще сложнее и запутаннее, чем правила общения между людьми. Ошибка в общении с человеком могла привести к убийству или кровавой вражде, но ошибка в общении с богом могла означать голод или наводнение, опустошающее всю округу.

Поэтому в земледельческих общинах выросло могущественное жречество, намного более развитое, чем то, которое можно встретить в охотничьих или кочевых обществах. Цари месопотамских городов были также и первосвященниками и приносили жертвы.

Центром, вокруг которого вращался весь город, был храм. Жрецы, занимавшие храм, несли ответственность не только за отношения между людьми и богами, но и за управление самим городом. Они были казначеи, сборщики налогов, организаторы — чиновничество, бюрократия, мозг и сердце города.

## **Великие изобретения**

Ирригация всего не решала. Цивилизация, основанная на орошаемом земледелии, тоже имела свои проблемы. Например, речная вода, текущая по поверхности почвы и фильтрующаяся в ней, содержит больше соли, чем дождевая вода. За долгие столетия ирригации соль постепенно накапливается в почве и разрушает ее, если не использовать специальные методы промывки.

Некоторые ирригационные цивилизации вновь впали в варварство именно по этой причине. Месопотамия избежала этого. Но почва постепенно засолялась. Это, между прочим, было одной из причин того, что главной культурой был (и остается до сего дня) ячмень, который хорошо переносит слегка засоленную почву.

Притом надо сказать, что накопленное продовольствие, инструменты, металлические украшения и вообще все ценные вещи являются постоянным искушением для соседних народов, не имеющих земледелия. Поэтому история Месопотамии была долгой чередой подъемов и спадов. Вначале цивилизация строится в условиях мира, накапливая богатства. Затем из-за рубежей приходят кочевники, опрокидывают цивилизацию и толкают ее вниз. Наблюдается упадок материальной культуры и даже «темные века».

Однако эти пришельцы учатся цивилизованной жизни, и материальное положение снова поднимается, нередко достигая новых высот, но только для того, чтобы опять быть поверженными новым нашествием варваров. Так повторялось снова и снова.

Месопотамия граничила с чужаками на двух флангах. На севере и северо-востоке жили суровые горцы. На юге и юго-западе — столь же суровые сыны пустыни. С того фланга или с другого Месопотамия была обречена на ожидание нашествия, а возможно, и катастрофы.

Так, около 4000 г . до н. э. пришел к концу период Халафа, ибо кочевники обрушились на Месопотамию с горного массива Загр, ограничивающего Месопотамскую низменность с северо-востока.

Культуру следующего периода можно изучать в Телль-аль-Убайд, кургане в нижнем течении Евфрата. Находки, как и следовало ожидать, во многом отражают упадок по сравнению с произведениями Халафского периода. Убайдский период продолжался, вероятно, с 4000-го до 3300 г . до н. э.

Кочевники, построившие культуру Убайдского периода, вполне могли быть народом, который мы называем шумерами. Они селились вдоль нижнего течения Евфрата, и этот район Месопотамии в данный исторический период принято называть Шумером или Шумерией.

Шумеры нашли в своем новом доме уже установившуюся цивилизацию, с городами и развитой системой каналов. Когда они освоили цивилизованный образ жизни, они начали

борьбу за возвращение к уровню цивилизации, существовавшей до их разрушительного вторжения.

Затем, как это ни удивительно, в последние века Убайдского периода они поднялись выше прежнего уровня. За эти столетия они ввели в обиход ряд важнейших изобретений, которыми мы пользуемся до сего дня.

Они разработали искусство строительства монументальных сооружений. Спустившись с гор, где дождей было достаточно, они сохранили понятие о богах, живущих на небе. Чувствуя потребность приблизиться к небесным богам, чтобы ритуалы были наиболее эффективными, они строили из обожженных кирпичей пирамиды с плоскими вершинами и на вершинах приносили жертвы. Вскоре они сообразили, что на плоской вершине первой пирамиды можно построить вторую, поменьше, на второй — третью и т. д.

Такие ступенчатые сооружения известны как зиккураты, которые были, вероятно, наиболее внушительными сооружениями своего времени. Даже египетские пирамиды появились только через столетия после первых зиккуратов.

Однако трагедия шумеров (и других народов Месопотамии, которые им наследовали) состояла в том, что они могли работать только с глиной, тогда как египтяне имели гранит. Египетские монументы по большей части еще стоят, вызывая удивление всех последующих веков, а от монументов Месопотамии не осталось ничего.

Сведения о зиккуратах достигли современного Запада через Библию. Книга Бытия (достигшая своей нынешней формы спустя двадцать пять столетий после окончания Убайдского периода) говорит нам о древних временах, когда люди «нашли равнину в земле Шинар и поселились там» (Быт. 11:2). «Земля Шинар» — это, конечно, Шумер. Поселившись там, продолжает Библия, они сказали: «Идем, построим себе город и башню, вершина которой достигла бы небес» (Быт. 11:4). Это знаменитая «Вавилонская башня», легенда о которой основана на зиккуратах.

Разумеется, шумеры старались достичь неба потому, что надеялись, что священные обряды будут эффективнее на вершине зиккуратов, чем на земле. Современные читатели Библии, однако, обычно думают, что строители башни действительно пытались достичь неба.

Шумеры, должно быть, использовали зиккураты и для астрономических наблюдений, поскольку движения небесных тел можно истолковать как важные указания о намерениях богов. Они были первыми астрономами и астрологами.

Астрономические труды привели их к разработке математики и календаря. Много из того, что они придумали более 5 тыс. лет назад, остается с нами по сей день. Именно шумеры, например, разделили год на двенадцать месяцев, сутки на двадцать четыре часа, час на шестьдесят минут и минуту на шестьдесят секунд. Возможно, они также изобрели семидневную неделю.

Они разработали также сложную систему торговли и коммерческих расчетов. Чтобы способствовать торговле, они разработали сложную систему мер и весов и изобрели почтовую систему.

Они изобрели также колесную повозку. Ранее тяжелые грузы передвигались на катках. Катки по мере движения оставались позади, и их вновь нужно было переносить вперед.



Это была медленная и утомительная работа, но так было все же легче, чем волочить груз по земле при помощи грубой силы.

Когда к платформе была прикреплена пара колес на оси, это означало два постоянных катка, движущихся вместе с ней. Колесная повозка с единственным осликом позволяла теперь перевозить грузы, которые ранее требовали усилий дюжины мужчин. Это была революция в транспорте, равносильная изобретению железных дорог в новейшие времена.

## **Величайшее изобретение**

Главными городами Шумера в течение Убайдского периода были Эриду и Ниппур.

Эриду, древнейшее, быть может, поселение на юге, датирующееся приблизительно 5300 г . до н. э., располагалось на берегу Персидского залива, вероятно, в устье Евфрата. Сейчас его руины находятся в 16 км к югу от Евфрата, ибо за тысячелетия река много раз меняла свое русло.

От Персидского залива руины Эриду отстоят сегодня еще дальше. В ранний период от Шумера Персидский залив простирался на северо-запад дальше, чем теперь, и Тигр с Евфратом впадали в него отдельными устьями, отстоявшими друг от друга на 130 км .

Обе реки приносили с гор ил и гумус и откладывали их в устьях, создавая низменность с богатой почвой, которая медленно продвигалась на юго-восток, заполняя верхнюю часть залива.

Протекая через вновь намываемые земли, реки постепенно сближались, пока не слились в одну, сформировав единое русло, впадающее в Персидский залив, берега которого сегодня отодвинулись на юго-восток почти на 200 км дальше, чем в дни расцвета Эриду.

Ниппур располагался в 160 км от Эриду, выше по течению. Его руины также теперь далеко от берегов капризного Евфрата, который протекает в настоящее время на 30 км западнее.

Ниппур оставался религиозным центром шумерских городов-государств еще долго после окончания Убайдского периода, перестав даже быть одним из крупнейших и наиболее могущественных городов. Религия — вещь более консервативная, чем любые другие аспекты человеческой жизни. Город мог стать религиозным центром вначале потому, что был столицей. Затем он мог потерять свою важность, сократиться по размеру и по населенности, даже попасть под контроль завоевателей, тем не менее продолжая оставаться почитаемым религиозным центром. Достаточно вспомнить о важности Иерусалима в те века, когда он был всего лишь полуразрушенной деревней.

По мере того как Убайдский период двигался к завершению, созрели условия для величайшего из всех изобретений, самого важного в цивилизованной истории человечества — изобретения письменности.

Одним из факторов, которые вели шумеров в этом направлении, должна была быть глина, которую они использовали при строительстве. Шумеры не могли не заметить, что мягкая глина легко воспринимала отпечатки, которые сохранялись и после того, как она обжигалась и затвердевала в кирпич. Поэтому мастера вполне могли додуматься до того, чтобы делать отметины умышленно, вроде подписи на собственной работе. Чтобы помешать «подделкам», они могли придумать



выпуклые штампы, которые можно было оттиснуть на глине в форме картинки или рисунка, служивших подписью.

Следующий шаг был сделан в городе Урук, расположенном в 80 км выше по течению от Эриду. Урук достиг преобладания к концу Убайдского периода, и следующие два столетия, с 3300-го по 3100 г., называют Урукским периодом. Быть может, Урук стал деятельным и процветающим именно потому, что там были сделаны новые изобретения, или, наоборот, изобретения появились потому, что Урук стал деятельным и процветающим. Сегодня трудно различить причину и следствие этого процесса.

В Уруке выпуклые штампы были заменены цилиндрическими печатями. Печать представляла собой маленький каменный цилиндр, на котором в углубленном рельефе вырезалась какая-нибудь сценка. Цилиндр можно было прокатать по глине, получив отпечаток, повторяющийся, по желанию, снова и снова.

Такие цилиндрические печати множились в последующей месопотамской истории и явно представляли собой не только средства для подписи, но и произведения искусства.

Другим стимулом к изобретению письменности была необходимость учета. Храмы были центральными складами зерна и других вещей, при них были загоны для скота. Они содержали избыток, который расходовался на жертвы богам, на продовольствие в голодные периоды, на военные нужды и т. д. Жрецы должны были знать, что они имели, что получали и что отдавали.

Простейший способ учета — делать отметки, например зарубки на палочке.

С палочками у шумеров было плохо, но печати подсказывали, что можно использовать глину. Так стали делать отпечатки разного вида для единиц, для десятка, для шести десятков. Глиняную табличку, на которой содержались учетные данные, можно было обжечь и хранить как постоянную запись.

Чтобы показать, относится ли данное сочетание меток к скоту или к мерам ячменя, жрецы могли сделать на одной табличке грубое изображение головы быка, а па другой — изображение зерна или колоса. Люди поняли, что некоторая метка может обозначать определенный объект. Такая отметка называется пиктограммой («картиночным письмом»), и, если люди договаривались, что одна и та же совокупность пиктограмм означает одно и то же, они получали возможность общаться друг с другом без помощи речи и сообщения могли сохраняться постоянно.

Мало-помалу о значках договорились — может быть, уже к 3400 г . н. э. Далее додумались до того, что абстрактные идеи можно выражать идеограммами («понятийным письмом»). Так, кружок с лучами мог представлять Солнце, но он мог представлять и свет. Грубый рисунок рта мог означать голод, но мог означать и просто рот. Вместе с грубым изображением колоса он мог означать еду.

Время шло, значки становились все более схематичными и все меньше и меньше напоминали объекты, которые они первоначально изображали. Ради скорости писцы перешли к изготовлению значков путем вдавливания в мягкую глину острого инструмента так, что получалась узкая треугольная вмятина, похожая на клин. Значки, которые стали строить из этих меток, мы теперь называем клинописью.

К концу Урукского периода, к 3100 г . до н. э., шумеры имели полностью развитый письменный язык — первый в мире. Египтяне, деревни которых усеивали берега реки Нил в северо-восточной Африке, в полутора тысячах км к западу от шумерских городов, услышали о новой системе. Они позаимствовали идею, но в некоторых отношениях усовершенствовали ее. Они использовали для письма папирус, листы, сделанные из волокон речного тростника, которые занимали намного меньше места, и с которыми было намного легче работать. Они покрывали папирус символами, намного более привлекательными, чем грубая клинопись шумеров.

Египетские символы вырезались на каменных монументах и рисовались на внутренних стенах гробниц. Они сохранились на виду, в то время как покрытые клинописью кирпичи оставались скрытыми под землей. Именно поэтому долго думали, что египтяне изобрели письменность первыми. Теперь, однако, эта честь возвращена шумерам.

Установление письменности в Шумере означало революционные изменения в социальной системе. Оно еще более усилило власть жрецов, ибо они знали тайну письмен и умели читать записи, а простые люди этого не умели.

Причина была в том, что научиться письму было нелегким делом. Шумеры никогда не поднимались выше понятия отдельных символов для каждого основного слова, и пришли к 2 тыс. идеограмм. Для запоминания это представляло серьезные трудности.

Конечно, можно было разбить слова на простые звуки и представить каждый из этих звуков отдельным значком. Таких звуковых значков (букв) достаточно иметь две дюжины, чтобы сформировать любое мыслимое слово. Однако такая система букв, или алфавит, была разработана только много столетий спустя после шумерского изобретения письменности, и то хананеями, жившими на западном конце Плодородного Полумесяца, а не шумерами.

Письменность укрепила также власть царя, ибо он мог теперь выразить собственный взгляд на вещи письменно и вырезать его на стенах каменных зданий вместе с резными

сценами. Оппозиции трудно было конкурировать с этой древнейшей письменной пропагандой.

И купцы почувствовали облегчение. Можно стало хранить контракты, засвидетельствованные жрецами в письменном виде, зафиксировать законы. Когда правила, управляющие обществом, стали постоянными, а не скрытыми в ненадежной памяти вождей, когда с этими правилами могли справиться те, кого они затрагивали, общество становилось более стабильным и упорядоченным.

Впервые письменность утвердилась, вероятно, в Уруке, о чем говорят древнейшие надписи, найденные сегодня в руинах этого города. Процветание и мощь, возникшие с расцветом торговли, вслед за появлением письменности способствовали росту размеров и величия города. К 3100 г. до н. э. он стал самым совершенным городом мира, покрывая площадь более 5 кв. км. Город имел храм 78 м длиной, 30 м шириной и 12 м высотой — вероятно, крупнейшее здание в мире того времени.

Шумер в целом, благословенный письменностью, быстро сделался наиболее развитым регионом Месопотамии. Страны выше по течению, фактически с более древней цивилизацией, отстали и были вынуждены подчиниться политическому и экономическому господству шумерских царей.

Одним из важных следствий письменности было то, что она позволяла людям поддерживать долгие и подробные записи о событиях, которые можно было передавать из поколения в поколение лишь с небольшими искажениями. Перечни имен царей, рассказы о мятежах, битвах, завоеваниях, о природных катастрофах, пережитых и преодоленных, даже скучная статистика храмовых запасов или налоговых архивов — все это говорит нам бесконечно больше, чем можно узнать из простого изучения сохранившейся керамики или орудий труда. Именно из письменных записей получаем мы то, что называем историей. Все, что было до письменности, относится к доисторической эпохе.

Можно поэтому сказать, что вместе с письменностью шумеры изобрели историю.

## **Потоп**

Период с 3100-го до 2800 г. до н. э. называют периодом протограмотности или ранней письменности. Шумер процветал. Можно было бы предположить, что, поскольку письменность уже существовала, мы должны знать об этом периоде очень многое. Но это не так.

Дело не в том, что язык непонятен. Шумерский язык был расшифрован в 1930 — 40-х гг. XX в. (благодаря некоему стечению обстоятельств, к которому я вернусь позже) российско-американским археологом Сэмюэлем Крамером.

Затруднение в том, что записи до 2800 г. плохо сохранились. Даже людям, которые жили после 2800 г., казалось, не хватало записей, касающихся предыдущего периода. По крайней мере, позднейшие записи, которые описывают события перед этой ключевой датой, имеют, кажется, абсолютно фантастический характер.

Причину можно объяснить одним словом — потоп. Те шумерские документы, которые отражают мифологический взгляд на историю, всегда относятся к периоду «до потопа».

В отношении речных паводков шумерам повезло меньше, чем египтянам. Нил, великая египетская река, разливается каждый год, но высота паводка колеблется в небольших пределах. Нил начинается в великих озерах в восточной части Центральной Африки, и они действуют как гигантские водохранилища, умеряющие колебания паводков.

Тигр и Евфрат начинаются не в озерах, а в горных потоках. Водоохранилища отсутствуют. В годы, когда в горах много снега, а весенние волны тепла приходят внезапно, паводок достигает катастрофических высот (в 1954 г. Ирак тяжело пострадал от наводнения).

Между 1929-м и 1934 г. английский археолог сэр Чарльз Леонард Вулли раскопал холм, где скрывался древний шумерский город Ур. Он располагался близ старого устья Евфрата, всего в 16 км к востоку от Эриду. Там он обнаружил слой ила в три с лишним метра толщины, лишенный каких-либо остатков культуры.

Он решил, что перед ним были отложения гигантского наводнения. По его оценкам, вода глубиной в 7,5 м покрывала территорию почти в 500 км длиной и 160 км шириной — практически всю землю междуречья.

Наводнение, однако, могло и не быть столь катастрофически губительным. Потоп мог уничтожить одни города и пощадить другие, ибо в одном городе дамбы могли находиться в небрежении, а в другом — удержаться благодаря героическим и непрерывным усилиям горожан. Так, в Эриду нет такого толстого слоя ила, как в Уре. В некоторых других городах толстые слои ила были отложены не тогда, когда в Уре, а в другое время.

Тем не менее, должно быть, был один Потоп, который был хуже, чем любой другой. Быть может, именно он похоронил Ур, по крайней мере, на время. Даже если он полностью не разрушил другие города, экономический упадок в результате частичного уничтожения окультуренных земель поверг Шумер в период «темных веков», правда непродолжительный.

Этот сверхпаводок, или Потоп (мы можем писать его с большой буквы), имел место около 2800 г. до н. э. Потоп и последующий беспорядок могли практически уничтожить городские архивы. Следующие поколения способны были лишь пытаться реконструировать историю на основе воспоминаний о прежних записях. Быть может, рассказчики историй со временем воспользовались возможностью построить легенды на основе сохранившихся отрывочных воспоминаний об именах и событиях и таким образом заменить скучную историю захватывающим повествованием.

Например, цари, которые в позднейших записях отмечаются как «правившие до Потопа», правили до нелепости долго. Таких царей перечислено десять, и каждый из них якобы правил десятки тысяч лет.

Следы этого мы находим в Библии, ибо ранние главы Книги Бытия, по-видимому, основаны отчасти на месопотамской легенде. Так, Библия перечисляет десять патриархов (от Адама до Ноя), живших до Потопа. Библейские авторы, однако, не поверили долгим правлениям шумеров (или тех, кто следовал за ними), они ограничили возраст допотопных патриархов сроком менее одной тысячи лет. Наибольшим долгожителем Библии был Мафусаил, восьмой из патриархов, и он прожил, как сообщается, «всего» девятьсот шестьдесят девять лет.

Шумерская легенда о Потопе выросла в первое в мире эпическое повествование, известное нам. Наш наиболее полный вариант датируется сроком через две с лишним

тысячи лет после Потопа, но уцелели также отрывки более древних сказаний, и значительную часть эпоса можно реконструировать.

Герой его, Гильгамеш, царь Урука, жил через некоторое время после Потопа. Он обладал героической храбростью и совершил славные подвиги. Приключения Гильгамеша иногда позволяют назвать его шумерским Гераклом. Возможно даже, что легенда (которая стала очень популярной в последующие столетия и должна была распространиться по всему древнему миру) повлияла на греческие мифы о Геракле и на некоторые эпизоды «Одиссеи».

Когда умер близкий друг Гильгамеша, герой решил избежать такой судьбы и отправился на поиски секрета вечной жизни. После сложных поисков, оживляемых множеством эпизодов, он находит Утнапиштима, который во времена Потопа построил большой корабль и спасся на нем со своей семьей. (Именно он после Потопа принес ту жертву, которая так понравилась голодным богам.)

Потоп рисуется здесь как событие мировое, которое по своему эффекту таковым и было, ибо для шумеров Месопотамия составляла почти весь мир, который принимался в расчет.

Утнапиштим не только пережил Потоп, но получил также дар вечной жизни. Он направляет Гильгамеша к месту произрастания некоего волшебного растения. Если он съест это растение, он навечно сохранит свою юность. Гильгамеш находит растение, но не успевает его съесть, ибо растение похищает змея. (Змеи, по причине способности сбрасывать старую, потертую кожу и появляться в блестящей и новой, обладали, по мнению многих древних, способностью к омоложению, и эпос о Гильгамеше среди прочего объясняет и это.)

Рассказ об Утнапиштиме так похож на библейский рассказ о Ное, что большинство историков подозревают заимствование из рассказа о Гильгамеше. Возможно также, что змей, соблаздивший Адама и Еву и лишивший их дара вечной жизни, произошел от змеи, лишившей Гильгамеша того же самого.

## **Войны**

Потоп был не единственным бедствием, с которым пришлось сталкиваться шумерам. Были еще и войны.

Есть признаки, что в первые столетия существования шумерской цивилизации города были разделены полосами необработанной земли, и их население практически не сталкивалось друг с другом. Могла существовать даже некая взаимная симпатия, ощущение, что великим врагом, которого нужно победить, была капризная река и что все они боролись с этим врагом вместе.

Однако даже перед Потопом расширяющиеся города-государства должны были поглотить пустые земли между ними. Три сотни километров в нижнем течении Евфрата постепенно покрылись обработанной землей, и давление растущего населения заставляло каждый город вклиниваться возможно дальше на территорию своего соседа.

Египтяне в подобных условиях сформировали единое государство и столетия прожили в мире — целую эпоху Древнего Царства. Египтяне, однако, жили в изоляции, защищенные морем, пустыней и нильскими порогами. У них было мало причин культивировать искусство войны.

Шумеры, напротив открытые с двух сторон для опустошительных набегов кочевников, должны были создавать армии. И они их создали. Их солдаты маршировали стройными рядами, и ослы везли за ними тележки с припасами.

Но раз армия для отражения кочевников создана, возникает сильное искушение применить ее с пользой в промежутках между набегам. Каждая из сторон в пограничных спорах теперь готова была поддержать свои взгляды армией.

До Потопа, вероятно, войны не были особенно кровавыми. Основным оружием были деревянные копья и стрелы с каменными наконечниками. Наконечники нельзя было сделать очень острыми, они трескались и кололись, сталкиваясь с препятствием. Обтянутых кожей щитов было, вероятно, более чем достаточно против такого оружия, и в обычной битве было много ударов и много пота, но, учитывая указанные факторы, мало потерь.

Около 3500 г . до н. э., однако, были открыты методы выплавки меди, а к 3000 г . было обнаружено, что, если смешать медь с оловом в определенных пропорциях, образуется сплав, который мы называем бронзой. Бронза — твердый сплав, годящийся на острые лезвия и тонкие острия. Более того, затупившееся лезвие можно было легко заострить снова.

Бронза еще не стала общераспространенной даже ко времени Потопа, но ее стало достаточно, чтобы изменить баланс в постоянной борьбе кочевников и земледельцев навсегда в пользу последних. Для получения бронзового оружия нужно было обладать передовой технологией, далеко превышавшей возможности немудрящих кочевников. До того времени, как кочевники смогли вооружиться собственным бронзовым оружием или научиться способам компенсировать его отсутствие, преимущество оставалось за горожанами.

К несчастью, начиная с 3000 г . до н. э. шумерские города-государства использовали бронзовое оружие друг против друга тоже, так что стоимость войны возросла (как она возрастала множество раз с тех пор). В результате ослаблены были все города, ибо ни один из них не мог окончательно разбить своих соседей. Если судить по истории других, лучше известных городов-государств (например, городов древней Греции), более слабые города всегда объединялись против любого города, который, как казалось, подходил достаточно близко к победе над всеми остальными.

Мы можем предположить, что частично из-за хронических войн и расхода человеческой энергии системы дамб и каналов пришли в запустение. Быть может, именно поэтому Потоп был таким грандиозным и нанес такой ущерб.

И все же даже в период дезорганизации, наступившей после Потопа, превосходство бронзового оружия должно было сохранить Шумер в безопасности от кочевников. По крайней мере, еще столетия после Потопа шумеры оставались у власти.

Со временем страна полностью оправилась от катастрофы и стала более процветающей, чем когда-либо раньше. Шумер в эту эпоху насчитывал около тринадцати городов-государств, деливших между собой 26 тыс. кв. км обработанной земли.

Города, однако, не усвоили уроков Потопа. Восстановление закончилось, и утомительная череда бесконечных войн началась сначала.

Согласно тем записям, которые мы имеем, самым важным среди шумерских городов в период непосредственно после Потопа стал Киш, лежавший на Евфрате примерно в 240 км выше Ура.

Хотя Киш был городом достаточно древним, до Потопа он не выделялся ничем необычным. Его внезапный подъем после катастрофы заставляет думать, что великие города юга были на время выведены из строя.

Господство Киша оказалось недолговечным, но, как первый город, правивший после Потопа (и поэтому первый правящий город в период существования достоверных исторических записей), он добился очень высокого престижа. В позднейшие столетия шумерские цари-завоеватели называли себя «царями Киша», чтобы показать, что они правили всем Шумером, хотя Киш к тому времени потерял свое значение. (Это напоминает Средние века, когда германские короли титуловали себя «римскими императорами», хотя Рим к тому времени давно уже пал.)

Киш проиграл, ибо города в нижнем течении наконец оправились. Они были отстроены вновь, они еще раз собрались с силами и вернули себе свою традиционную роль. Списки шумерских царей, которые мы имеем, перечисляют царей отдельных государств родственными группами, которые мы называем династиями.

Так, при «первой династии Урука» этот город занял место Киша и некоторое время оставался таким же преобладающим, как прежде. Пятым царем этой первой династии был не кто иной, как Гильгамеш, который правил около 2700 г. до н. э. и снабдил знаменитый эпос зерном истины, вокруг которого были наворочены горы фантазий. К 2650 г. до н. э. лидерство вернул себе Ур под управлением собственной первой династии.

Столетие спустя, около 2550 г. до н. э., всплывает имя завоевателя. Это Эаннатум, царь Лагаша, города, расположенного в 64 км к востоку от Урука.

Эаннатум разбил обе армии — Урука и Ура. По крайней мере, он так утверждает на каменных колоннах, которые он установил и украсил надписями. (Такие колонны называют греческим термином «стелы».) Не всегда, разумеется, можно доверять таким надписям полностью, ибо они есть древний эквивалент нынешних военных коммюнике и часто преувеличивают успехи — из тщеславия или для поддержания морального духа.

Самая внушительная из стел, воздвигнутых Эаннатумом, показывает сомкнутый строй воинов в шлемах и с копьями наперевес, шагающих по телам поверженных врагов. Собаки и коршуны пожирают тела мертвецов. Этот памятник называют стелой Коршунов.

Стела увековечивает победу Эаннатума над городом Умма, в 30 км к западу от Лагаша. Надпись на стеле гласит, что Умма первая начала войну, похитив пограничные камни, но, однако, никогда не существовало официального отчета о войне, где бы вина за ее начало не возлагалась на противника. И у нас нет отчета Уммы.

Целое столетие после правления Эаннатума Лагаш оставался сильнейшим из шумерских городов. Он был полон роскоши, прекрасные изделия из металла обнаружены в его руинах. Он контролировал около 4700 кв. км земель — громадная территория по тому времени.

Последним правителем первой династии Лагаша был Урукагина, который взошел на трон около 2415 г. до н. э.



Он был просвещенным царем, относительно которого нам остается лишь пожелать, чтобы мы знали больше. По-видимому, он чувствовал, что между всеми шумерами существовало или должно было существовать чувство родства, ибо надпись, которую он оставил, противопоставляет цивилизованных городских жителей варварским племенам чужаков. Быть может, он стремился создать единый Шумер, неприступную для кочевников крепость, где народ мог бы развиваться в условиях мира и процветания.

Урукагина был также социальным реформатором, ибо он пытался ограничить власть жречества. Изобретение письменности отдало в руки жрецов такую власть, что они стали положительно опасными для дальнейшего развития. В их руки попало столько богатства, что остатков не хватало для экономического роста города.

К несчастью, Урукагину ждала судьба многих царей-реформаторов. Мотивы его были благие, по реальную власть удержали консервативные элементы. Даже простые люди, которым царь пытался помочь, по-видимому, боялись жрецов и богов сильнее, чем желали собственного блага.

Более того, жрецы, ставя собственные интересы выше интересов города, не поколебались сговориться с правителями других городов, целое столетие находившихся под господством Лагаша и более чем готовых попытаться в свою очередь достичь преобладания.

Город Умма, сокрушенный Эаннатумом, получил теперь шанс для мщения. Правил им Лугальзаггеси, способный воитель, который медленно наращивал свои силы и владения, пока Урукагина был занят реформами в Лагаше. Лугальзаггеси захватил Ур и Урук и утвердился на троне Урука.

Пользуясь Уруком как базой, Лугальзаггеси около 2400 г. н. э. ударил на Лагаш, разгромил его деморализованную армию и разграбил город. Он остался полновластным правителем всего Шумера.

Ни один шумер ни разу не достигал такого военного успеха. Согласно его собственным хвастливым надписям, он посылал армии далеко на север и на запад, вплоть до Средиземного моря. Плотность населения Месопотамии была теперь в десять раз выше, чем в несельскохозяйственных регионах. В ряде шумерских городов, таких, как Умма и Лагаш, население достигало 10 — 15 тыс. человек.

Но теперь шумерам приходилось считаться не только с самими собой, по крайней мере в военном отношении. Шумерская культура перехлестнула через узкие границы самого Шумера, и другие народы готовы были показать себя способными учениками.

## Глава 2. АККАДЯНЕ



## Первая империя

Незадолго до Потопа новая волна кочевников обрушилась на Месопотамию. Шумеры оказались вполне способны отбросить их от своих главных центров в нижнем течении Евфрата. Поэтому кочевники повернули на север и заняли территорию выше Шумера. Они продвинулись в район, где Тигр и Евфрат приближаются друг к другу всего на 32 км, прежде чем разойтись вновь, охватывая плодородные земли Шумера.

Происхождение кочевников сильно отличалось от шумерского. Археологи могут установить это по характеру языков, если они расшифрованы.

Шумерский язык состоит из односложных слов (как современный китайский) и не похож ни на один из известных на Земле языков. Язык вновь прибывших состоял из многосложных слов. Его структура очень походила на структуру целой семьи языков, наиболее известным древним представителем которой был иврит, а из современных — арабский.

Различные древние народы, говорившие на языках этой группы, названы в Библии потомками Шема (или Сима, в латинском варианте), одного из сыновей Ноя. В 1781 г. германский историк Август Людвиг фон Шлёцер предложил называть эти языки семитическими.

Предположительно, все древние народы, говорившие на семитских языках, произошли от некоей единой группы, среди которой и был разработан первоначальный, материнский язык (протосемитский). Затем, с течением времени, вслед за странствиями и разделением происходивших из этой группы племен, протосемитский язык разделился на диалекты, которые впоследствии стали членами семитической языковой семьи. Где зародился первоначальный протосемитский, нельзя сказать с уверенностью, но, по всей вероятности, его родиной была Аравия.

Следовательно, кочевники, говорящие на семитском языке, вторглись в Месопотамию через юго-западные, аравийские границы в 3000 г. до н. э. — как за тысячу лет раньше шумеры вторглись на равнину с гор северо-восточной границы. (Важно помнить, что термин «семитский», или «семитический», относится только к языку, но не к расе. Широко принято говорить о людях, говорящих на семитических языках, как о «семитах», и я иногда буду пользоваться этим словом, но такой вещи, как семитическая раса, не существует. Люди легко меняют язык, не меняя своих физических характеристик. Так, американские негры говорят по-английски, а гаитянские негры — по-французски, но это не делает их в расовом отношении родственными европейцам.)

Самым важным из городов на территории, куда проникли семиты, был Киш. Вначале он был шумерским, но семиты постепенно просочились туда и заняли его.

В течение шести столетий, в период Потопа и после него, семиты оставались на заднем плане. Территория их ни в коей мере не была такой процветающей, как собственно Шумер. Шумерская система ирригации не была еще освоена полностью, и более низкий уровень производительности означал меньше богатства и власти. (Сила шумерского мастерства становится очевидной, когда вы понимаете, что шумерская ферма в дни величия Лагаша полностью равнялась по продуктивности современным фермам, хотя затраты физического труда были, конечно, значительно выше.)

Однако шумерские города истощали себя, тогда как семитские постепенно улучшали свои позиции. Теперь им нужен был, главным образом, вдохновляющий вождь, который смог бы объединить их и повести к победе. И как раз когда Лугальзаггеси сделался верховным правителем Шумера, этот семитский вождь — первый великий семит в истории — появился на сцене.

Со временем этот новый лидер взял себе имя Шаррукин, но нам он известен также как Саргон.

Слава Саргона привела в последующие столетия к множеству легенд о нем. Одна из них, в частности, рассказывает об опасностях, которым он подвергался во младенчестве. Родился он (говорит легенда) от женщины хорошего происхождения, но отец его был неизвестен. Мать, стыдясь незаконного ребенка, родила его втайне и затем попыталась избавиться от него прежде, чем это было бы обнаружено.

Она сделала маленькую лодку из тростника и обмазала ее смолой для водонепроницаемости. Затем она положила младенца в лодку и пустила по реке. Его нашел бедный садовник и воспитал его с любовью, но в бедности. В конце концов, когда он стал взрослым, прирожденные таланты привели его к лидерству, к завоеваниям и к верховной власти.

Сказка о младенце-найденныше, спасенном благодаря огромной, почти чудесной удаче и становящемся вождем людей, очень часто встречается в легендарной истории, но сказка о Саргоне — самая древняя из известных нам. За ней последовали многие. В греческих мифах так спасаются Эдип и Персей, в римских — Ромул и Рем. В еврейских легендах так спасается Моисей, и его история очень похожа на историю Саргона.

Весьма возможно, что широкая известность легенды о Саргоне повлияла на более поздние рассказы, в особенности на легенду о Моисее.

Сделавшись взрослым, Саргон поступил на службу к царю Киша и благодаря своим заслугам сделался самым доверенным лицом из всех подданных царя. Доверие было, очевидно, обмануто. Там, где царь слаб, а первый министр силен, как это слишком часто случалось в истории, царя свергают и новым царем становится министр. Так было и в случае с Саргоном.

Очень вероятно, что Саргон, сделавшись царем, умышленно принял новое имя как средство пропаганды. Имя это означает «законный царь», которым он как раз и не был. Очевидно, даже в древности люди знали, что, какой бы возмутительной ни была ложь, она будет принята, если повторять ее достаточно громко и достаточно часто.

Как узурпатор, Саргон чувствовал, что лучше было бы основать новую столицу, где можно было бы начать заново, с самим собой в главной роли, чем оставаться в старой, полной памятников и воспоминаний о прежней династии. Поэтому он основал где-то на семитской территории город Агаде. Он прославил этот город и стал известен в исторических книгах как Саргон из Агаде (или Саргон Аккадский).

Название города распространилось на весь район, известный нам как Аккад (другая форма слова «Агаде»). Ранние семиты этой области известны нам как аккадяне, и язык их называют аккадским языком.

Аккадские города, объединенные под властью сильного вождя, могли теперь обратиться против Шумера. Царем Урука все еще был Лугальзаггеси. Он правил 30 лет. Он был уже стар и утомлен, и около 2370 г. до н. э. пал перед Саргоном. Мы не знаем, конечно, подробностей войны; только гордая надпись Саргона гласит, что он сокрушил врага и захватил весь Шумер вплоть до Персидского залива.

Теперь весь Шумер и Аккад оказались под единым правлением, и две страны стали единым целым. В течение долгого правления Саргона Аккад стал полностью «шумеризованным». Техника ирригации применялась во всей полноте, и Аккад распространял шумерскую культуру еще дальше вверх по течению рек. О шумеро-аккадской культуре принято говорить так же, как о греко-римской.

Аккадяне никогда не отказывались от родного языка, но у них не было письменности. Ее пришлось позаимствовать у шумеров. Они приняли систему клинописи, хотя эта система, предназначенная для шумерских односложных слов, хуже подходила к аккадским многосложным.

Престиж, заработанный Саргоном на завоевании Шумера, был так высок, что важность аккадского языка начала возрастать, а для шумерского начался длительный упадок, который продолжался даже в те периоды, когда шумерским городам удавалось временно вернуть свою политическую важность.

Саргон сумел распространить свое господство даже за пределы Шумера и Аккада. Вскоре после Потопа шумерские колонисты проникли высоко вверх по течению Тигра. Вероятно, катастрофа гнала уцелевших к северу, подальше от сцен опустошения. Там, на Тигре, в 320 км к северу от Аккада, колонисты основали город Ашшур. Он дал свое имя целому региону на верхнем Тигре, который мы знаем теперь под греческим названием Ассирия.

Саргон контролировал Ассирию так же, как Шумер и Аккад. Вся Месопотамия принадлежала ему. Предполагается даже, что он простер свою власть от верхнего Евфрата к западу, вплоть до Средиземного моря. Это нельзя утверждать с полной уверенностью, но, по крайней мере, в случае с ним это намного вероятнее, чем в случае с Лугальзаггеси.

Саргон поглотил также центр власти к востоку от Шумера. Это была земля к северу от верхней кромки Персидского залива и к востоку от Тигра. Шумеры называли ее обитателей «эламу», и название страны вошло в наш язык как Элам.

Саргон выбрал самый послушный и наименее беспокойный из эламитских городов и сделал его правителем своим наместником в стране. Город назывался Шушан и располагался примерно в 200 км к востоку от Лагаша. Это положило начало преобладанию города, который оставался важным столичным центром 2 тыс. лет. Мы знаем его под греческим именем Сузы.

Элам рано принял шумерскую культуру и клинописную систему письма. Еще перед Потопом он ссорился и сражался с шумерскими городами. Перед Саргоном, однако, он не смог устоять и сделался частью его обширной империи.

Саргон правил первой настоящей империей в истории цивилизации, первым государством, основанным одним человеком, правящим над многими народами разного происхождения. В то время в мире существовало три других центра цивилизации. Они располагались на трех других реках: на Ниле в Египте, на Инде в нынешнем Пакистане и на Янцзы в Китае. Эти три цивилизации были созданы народами, однородными по

происхождению, и не были империями — одна правящая группа в них не господствовала над рядом подчиненных народов.

Империя обычно сияет ярко — пока она существует. Правящая группа без колебаний присваивает с трудом нажитые богатства покоренных народов. Избыток товаров, которые ранее рассеивались среди дюжины шумерских городов-государств, был собран в столице Саргона. Она достигла размеров и роскоши, невиданных никогда раньше. Именно по имперской столице современники (и потомки также) судят об империи, ее величие мощно влияет на них и заставляет считать императора великим человеком, героем, хотя вся роскошь может быть основана на грабеже, а провинции империи — тонуть в нищете.

Саргон Аккадский умер около 2315 г . до н. э., после успешного правления, продолжавшегося более полувека, и Шумер восстал. Но старший сын и наследник Саргона быстро подавил бунт, и Аккадская империя осталась невредимой.

При Нарамсине, внуке Саргона, который наследовал трон около 2290 г . до н. э., Аккадская империя достигла вершины могущества. Нарамсин простер свое влияние в Малую Азию, огромный полуостров, лежащий к западу от Северной Месопотамии, и укрепил свою власть в Эламе.

Нарамсин хорошо известен сегодня благодаря стеле, воздвигнутой в память победы над ордой кочевников на территории Элама. Стела показывает его во главе штурма горной крепости, ведущим своих воинов вверх по склонам. Фигура его, спокойная и героическая, вдвое больше, чем фигуры воинов. Враги сдаются и умирают.

В наших глазах стела Нарамсина стоит в художественном отношении много выше, чем стела Коршунов, воздвигнутая двумя с половиной столетиями раньше. Шумеры последовательно изображали себя довольно приземистыми, толстыми парнями, с круглыми головами, большими выпуклыми глазами и большими носами. При всем своем интеллектуальном совершенстве и изобретательности, они не кажутся нам особенно привлекательными. Правда, трудно сказать, насколько эти изображения точны и правдивы, а насколько — просто отражают художественную условность.

В любом случае аккадские солдаты на стеле Нарамсина стройнее, выше ростом и намного более приятны по внешности (по крайней мере, в наших глазах), чем люди на традиционных изображениях шумеров.

## **Кочевники-завоеватели**

Нарамсин умер около 2255 г . до н. э. и почти сразу же Аккадская империя начала сталкиваться с тяжелыми трудностями. В течение жизни всего лишь одного поколения она сошла с вершины могущества до гибели. Процесс этот много раз наблюдается в позднейшей месопотамской истории.

Древние империи, даже когда казались славными и могущественными, всегда несли в себе некую мину замедленного действия.

Когда регион составлен из ряда ссорящихся городов-государств, они могут растрчивать энергию и богатство во взаимных войнах, но каждый город имеет закаленную армию и традиции патриотизма. Часто они объединяются, чтобы отбросить общего врага из-за рубежа. При таких обстоятельствах вторгающихся кочевников часто бьют.

Но когда образуется империя, вся мощь централизуется в столице, в руках правящего народа. Провинции разоружают и, насколько возможно, лишают армий.

Далее возможны две альтернативы. Провинции, заселенные обычно подчиненными народами, остаются непокорными и несмирившимися, хватаясь за каждую возможность восстать против центрального правительства. Пока империя сильна, восстания, как правило, безуспешны и жестоко подавляются, но каждое восстание, даже раздавленное, частично разрушает процветание империи и иссушает понемногу силы ее правителей. Не желая сражаться с внешними врагами, мятежные провинции очень склонны призывать кочевников, надеясь использовать их помощь против центрального правительства.

Если, с другой стороны, провинции приведены в полную покорность либо мало-помалу лишаются своих воинственных традиций, они не способны отразить кочевников, когда они появляются. И, не потеряв еще ненависти к центральному правительству, они вполне готовы приветствовать пришельцев как освободителей, а не врагов.

Отсюда следует, что если в империи начинается даже слабый упадок, возникает порочный круг внезапных мятежей и дальнейшее ослабление, то новые мятежи обращаются к помощи извне и очень часто всего за одно поколение империя рушится.

Во времена Аккадской империи одним из выдающихся соседних племен были гутеи, которые жили в горах Загра, там, где жили когда-то шумеры.

Поколение спустя после смерти Нарамсина гутеи увидели свой шанс в том, что наследники царя дрались между собой за трон, провинции бунтовали и ждали помощи кочевников. Гутеи вторглись в страну, разбили деморализованную аккадскую армию, взяли Агаде и около 2215 г. до н. э. разрушили город. Империя была у них в руках.

Агаде был разрушен так основательно, что у него одного, из всех месопотамских столиц, местоположение неизвестно до сих пор. Такое полное разрушение говорит о необычной ярости кочевников. Оно заставляет подозревать, не присоединились ли к армии гутеев отряды покоренных народов и не солдаты ли Шумера и Элама позаботились о том, чтобы «не оставить кирпича на кирпиче» от столицы, напоминавшей о долгом угнетении.

Если это было так, то покоренные народы нашли в гутеях плохую замену. Под их грубым правлением процветание увяло. Они были слишком непривычны к сложностям цивилизации, особенно к поддержанию сети каналов, чтобы организовать дело как следует. Сеть каналов пришла в упадок, что привело к голоду и вымиранию. Для древней месопотамской цивилизации наступил короткий период темных веков.

Основную тяжесть кризиса принял на себя Аккад, ибо Аккад был центром империи и носителем престижа ее традиций, так что именно в Аккаде гутеи создали собственный центр вместо разрушенного Агаде.

Некоторые шумерские города на юге воспользовались преимуществом удаленности и купили себе некоторую долю самоуправления ценой выплаты тяжелой дани новым правителям.

Урук продолжал жить под управлением своей четвертой династии, Ур — второй династии. Самым замечательным правителем периода гутеев был губернатор Лагаша Гудеа. При нем, около 2150 г. до н. э., Лагаш пережил настоящий золотой век. Город не был больше победоносным завоевателем эпохи Эаннатума, на три с половиной столетия

раньше, но это обернулось только к лучшему. Лагаш процветал в условиях мира, не мечтая о завоеваниях.

Гудеа, разумеется, был не только губернатором, но и жрецом и особенно заботился о храмах. Он украсил те, что уже существовали, и выстроил пятнадцать новых. Он так поразил народ своим благочестием, что после смерти был обожествлен и ему поклонялись, как богу.

Искусство расцвело при нем, и скульпторы Лагаша научились обрабатывать очень твердый камень — диорит, привозившийся из-за рубежа. Статуи были тщательно и красиво отполированы. Самая знаменитая статуя посвящена самому Гудеа. Она около 45 см высотой и изображает сидящего Гудеа с руками, сложенными на животе (шумерская художественная условность, означающая благочестие), и спокойным выражением на красивом, несмотря на крупный нос, лице.

Статуи покрыты надписями, которые являются важным источником по шумерской истории. Именно открытие дворца Гудеа в конце XIX в. впервые дало современным людям намек на то, что шумеры вообще существовали.

Правление кочевников в цивилизованной империи редко продолжалось долго. Роскошь цивилизации очень привлекательна и соблазнительна для людей, знакомых лишь с грубой кочевой жизнью. Даже если первоначальные завоеватели презирают роскошь как спутницу разложения, соблазну поддаются их дети. И кочевники перестают быть кочевниками.

Суровые военные вожди гутеев быстро сделали себя окультуренными правителями. Вероятно, они даже старались быть больше аккадянами, чем сами аккадцы, ибо им нужно было изживать кочевое наследие. Так правление кочевников заканчивается их ассимиляцией.

Зачастую, однако, такой ассимиляции оказывается недостаточно. Хотя кочевники постепенно цивилизуются, им все равно приходится бороться с неприязнью народов, которыми они правят. Те, кто помнит о многих столетиях цивилизации, презирают кочевых предков своих правителей. То, что кочевники стоят у руля по праву завоевания, заставляет презирать их еще больше. Следовательно, когда правление кочевников смягчается и слабеет, когда армия перестает быть закаленной ордой головорезов, которой когда-то была, бывших кочевников выбрасывают вон.

## **Город Авраама**

Гутеи продержались всего около столетия. Около 2120 г. они были изгнаны из Месопотамии. Фактическим освободителем был, вероятно, правитель Урука, находившегося тогда под властью пятой династии. Он мог действовать в союзе с Уром, но, если это и так, правитель Ура быстро сместил своего союзника и к 2113 г. установил свое владычество в стране.

Этот правитель, по имени Ур-Намму, был первым царем третьей династии Ура, и шумеры в течение столетия купались в последних лучах славы. Под властью третьей династии Ура вся Месопотамия была вновь объединена в империю, столь же огромную, как Аккадская, но по характеру скорее торговую, чем военную.

Ур-Намму был, вероятно, величайшим правителем династии. При нем законы страны были сведены в письменный кодекс. Весьма вероятно, что это делалось и до него. Трудно предположить, например, что Саргон Аккадский не сделал этого в течение своего долгого правления. Беда, однако, в том, что от этих ранних кодексов ничего не уцелело; кодекс Ур-Намму — древнейший из тех, которые дошли до нас. Эти уцелевшие отрывки являются древнейшими в истории писаными законами.

Они представляются нам довольно гуманными. В древних законах прослеживается склонность калечить виновных (око за око и зуб за зуб), но в кодексе Ур-Намму такое наказание заменено денежной компенсацией. Быть может, такой взгляд на вещи был естественным для торгового общества.

Строительное искусство шумеров достигло вершины. Ур построил громадный зиккурат, крупнейший из тех, что видели шумеры. Его остатки были вскрыты при раскопках на месте, где стоял Ур, и до сих пор производят внушительное впечатление. Зиккурат был около 80 м длиной и 50 м шириной, а нижние стены были толщиной 2,5 м .

Сохранились руины двух нижних ступеней, достигающие высоты 18 м . Первоначально ступеней было, вероятно, три, общей высотой 36 м .

На месте Ура найдены также буквально десятки тысяч глиняных табличек, покрытых надписями. Можно подумать, что такие находки должны рассказать нам об истории страны очень многое, но это не те надписи. Это бухгалтерские счета и коммерческие документы. Представьте себе, что некие археологи в отдаленном будущем, раскопав руины Нью-Йорка, нашли горы бумаг и обнаружили, что все это расписки и платежные счета.

Конечно, ими тоже нельзя пренебрегать. Из этих скучных записей можно почерпнуть множество сведений о повседневной жизни горожан. Вы можете узнать, какой пищей эти люди питались, какие деловые сделки они заключали, как далеко простиралась их торговля и что они покупали и продавали. Можно судить даже о размерах империи, отметив места, где в руинах были найдены аналогичные документы. Когда документы датированы, они датированы обычно некоторым годом правления очередного царя, так что из этого можно вывести имена царей, последовательность их царствований и их длительность. Когда в датах перестают отмечаться цари Ура, это означает, что власть Ура в данном месте пала.

Ибо власть его рушилась и в 2030 г . до н. э. практически пришла к концу. Еще одно поколение Ур продержался как город-государство, но затем на город пал последний удар. В 2006 г . эламская армия, воспользовавшись анархией в Месопотамии и голодом в самом Уре, опрокинула оборону гордого города и захватила его. Последний царь третьей династии Ибби-Син был взят в плен.

Элам, который был завоеванной провинцией Аккадской империи, сделался на время сильнейшей державой Месопотамии. Отчасти это объясняется тем, что города-государства теперь вновь ссорились друг с другом, вернувшись к военной борьбе.

В бывшем Шумере наибольшую важность приобрели два города-государства — Исин и Ларса.

Исин располагался выше по течению, немного южнее Ниппура. В столетие после падения Ура Исин был важнейшим городом-государством юга. К концу этого периода, около 1930



г . до н. э., один из его правителей кодифицировал законы города и записал их на шумерском языке. Отрывки этого кодекса сохранились.

Ларса располагалась дальше на юге, километрах в двадцати ниже Урука. В 1924 г . до н. э. Ларса, находившаяся под влиянием эламитов, победила Исин и вступила в столетие своего собственного величия.

На севере было два важных города-государства. Там находился Ашур и, ниже по течению Тигра, Эшнунна. Найдены отрывки третьего кодекса законов, составленного правителем Эшнунны.

Но эти города уже не были старомодными шумерскими городами. Шумеры, как правящий класс, пали вместе с Уром. В период после 2000 г . до н. э. правящий класс в городах, которые когда-то были шумерскими, говорил по-аккадски. Месопотамия сделалась полностью семитической по языку и оставалась таковой в течение пятнадцати столетий.

Шумерский язык умер не целиком. Он сохранялся некоторое время в самом консервативном из всех институтов — в религии. Он сделался «мертвым языком», используемым в религиозных ритуалах так, как сегодня используется латынь.

Шумеры исчезали вместе со своим языком. Их не вырезали, не убивали. Они просто переставали считать себя шумерами. Чувство национальности медленно таяло, и к 1900 г . до н. э. не осталось ничего.

За 2 тыс. лет своего существования шумеры изобрели колесный транспорт, астрономию, математику, коммерческие предприятия, крупномасштабное строительство из кирпича и письменность. Можно сказать, что они изобрели почти всю цивилизацию.

Теперь они ушли. За семь столетий до Троянской войны, за одиннадцать столетий до основания маленькой деревушки под названием Рим шумеры, уже одряхлев от традиций, — ушли. Самое существование их было забыто вплоть до великих археологических раскопок конца XIX столетия.

Однако след их остался. В одной великой книге, пришедшей к нам из древних времен, — в Библии, — туманные следы шумеров можно найти. В одном месте конкретно указывается на период третьей династии Ура.

В это последнее столетие существования Шумера, примерно около 2000 г . до н. э., близость угасания стала очевидной. Падение империи, голод, эламская оккупация были смертельными ударами. Многие предприимчивые люди из Ура чувствовали, вероятно, что великий некогда город не имеет будущего, и отправлялись в путешествия в поисках лучшей судьбы.

Одно из таких путешествий отмечено в Библии. «И Терах взял Авраама, сына своего, и Лота... и Сару, невестку свою... и они отправились... из Ура... чтобы идти в землю Ханаанскую» (Быт. 11:31). Они прошли весь Плодородный Полумесяц, к северо-западу до вершины дуги, а затем к юго-западу, до ее западного конца. Аврам со временем сменил свое имя на Авраам и сделался, согласно легенде, предком израильтян.

Библия описывает поход, совершенный месопотамской армией против городов-государств Ханаана, и детали описания заставляют думать, что время Авраама совпадает с периодом, непосредственно следовавшим за падением Ура.

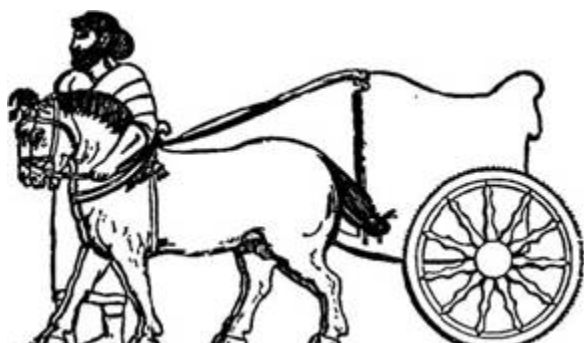
«И это происходило в дни Амрафела, царя Шинара, Ариоха, царя Эллазара, Шедорлаомера, царя Элама и Тидала, царя народов, и они устроили войну» (Быт. 14:1—2).

Благодаря видному месту, отведенному ему в дальнейшем в этом отрывке, ясно, что Шедорлаомер возглавлял коалицию, а в истории был только один период — столетие после падения Ура, — когда Элам был ведущей державой расколотой Месопотамии. Город Эллазар, другой член коалиции, обычно считается Ларсой, и только в этот период Ларса играла выдающуюся роль.

«Тидал, царь народов», был, вероятно, довольно мелким князьком. Наибольший интерес представляет для нас Амрафел, царь Шинара. При буквальном прочтении он кажется правителем всего месопотамского региона (ибо Шинар — это Шумер), но это не соответствует тогдашнему положению дел. В самом деле, если бы Амрафел был правителем всей Месопотамии, тогда он, а не Шедорлаомер возглавлял бы коалицию.

Ответ на эту загадку связан с новой группой захватчиков, которые вступили в Месопотамию и должны быть теперь рассмотрены.

### Глава 3. АМОРЕИ



#### Входит Вавилон

Новые захватчики явились с запада и с юга, как аккадяне тысячелетием раньше. Говорили они на семитическом языке, очень похожем на аккадский, и, поселившись в Месопотамии, вскоре приняли аккадский вариант языка. Благодаря родству языков они быстро были приняты как местные уроженцы и не остались, как гутеи, ненавистными чужаками.

Эти семитские пришельцы в месопотамских надписях именуется «амурру». Означает ли это слово «кочевники» или «люди Запада» — вопрос спорный. Так или иначе, мы знаем их под именем амореев.

Около 2000 г. до н. э., когда славные дни Ура кончились и Шумер вступил в эру последнего упадка, амореи двинулись из пустыни в область «Плодородного Полумесяца», на востоке и на западе.

На западе они колонизировали земли, прилегавшие к Средиземному морю, смешавшись с обитателями Ханаана (которые также говорили на семитическом языке). В Библии хананеяне часто именуется аморреями, например, когда Бог говорит Аврааму, что еще не настало время наследовать Ханаан, «ибо чаша беззакония аморреев еще не наполнилась» (Быт. 15:16).

На востоке амореи вступили в бывший Аккад, и именно они скорее, чем тускнеющие шумеры, вдохнули силы в города-государства между 2000-м и 1800 г. Они заняли, например, город Ларсу, который процветал под аморейским правлением.

Амореи захватили также маленький аккадский городок по имени Бабилум («врата Бога» на аккадском) и сделали его своим. На древнееврейском языке Библии имя города превращается в Вавилон.

До того времени Вавилон не оставил заметных следов в месопотамском мире. Он был расположен на Евфрате, немного западнее Киша, и жил, должно быть, в тени этого великого города. С упадком Киша Вавилон получил шанс засиять ярче.

Но самого замечательного из своих первых успехов амореи достигли далеко на севере. В 1850 г. они захватили Ашшур и нашли там действительно богатую добычу. В северной части дуги Полумесяца теперь буйно цвела цивилизация, и в конце периода третьей династии Ура торговцы из Ашшура проникали глубоко в Малую Азию. Теперь, когда властительную руку Ура убрали, Ашшур был предоставлен самому себе и вырос в богатый и гордый купеческий город.

В 1814 г. до н. э. некий аморейский выходец, возможно член правящей семьи, сделался правителем Ашшура. Его имя было Шамшиадад I, и он основал династию, которая, пережив многочисленные перевороты, продержалась у власти более тысячи лет. При Шамшиададе I Ашшур контролировал северную Месопотамию во всю ее ширину, ибо новый монарх занял город Мари, в 240 км к юго-западу от Евфрата. Это был другой быстро разбогатевший торговый центр, близкий к растущим городам западной половины Плодородного Полумесяца. Расширение владений в этот первый период величия Ашшура стало предвестником будущего — первого появления на карте мира грозной Ассирии.

Если мы вернемся теперь к загадке Амрафела, царя Шинара, отмеченной в предыдущей главе, оказывается тогда, что он был одним из аморейских правителей в Месопотамии. Но каким?

Представляется наиболее вероятным, что он был одним из ранних аморейских вождей в Вавилоне. Его называют «царем Шинара» (то есть царем Месопотамии), поскольку Вавилон с течением времени стал править всей страной и его слава бросала отблеск назад, на время раннего правителя.

В 1792 г. до н. э. шестой правитель аморейской линии, предположительно потомок Амрафела, наследовал власть в Вавилоне. Его звали Хаммурапи. Ситуация при его воцарении казалась не слишком благоприятной для нового монарха. Казалось даже, что Вавилон вообще не имеет будущего.

На севере Шамшиадад I выковывал могучую Ассирию. На юге опасность казалась еще хуже. Два года ранее, в 1794 г., Рим-Син, который правил в Ларсе с 1822 г. до н. э., наконец сумел одержать окончательную победу над городом Исин и объединил весь юг речной долины под своим правлением.

К счастью для Хаммурапи, его враги не были едины и оба они старели. Хаммурапи был одарен военными и дипломатическими талантами и, в дополнение к этому, был молод, терпелив и мог себе позволить подождать, заботливо обеспечивая себе союз с одним из противников, чтобы побить другого. Рано или поздно кто-то должен был умереть.

Это оказался Шамшиадад из Ашура. Он умер в 1782 г., и при его менее могущественном наследнике мощь Ассирии уменьшилась. Когда снизилось давление с севера, Хаммурапи обратился к югу. В 1763 г. он разгромил престарелого Рим-Сина, и весь юг попал в его руки. Он двинулся на север и в 1759 г. взял Мари и подверг его разграблению. Ашшур избежал столь тяжелой судьбы. В 1755 г. он подчинился и стал служить Хаммурапи как данник. Правитель его сохранил трон, и династия Шамшиадада I уцелела, чтобы стать в будущем чумой остальной Месопотамии.

В 1750 г. до н. э. Хаммурапи скончался, но в последние пять лет своего царствования он уже правил империей, столь же обширной, как империя Нарамсина шестью столетиями ранее.

Слава Бабела воистину началась с правления Хаммурапи, ибо он сделал город своей столицей и правил оттуда своими огромными владениями. Город вырос и стал могущественным метрополисом, оставаясь крупнейшим городом Западной Азии на протяжении четырнадцати столетий. Сегодня мы знаем его под греческим именем — Вавилон.

Регион, который когда-то назывался Шумером и Аккадом, взял свое имя у этого великого города и назывался Вавилонией в течение всех оставшихся столетий истории Древнего мира.

## **Смена богов**

Триумф Вавилона на земле отразился в аналогичном триумфе в месопотамском небе.

Шумеры, как было в обычае среди древних народов, поклонялись богам. Как еще можно было объяснить капризы природы? Кому еще можно было приписать создание Вселенной?

Вероятно, каждое племя имело какого-то одного бога, который был символом и воплощением племени. Между племенем и его богом должна была существовать тесная связь. При условии, если богу поклонялись должным образом, с соответствующими ритуалами, он должен был заботиться о своем народе, сохранять благоприятную среду обитания и помогать побеждать другие племена (и их богов).

Когда группа племен селилась в близком соседстве и принимала общую культуру, таких богов становилось много. Чтобы поддерживать мир, всем им нужно было придать какой-то вес и установить пантеон, группу богов, родственных друг другу. Обычно, когда народ, выступив на историческую сцену, начинал играть заметную роль, такой пантеон уже имелся в наличии <sup>[3]</sup>.

Имея множество богов, вполне естественно было ввести специализацию. Один из богов отвечал за дождь, другой — за реку и т. д. Сказочники и поэты могли сплести рассказы, описывая и объясняя Вселенную в аллегорических терминах. То, что мы называем мифологией, было древней попыткой создать науку. Мы и сегодня ломаем голову над теми же проблемами — происхождением Вселенной и предсказанием погоды. Но чтобы найти ответ, мы пользуемся другими инструментами.

Самое простое и общее разделение труда среди богов — это наделить одного из них ответственностью за землю (или подземный мир), другого — за воды (соленое море или пресноводные реки) и третьего — за воздух (или небо вверху). Обычно главным богом

оказывался бог неба, ибо небо охватывало и землю, и воды, с неба падал дождь (и ударяла молния).

В древних греческих мифах, пантеон которых лучше всего знаком людям современной западной культуры, Вселенную разделили между собой три сына Хроноса. Зевс взял себе небо, Посейдон — море, Гадес — подземный мир, но главным богом был Зевс. Единственное объяснение, которое мы имеем, — мифологическое: именно Зевс возглавил восстание против их общего отца Хроноса. Земные факты, лежащие за этим объяснением, потеряны в греческой предыстории.

Среди шумеров имелось такое же разделение труда между тремя главными богами. Ану был богом неба, Энлиль — богом земли, и Эа — богом пресной, рождающей жизнь воды. Ану был, по-видимому, главным богом шумеров, по крайней мере на поздней стадии их истории.

Мифологическая причина находится в шумерской истории сотворения мира. Дело идет (как и во многих других мифах о творении) не о сотворении мира из ничего, но о создании упорядоченной Вселенной из беспорядочного хаоса.

В шумерском мифе хаос представлен первобытной богиней по имени Тиамат. Она, очевидно, представляла море, темное, губительное, с хаотически волнующимися водами, которые казались такими ужасными первобытному народу, не владевшему технологией мореплавания. Чтобы Вселенная могла родиться, нужно было победить Тиамат. (Или, быть может, это отражало тот исторический факт, что реку удалось смирить при помощи системы каналов.)

В шумерском варианте мифа Ану в конце концов выступил против Тиамат, победил ее и из ее тела построил Вселенную. В награду за свою победу он, естественно, должен был получить верховную власть над богами.

Здесь можно поразмышлять об исторических фактах, лежащих в основе мифа. Несмотря на пантеон, каждый из шумерских городов сохранял своего любимого бога в качестве особого покровителя. (Как у афинян, которые считали богиню Афину покровительницей Афин.)

Энлиля особенно почитали в Ниппуре, а Эа был покровителем Эриду. До изобретения письменности это были два главных города Убайдского периода, и было вполне естественно, что эти два бога приобрели основную важность. Быть может, тот или другой был первоначально главным богом.

К концу Убайдского периода, однако, на первый план выступил Урук; именно в Уруке была изобретена письменность, и, может быть, Урук возглавлял Шумер вплоть до Потопа. Богом Урука был Ану, и именно он благодаря письменности утвердился как главный бог достаточно прочно, ибо такой порядок сохранялся, даже когда гегемония переходила к другим городам.

Когда аккадяне вступили в Месопотамию, они принесли с собой собственных богов, которых мы можем определить по тому, что они носят семитические имена. Этим богам позволено было войти в шумерский пантеон, но в нижние его слои. Сюда входили Син — бог Луны, Шамаш — бог Солнца и Иштар — богиня планеты Венера (а также богиня любви и красоты).

В некоторых случаях шумерские города принимали того или иного из этих аккадских богов, по-видимому, благодаря аккадскому языку и влиянию, важность которых возросла благодаря подвигам Саргона Аккадского. Так, Син стал главным богом Ура, а Иштар особо почитали в Уруке. Жители Урука, чтобы объяснить такое новшество, решили, что Иштар была дочерью Ану, и родство это вошло в официальную мифологию.

Среди народов Месопотамии (как и среди других народов) было в обычае включать имена богов в свои собственные имена. Это указывало на благочестие и, возможно, приносило удачу, ибо боги, вероятно, не были нечувствительны к лести. Среди исторических персонажей, которых мы отмечаем, мы находим имя Эа у Эаннатума из Лагаша, имя Сина у Нарамсина из Агаде и Римсина из Ларсы. Шамаш появляется в имени ассирийца Шамшиадада I, включающего также имя Адада, бога бурь. Имена эти, конечно, имеют определенные значения (Нарамсин означает «любимый Сином», Римсин — «бык Сина»), хотя не всегда легко определить смысл этих значений. (Мы сами не так вольно обращаемся с именами богов, но примеров достаточно. Так, Амадей в переводе с латыни означает «любовь Бога», Теодор, Феодор, или русский Федор, — «дар Божий», германское имя Готтфрид — «мир Божий».)

Аморей, когда они захватили Месопотамию, не принесли с собой такое число богов, как аккадяне. Их культура была слишком близка к аккадской, и, приняв аккадскую версию семитического языка, они приняли также аккадские имена богов. Их собственный национальный бог Амурру (представляющий нацию в самом своем имени) сделался второстепенным божеством.

Аморейская династия, правившая Вавилоном, например, приняла бога-покровителя города как своего собственного бога. Его имя было Мардук, и в нем видели солнечное божество. Город Борсиппа, к югу от Вавилона, рано попавший под его господство, имел своим покровителем бога Набу. Он также был принят династией, но занял подчиненное положение. В мифах о Набу говорится как о сыне Мардука.

Пока Вавилон был незначительным городом, Мардук оставался незначительным богом. Однако, когда Хаммурапи сделал Вавилон величайшим городом во всей Месопотамии, начался процесс, в котором Мардук должен был сделаться величайшим богом. Жречество медленно подделывало легенды («переписывая историю», так сказать), пока Мардук не всплыл как великий герой мифа о сотворении мира.

Записи этого мифа, которые мы имеем, сделаны после Хаммурапи и дают поздний вариант. В этом варианте Ану действительно выступает против Тиамат, но его подводит сердце и он отступает.

Именно Мардук (изображенный как сын Эа — уступка тому факту, что он был относительно недавним пришельцем, не фигурировавшим в древних мифах) занял его место. Без страха он вступил в битву с Тиамат и убил ее. Он создал Вселенную и поэтому правит ею, став господином богов и людей. Иногда его именуют Бел-Мардук или просто Бел, ибо Бел означает «господин». Вторым после него стал Набу.

Более тысячи лет, пока Вавилон главенствовал в нижнем течении Тигра и Евфрата, Мардук главенствовал на вавилонских небесах.

Так, в библейском отрывке, написанном через двенадцать столетий после Хаммурапи, когда предсказывается падение Вавилона, оно обрисовано через богов, которым город еще

поклоняется. «Пал Вил <sup>[4]</sup>, низвергся Нево» (Ис. 46:1). Нево, или Небо, — это, конечно, еврейская форма Набу.

Мардук, однако, царил в Месопотамии не повсеместно. На севере ассирийцы упорно держались своего собственного бога Ашшура, именем которого был назван их главный город.

## Столп Закона

Хаммурапи был деятельным и способным правителем, кем-то большим, чем просто завоеватель. Он заботливо организовывал свои владения, упорно трудился

и известен нам сегодня лучше всех благодаря тщательной кодификации законов.

Он никоим образом не был первым месопотамским правителем, создавшим свод законов в письменном виде. Как отмечалось выше, Ур-Намму из Ура создал такой письменный кодекс за два столетия до Хаммурапи. Правители Эшнунны и Исина делали то же самое. Несомненно, письменные кодексы существовали и еще раньше, но, к несчастью, они не сохранились.

Кодекс Хаммурапи вырезан на стеле («столпе») из твердого диорита 2,4 м высотой. Ясно, что делали его навечно, и в некотором смысле так и оказалось, ибо мы еще имеем его сегодня (и в очень хорошем состоянии), через три с половиной тысячелетия после эпохи Хаммурапи.

Наверху стелы изображен царь, смиренно стоящий перед солнечным богом Шамашем, восседающим на троне на горной вершине. За плечами бога — языки пламени. (Ситуация подобна той, в которой Моисей пять столетий спустя поднялся на гору Синай, чтобы получить от Бога свод законов.)

Ниже следует двадцать один столбец прекрасно начертанной клинописи, обрисовывающей почти триста законов, которые должны были управлять действиями людей и направлять царя и его чиновников при отправлении правосудия. Несомненно, кодекс прочно опирался на законы, выработанные различными шумерскими городами, и отражал обычаи, формировавшиеся в течение долгих столетий.

Первоначально стела стояла в городе Сиппар, примерно в 45 км выше Вавилона. Его богом-покровителем и в данном случае законодателем был Шамаш, и стела помещалась во внушительном городском храме, посвященном Шамашу. То было свидетельство для всех людей, что перед ними закон, данный богами. С ним мог справиться каждый, и не было нужды бояться, что судьи, из-за забывчивости или взяток, исказят закон.

Стела, содержащая кодекс Хаммурапи, была, однако, обнаружена не в руинах Сиппара. За столетия после Хаммурапи земля эта получила свою долю несчастий и катастроф. Вторгшаяся эламская армия разграбила город и увезла с собой стелу как военный трофей. Она осталась в эламской столице, Сузах, навсегда. Она была еще там, когда в 1901 г. французский археолог Жак де Морган откопал ее и увез на Запад.

Кодекс многое говорит нам о социальной системе своего времени. Свободные люди делились на благородных и крестьян. Были также рабы, институт рабства был всеобщим в древние времена. (Справедливость рабства никогда не ставилась под сомнение, даже в Ветхом или Новом Завете.)

Неравенство людей доводилось до мельчайших деталей. Так, за вред, причиненный благородному, полагалось большее наказание, чем за вред, нанесенный крестьянину, а за этот последний — большее, чем за вред, нанесенный рабу. С другой стороны, справедливость есть справедливость — благородный должен был быть наказан тяжелее, чем крестьянин, за равные преступления и был обязан храму более тяжелыми платежами.

Рабам клеймили лоб, и клеймо запрещено было прятать или маскировать. С другой стороны, бессмысленная жестокость в обращении с рабами была запрещена, и были изобретены методы выкупа рабов на свободу. В целом в аморейском Вавилоне с рабами обращались лучше и они были лучше защищены, чем в Древнем Риме 2 тыс. лет спустя.

Кодекс сильно ориентирован на коммерческие вопросы, что снова указывает на коммерческую основу месопотамской цивилизации. Он утверждает абсолютную святость контрактов и тщательно оговаривает юридические основы владения, продажи и передачи собственности. Он регулирует торговлю, прибыли и практику найма. Он предусматривает меры против обвешивания, недоброкачественных товаров, плохой работы и вообще обмана в делах.

Браки также рассматривались как договорные сделки, предусмотрены были условия разводов и усыновления детей. Хотя мужчина мог развестись с женой по желанию, но в этом случае он должен был вернуть приданое, которое она принесла ему (и это, вероятно, удерживало многих мужей от развода по пустяковым причинам). Собственно, женщины и дети были в явной форме защищены кодексом.

Освещена была также жизненно важная проблема ирригации. Мужчины несли ответственность за свою часть дамб и каналов и платили большие штрафы, если наводнения возникали из-за их небрежения.

Кодекс также предусматривал преступления из-за страсти и небрежения. Часто в качестве наказания встречаются увечья — чаще, чем в старом кодексе Ур-Намму. Это был шаг назад. Если сын ударил отца, ему отрубали руку, которая нанесла удар. Если плотник построил дом, который, рухнув, убил хозяина, плотника приговаривали к смерти. Впрочем, оговаривались несчастные случаи. Если убийца мог представить доказательства, что убийство было непреднамеренным, результатом случайности, он мог отделаться штрафом.

Кодекс подробно регламентирует занятия медициной, которая в 1800 г. до н. э. уже была, по-видимому, высокоразвитой. Гонорары и этика врачей и хирургов регулировались. Неумелый хирург мог потерять руку, которая направляла нож.

Из кодекса и других свидетельств того времени кажется ясным, что личная мораль в Древнем Вавилоне была, по меньшей мере, столь же высокой, как среди нас. Взгляд на Вавилон как на особое вместилище пороков почерпнут в основном из Библии. Библейские авторы были, разумеется, врагами Вавилона, и едва ли можно ожидать от них правдивой картины.

Кроме религиозных предрассудков, нужно учитывать тот факт, что большие города почти всегда выглядят подозрительно в глазах жителей менее урбанизированных областей (подумайте о взглядах жителей маленьких городков, скажем, на Нью-Йорк или Париж).

Кроме того, в Вавилоне, как практически во всех древних культурах, жители принимали участие в ритуалах плодородия, входивших в организованную религию. Ритуализованные



сексуальные контакты считались полезными для плодородия почвы. Евреи, которые практически единственными из древних народов придерживались строго пуританских взглядов на секс, не сумели разглядеть за ритуалами религиозную мотивацию и смотрели на них как на проявление растленной аморальности. Такие взгляды дошли до нашего времени, и несправедливо окрашивают наши мнения о древних языческих культурах.



Под талантливым управлением Хаммурапи расцвели литература и искусство. Сотни писем, сохранившихся с того времени, показывают сложную административную сеть, которую он создал и за которой пристально надзирал. Его труды сохранились надолго. Династия его была недолговечной, и Вавилону пришлось изведать тяжесть иностранного правления, но система, созданная великим царем, просуществовала, с модификациями, полторы тысячи лет.

### Пришествие коня

Ко времени захвата Месопотамии амореями, после 2000 г. до н. э., бронза использовалась почти повсюду уже тысячу лет. Она перестала быть решающим фактором, как прежде. Знание ее обработки распространилось теперь по всему Плодородному Полумесяцу и за его пределами. Кочевые племена, без сомнения, могли получать свою долю бронзового оружия (как североамериканские индейцы могли получать ружья, хотя не умели делать их сами).

Баланс сил, склонившийся в пользу цивилизации, медленно выравнивался, но не до конца. Сказывалась более высокая организация. Амореи могли проникнуть в Месопотамию после вторжений эламитов и достаточно ослабили города-государства, но победа кочевников формировалась сравнительно медленно. Она напоминала скорее просачивание в глубь страны, чем насильственное свержение режима.

Тем временем, однако, где-то за границей цивилизации, возможно в широких степях к северу от Черного моря и Кавказского хребта, происходила революция. Выковывалось новое оружие, которое должно было революционизировать военное дело так же

радикально, как бронза. Но на этот раз оно должно было сильно сдвинуть баланс в пользу кочевников и против жителей городов.

До 2000 г . до н. э. тягловыми животными были волы и ослы. Воллов было легко запрягать благодаря крепким рогам, но они были неуклюжи, медлительны и тупы. Ослики были понятливее, но они были маленькими и не могли быстро тянуть тяжелые, со сплошными колесами повозки.

Поэтому животный транспорт не мог быть успешно использован в военном деле. Армии состояли из масс пеших солдат, которые, размахивая своими копьями и мечами, напирали друг на друга, пока одна из армий не поддавалась и не обращалась в бегство. Повозки могли служить только в качестве церемониального средства (чтобы правитель и другие военные вожди не ходили пешком) либо для перевозки оружия и припасов.

Повозки, запряженные осликами, были лучшим средством для дальних перевозок. Они служили хоть и неэффективно, но поддерживали коммуникации в Аккадской и Амореиской империях. Недолговечность этих империй есть, вероятно, лучшее доказательство неэффективности коммуникаций.

Затем, вероятно около 2000 г . до н. э., были одомашнены быстроногие обитатели степей — дикие лошади. Они были намного крупнее и сильнее ослов и могли очень быстро передвигаться. Вначале, правда, они казались бесполезными для транспорта. У них не было рогов для запрягания, и первые варианты упряжи душили лошадей, налегавших горлом на ремни. Поэтому лошадей вначале употребляли в пищу.

Затем, где-то перед 1800 г ., кто-то изобрел способ использовать лошадь для специализированного легкого транспорта. Повозка делалась возможно более легкой. Она состояла только из маленькой легкой платформы на двух больших колесах. Платформа могла держать только одного человека. Даже колеса удалось облегчить, не теряя прочности, — вместо сплошных колес появились колеса со спицами.

Лошади, везущие такой легкий груз, могли бежать быстрее. Двухколесная повозка была почти столь же маневренной, как сама лошадь, и могла менять направление без больших затруднений.

Именно кочевники научились использовать лошадь и повозку (колесницу) и долгое время колесницами владели исключительно кочевники. Жителям городов недоставало прежде всего самих лошадей, а кроме того, и обширных пространств для их тренировки.

К ужасу своему, цивилизованные народы обнаружили, что эффективность набегов кочевников внезапно усилилась во много раз, ибо отряды колесниц могли яростно атаковать их с разных сторон, их невозможно было остановить и от них укрыться. Психологический эффект атакующей конницы, ее высокая скорость должны были надламывать боевой дух крестьянской пехоты еще до фактического столкновения.

Весь Плодородный Полумесяц лежал теперь беспомощно под грохочущими копытами новой армии. Первые наездники включали группу племен, известных нам как хурриты. Они спустились на северный изгиб Плодородного Полумесяца с предгорий Кавказа в столетие, которое последовало за смертью Хаммурапи.

Территория Ассирии, завоеванная Шамшиададом I, была разорвана конными отрядами на части, и на ней возникло несколько княжеств. Сближались они медленно и только к 1500 г

. до н. э. создали объединенное царство под названием Митанни, простиравшееся от верхнего Евфрата до верхнего Тигра. Самое сердце Ассирии, вокруг города Ашшура, сохранилось под управлением старой династии, но ассирийцы стали данниками Митанни, сделавшегося теперь одной из великих держав цивилизованного мира.

Хурритские захватчики заставили почувствовать свою мощь далеко за пределами Митанни. Смятение, распространявшееся при их подходе, расширялось кругами, когда народы, согнанные с земли, бежали перед их колесницами. Западная часть Плодородного Полумесяца бурлила, и влияние хурритов сильно чувствовалось в Ханаане еще до смерти Хаммурапи.

Библия раз или два упоминает народ, живший на крайнем юге Ханаана, — «И Хореев в горе их Сеире, до Эл-Фарана» (Быт. 14:6). Ныне считается, что эти Хореи (или Хорим по древнееврейски) были хурритами.

Хурритское влияние проникло и за пределы Ханаана. Небольшая группа разбойников, состоявшая из амореев и хурритов, ворвалась в Египет. Египтяне называли их гиксосами. Поскольку египтяне, как и жители Месопотамии, не имели конных колесниц, они не смогли противостоять захватчикам. Их армии в беспорядке отступили, и вся северная половина царства была потеряна на целых полтора столетия.

В Малую Азию тем временем проникла другая группа северян, знакомых с колесничной военной техникой. В месопотамских записях их называют хаттами, и это, очевидно, тот народ, который в Библии именуется хеттеями, или хеттами. Когда они впервые вступили в Малую Азию, они обнаружили, что в ее восточные районы глубоко проникли ассирийские торговцы. Однако, когда хетты двинулись в наступление, ассирийцы отступили. Немедленно после смерти Хаммурапи хетты стремительно расширили свои владения и к 1700 г. контролировали восточную половину Малой Азии, создав то, что назвали Древним Царством. Они приняли цивилизованные обычаи, клинописную систему письма и приспособили ее к своему языку.

Языки хурритов и хеттов, пришедшие с севера, не были семитическими, и зародились они на юге, в Аравии. Хурритский язык не имеет четких связей с другими языками, но хеттский имеет грамматическую структуру, связанную почти со всеми языками современной Европы и части современной Азии, вплоть до Индии. Вся эта семья языков известна ныне под названием «индо-европейские».

На верхнем Евфрате империя, созданная хеттами, и империя Митанни встретились, и их взаимный антагонизм помешал обоим достичь вершины своей мощи.

Анархия, распространившаяся на весь восточный мир, не пощадила и восточную часть Плодородного Полумесяца. Едва успели похоронить Хаммурапи, как восстания в провинциях потрясли Аморейскую империю и орды кочевников извлекли из них все преимущества. Армия хеттов вторглась с севера, и сыну Хаммурапи удалось отбросить ее лишь с величайшими усилиями. Тем временем вассальная Ассирия была оторвана хурритами, и Вавилон быстро вернулся в те ограниченные пределы, которые он контролировал до Хаммурапи.

К тому же особая опасность возникла в горах Загра, где когда-то жили гути, а перед ними шумеры. Несколько столетий кочевники Загра вели себя тихо. Вавилоняне называли их «кошши», и это их, вероятно, в некоторых местах Библии именуют «кушитами». Греки позже называли их «коссеи», а нам они наиболее знакомы как касситы.

К 1700 г . до н. э. они освоили колесничную технику и тоже сделались завоевателями. Они вторглись в страну с северо-востока, захватили Ур и жестоко его разграбили. Вавилон отчаянно оборонялся целое столетие, но в 1595 г . сильно ослабленный хеттским набегом город пал и был занят касситами всего через полтора столетия после смерти великого Хаммурапи.

Касситы приняли месопотамскую культуру и вавилонскую версию древней шумерской религии. В Вавилоне они восстановили храм Мардука и в 1330 г . помогли восстановлению Ура.

Но кочевники ввели лошадей в цивилизованные области, и, когда городские жители научились использовать новое вооружение, преимущество кочевников ушло.

Возрождение, направленное против кочевников, почувствовалось вначале в Египте — самом дальнем районе их распространения. Египтяне еще контролировали южную часть своей страны и в 1580 г ., применив колесницы, изгнали гиксосов из северной части.

В сущности, египтяне сделали сильнее. Впервые в истории они вступили в Западную Азию и начали историю ее завоевания. В 1479 г . величайший из фараонов Тутмос III разгромил союз хананейских городов при Мегиддо. Митанни поддерживало эти хананейские города, и Тутмос продолжал войну вплоть до разгрома Митанни и сведения его до положения данника. Он разгромил также хеттов, положив конец Древнему Царству.

После Тутмоса мощь Египта несколько ослабела и северные царства получили шанс уцелеть. К несчастью для Митанни, царство вступило в период династических ссор и ни один из членов царской семьи не способен был утвердить неоспоримую власть. Хетты, с другой стороны, под управлением ряда способных царей смогли восстановить свои силы полностью. Хетты образовали самую могущественную державу Севера и в 1375 г . создали Новое Царство.

К востоку от запутавшегося в ссорах Митанни лежала возрожденная Ассирия. В 1375 г . на трон вступил способный монарх Ашшурбаллит, и под его управлением страна восстановила полную независимость от Митанни.

Наследник Ашшурбаллита направил армии на запад к Евфрату и в 1300 г . разграбил столицу Митанни. Следующий ассирийский царь завершил работу, раздавив в 1270 г . то, что оставалось от Митанни, и царство это исчезло с лица земли немногим более чем через пять столетий после появления коней и колесниц.

## Глава 4. АССИРИЙЦЫ



Великий охотник

Ашшурбалил положил начало тому, что иногда называют Первой Ассирийской империей. При его внуке Сулмапуазариде I («Сулману — господин») Ассирия, завершив уничтожение Митанни, стала великой державой.

Имя Сулмануазарид носили также много позже несколько других ассирийских царей, фигурирующих в Библии. Еврейский вариант имени читается в русском переводе Библии как Салманасар, так что этого царя Первой Ассирийской империи обычно называют Салманасаром I. В этой книге автор обычно будет использовать библейский вариант месопотамских имен, поскольку они лучше нам знакомы, но, когда возможно, ассирийские имена будут отмечаться тоже.

При Салманасаре I Ассирия вернула себе всю территорию, которую занимала при Шамшиададе I, основателе династии. Она продвинулась на запад до границ Хеттского царства, которое само находилось тогда на вершине своей мощи. (В 1285 г. до н. э. хетты сумели заставить Египет отступить в великой битве в Ханаане.)

Завоевания, которые сделали ассирийцев правителями области в 800 км шириной, принесли в страну добычу и рабов. Салманасар I воспользовался этим, чтобы украсить главные ассирийские города: Ашшур и город под названием Ниневия, расположенный на Тигре примерно в 80 км выше Ашшура,

Салманасар I чувствовал, по-видимому, что новая мощь Ассирии заслуживала новую столицу, и построил Кальху на Тигре, между Ашшуром и Ниневией.

Салманасар I умер в 1245 г. до н. э., после 30 лет царствования. При его наследнике Тукультининурта I («верую в Нинурта») Первая Ассирийская империя достигла вершины своей мощи.

Тукультининурта I провел ряд успешных военных кампаний на востоке, в горах Загра, родины когда-то могущественных касситов. На севере он проник в предгорья Большого Кавказа, где группы хурритов основывали новое царство, известное впоследствии как Урарту (библейский Арарат).

Этот ассирийский завоеватель разбил также касситов на юге и обложил их данью. Затем он вторгся в Элам и оккупировал его. При Тукультининурта I Ассирия впервые добилась господства над всей Месопотамией, и перед смертью он правил территорией, более обширной, чем Хаммурапи. Даже хетты, которые успешно противостояли Египту, дрогнули под ударами ассирийского молота и пали достаточно низко.

Великий завоеватель правил почти сорок лет, прежде чем в 1208 г. до н. э. был в конце концов убит собственным сыном. Он стяжал великую славу при жизни и стал героем эпических поэм. Он даже более знаменит, чем большинство людей подозревает, ибо он вполне мог быть прототипом древнейшего языческого монарха, отмеченного в Библии.

В Книге Бытия мы читаем: «Хуш родил также Нимрода: сей начал быть силен на земле. Он был сильный зверолов... Царство его вначале составляли: Вавилон, Эрех, Аккад... в земле Сен-наар. И из сей земли вышел Ассур и построил Ниневию... и Калах» (Быт. 10:8—11).

Не мог ли Тукультининурта I быть Нимродом? Этот монарх правил как раз в тот период, когда израильтяне вторглись в Ханаан, и сама атмосфера была наполнена восхвалением его великих побед. Истории, которые рассказывали о нем, смутно дошли в туманном виде

до людей, которые через восемь веков после него написали Библию такой, как мы ее знаем.

Там, где говорится о городах — Вавилоне, Эрехе (Уруке) и Аккаде (Агаде), — свалены в одну кучу великие завоеватели, предшествовавшие ассирийцу: Лугальзаггеси из Урука, Саргон из Агаде и Хаммурапи из Вавилона. Затем внимание переносится на север к Ассуру (Ассирия) и отмечается рост Ниневии и учреждение новой столицы Калаха (Кальху).

Даже фраза «Хуш родил Нимрода» подходит, ибо Хуш представляет кошши, или касситов. Вначале в Вавилоне правила касситская династия, а затем ассирийцы.

Кстати, на месте города Калах, где Тукультининурта I держал свой двор, города, основанного его отцом, стоит теперь арабский городок под названием Нимруд.

Но в бесконечном цикле роста и упадка величие еще раз сменилось почти мгновенным хаосом и распадом. Тукультининурта I еще удерживал свои великие владения, но уже началось другое великое движение народов.

Мы мало знаем об этой группе скитальцев, но, по-видимому, это были индоевропейцы северных степей. На этот раз они обошли Черное море с запада, а не с востока и включали отряды людей, которых мы теперь называем греками.

Они гнали этих людей перед собой в море, и эти изгнанники, обратившись к пиратству, сделались столь же вредными и опасными, как и первоначальные захватчики. Мы видим, как морские разбойники набрасываются сперва на берега Египта. Пораженные египтяне называют их «народом моря», и под этим именем о них обычно упоминают в истории. Египет сумел пережить нападение, но был так потрясен, что переживал потом долгие столетия слабости.

Разбойники нападали также на Малую Азию и нынешнее сирийское побережье. Разрушение города Троя на северо-западном побережье Малой Азии было, вероятно, результатом этого вторжения. (Позднее греки возвысили эту историю до эпического сказания о десятилетней осаде Трои объединенным войском греческих вождей.)

Вся Малая Азия задрожала. Хеттское царство, уже поставленное ассирийцами на край гибели, было разрушено. Сама Ассирия почти сразу после смерти Тукультининурта I почувствовала удары. Она уцелела, но ее империя была потрясена. Понадобилось более столетия, чтобы вновь набрать силу.

В течение периода ассирийской слабости, последовавшего за вторжением «народов моря», Вавилон имел шансы оправиться, но процесс этот был бесконечно болезненным. Свыше полустолетия царила практически анархия. Слабые касситские правители были освобождены от ассирийского господства, но не способны были организовать эффективное сопротивление вторжениям извне.

Вторжение пришло из возрожденного Элама, повторяя события, имевшие место восемь столетиями раньше, после упадка Ура. Тогда эламитские экспедиционные силы взяли и разграбили Ур; теперь эламиты взяли и разграбили Вавилон и соседние города. В 1174 г. они похитили две из великих реликвий уже очень древней месопотамской цивилизации. Они похитили стелу с кодексом Хаммурапи, возрастом 600 лет, и стелу Нарамсина возрастом 1000 лет.

В 1124 г. власть захватил уроженец Вавилона и положил конец касситскому правлению, которое продолжалось к тому времени (все быстрее слабя) четыре с половиной столетия.

Имя нового правителя было Набу-кудурри-узур («Набу охраняет границы»). Более поздний царь того же имени был известен евреям под именем, которое в английском переводе Библии читается как Небукадрезар <sup>[5]</sup>. В некоторых местах Библии «р» ошибочно заменяется на «н» и читается как Небукаднезар.

Навуходоносор I сумел разбить эламитов настолько основательно, что лишь через долгое время Элам осмелился двинуться на запад снова. На время показалось, что возвращаются славные дни Хаммурапи, и Вавилон запомнил Навуходоносора на много столетий. Пришлось запомнить, ибо прошло еще пять столетий, прежде чем прирожденный вавилонянин вновь стал верховным правителем Месопотамии.

Причина того, что Навуходоносор I не добился большего, но остался только вспышкой удачи, состояла, в очень большой части, в новом внезапном изменении военной технологии.

## Железо

Пятнадцать сотен лет люди сражались бронзовым оружием. Это было нелегко. Медь и олово, два металла, идущие на изготовление бронзы, встречаются нечасто, метод их поиска был труден и ненадежен. Финикийцы (имя, данное греками хананеянам, жившим на морском побережье) даже посылали своих отважных моряков далеко за пределы Средиземноморья, на север, в места, которые должны были казаться концом мира, чтобы добывать олово в коях Корнуолла в Британии.

Был, однако, известен металл крепче, чем бронза. Иногда находили куски серовато-черного металла, который, перекованный в мечи или наконечники копий, давал оружие более твердое и прочное, чем даже бронза, и дольше держал острое лезвие. Затруднение состояло в том, что этот металл, который мы называем железом, находили только случайно. (Теперь мы знаем, что находки были метеоритами, состоявшими из особо твердого сплава железа с родственным металлом — никелем.)

Конечно, можно было получать железо из железных руд, содержащих металл в форме химических соединений, но ранние металлурги делали это редко и случайно. Хуже того, железо, полученное таким образом, было нечистым и скверного качества. Затруднение было в том, что, если медь и олово довольно легко выплавляются из руд на обычном огне, выплавлять железо было намного труднее. Нужна была более высокая температура пламени и более сложная техника.

Даже после того, как было получено железо хорошего качества, необходимо было изобрести методы выплавки, которые добавляли бы к нему определенную долю углерода, чтобы получить сталь — прочный вид железа, который можно было использовать для оружия.

Где-то около 1300 г. до н. э. техника выплавки и науглероживания железа была разработана в кавказских предгорьях в Урарту. Эта страна находилась тогда под властью Хеттского царства, которое находилось на высшей точке своей мощи. Хеттские цари тщательно охраняли монополию на новую технику, ибо понимали ее важность не только как метода получения металла прочнее бронзы, но и в перспективе гораздо более распространенного, чем медь и олово. Вначале получали только маленькие партии железа,

и в течение нескольких столетий оно стоило порой в сорок раз дороже серебра. Но еще до того, как выплавку можно было увеличить, а хеттам — этим воспользоваться, им пришел конец.

Хеттское царство было разрушено во время беспорядков, последовавших за движением «народов моря», и хеттская монополия на железо была нарушена. Технология выплавки железа быстро распространялась в том числе, конечно, в Ассирию, которая граничила с «железным царством» Урарту.

Торговля железом восстановила процветание Ассирии. Открылся путь для нового завоевателя. Им оказался Тукультипал-Есарра («верую в сына Есарры», то есть в Нинурту). Он взошел на трон в 1115 г. до н. э. Более поздний царь того же имени упомянут в Библии под именем Тиглатпаласар, и новый ассирийский царь известен нам под именем Тиглатпаласар I.

Тиглатпаласар расширил владения Ассирии до пределов, которых она достигала при Тукультининурта I. Железо было еще слишком редким металлом, чтобы использовать его для оружия в больших количествах, но Тиглатпаласар I, должно быть, вооружил новым оружием свои отборные войска. С ними он направился вниз, в Вавилонию, и в 1103 г.

Навуходоносор вынужден был отступить перед стальными копьями Ассирии.

Но Тиглатпаласару I пришлось столкнуться с худшими опасностями. Давление кочевников поднималось снова.

Эта постоянная смена цивилизованных завоевателей и кочевых захватчиков может показаться смертоносной, но скучной игрой. Почему кочевники всегда решают напасть на города, когда великие цари мертвы и похоронены? И почему они приходят почти сразу после смерти великого владыки?

Разумеется, это не совпадения. Давление кочевников в древние времена было практически постоянным (хотя поднималось иногда до ошеломительных размеров). Пока цивилизованные области пребывали под властью сильных царей с хорошо организованной администрацией, кочевников сдерживали, и мы слышим о них очень мало. Как только на трон восходит слабый монарх и в стране воцаряются распущенность и беспорядок, кочевые налетчики, ранее бессильные, добиваются весьма внушительных успехов.

Во времена Тиглатпаласара I вновь наступила очередь Аравии служить питомником кочевых разбойников. Эти кочевники были арамеями, и они давили на границы Плодородного Полумесяца на западе и на востоке, как делали амореи на восемь столетий раньше.

При Тиглатпаласаре I ассирийская армия, под хорошим военным руководством, била арамеюв во многих кампаниях. Военные бюллетени, оставленные Тиглатпаласаром I, содержат самые древние упоминания об арамеях. Разгром кочевников, однако, редко приносил продолжительную пользу. Посылать против них армии (пока они цеплялись за кочевой образ жизни и не переходили к оседлости) было все равно что толочь воду в ступе. Кочевое воинство исчезало в пустыне и возвращалось, когда армия уходила.

Ассирия истощила силы, сдерживая арамеюв, и после убийства Тиглатпаласара I в 1093 г. до н. э. его наследникам недоставало способностей старого царя. Как только Ассирия



стала менее эффективно управляться, а во главе армии встали более слабые полководцы, арамейские набеги сделались намного более эффективными. Власть Ассирии сужалась, и страна вступила в новый полуторавековой период слабости.

Этот период дал израильтянам шансы на экспансию. Когда они около 1200 г . вступили в Ханаан, они нашли его побережье занятым «народами моря». Эти народы, которых называли филистимлянами, владели железным оружием, а Израиль — нет, и в течение столетия филистимляне господствовали в стране.

Затем, в 1013 г . до н. э., Давид, одаренный израильский вождь, установил свое правление не только над собственным израильским племенем Иуды, но и над всеми остальными израильскими племенами. В ходе своего сорокалетнего правления он разбил филистимлян и установил свою власть надо всей западной половиной Плодородного Полумесяца, вплоть до верхнего Евфрата. Этого никак не могло бы случиться, если бы Ассирия находилась в то время под управлением таких царей, как Тукультининурта I или Тиглатпаласар I.

Империя Давида также не была непреступна против проникновения амореев. В царствование Соломона, сына Давида, аморей создали княжества близ северных границ самого Израиля. Одно из них, со столицей в Дамаске, сделалось весьма могущественным. Царство Дамаска известно обычно под именем Сирии (имя, данное региону греками столетия спустя).

Утверждение Сирии жестоко ослабило Израиль и способствовало смутам, которые вслед за смертью Соломона в 933 г . до н. э. привели к расколу Израиля на два царства — Израиль и Иудею.

## **Ассирийский Гитлер**

Казавшаяся бесконечной жизненная сила Ассирии произвела, однако, еще одно возрождение. Ассирия вновь ожила после яростного давления хурритов, а затем «народов моря». Теперь она сразилась с арамеями.

В 911 г . на ассирийский трон взошел Ададнирари II. Он реорганизовал управление и снова начал одерживать победы над арамеями. (Арамеи осели в ряде княжеств в пределах Плодородного Полумесяца, и теперь их стало легче раздавить, чем во времена, когда они были странствующими кочевниками.)

Важным фактором, благоприятствующим Ассирии, был рост производства железа. В 889 г ., когда сын Ададнирари Тукультининурта II начал свое краткое пятилетнее правление, железа в государстве было достаточно, чтобы вооружить стальным оружием всю армию. Ассирийская армия первой стала использовать новый металл в больших количествах и вступила в двухвековую эпоху завоеваний, сделавших ее ужасом Древнего мира.

Дело было не только в железе. Ассирийцы первыми создали науку осады городов. Население города с самых древних времен знало, что, окружив себя стенами, они могут отражать врага наиболее эффективно. С высоты стен легко было осыпать врагов градом стрел, в то время как враг мог принести мало вреда, посылая стрелы вверх.

Осада стала поэтому состязанием на выносливость и терпение. Осаждающие избегали попыток проложить себе путь оружием и взять город штурмом. Вместо этого они довольствовались изоляцией города и не давали подвозить продовольственные припасы.

Таким образом, голодом можно было заставить город подчиниться. Осажденный город старался продержаться возможно дольше в надежде на то, что осаждающая армия не устоит перед скукой, лишениями и болезнями. Обычно это была долгая история, и часто, при страданиях обеих сторон, достигался некоторый компромисс, по условиям которого город соглашался платить дань, но оставался нетронутым.

Ассирийцы, однако, в наступивший исторический период начали изобретать методы разрушения стен. Они строили тяжелые башни, которые нельзя было опрокинуть, ставили их на колеса, чтобы их можно было подкатить к стене, закрывали щитами, чтобы защитить людей внутри, и устанавливали таран, чтобы пробивать стену. Когда в стене пробивалась брешь и в нее устремлялась атакующая армия, для города все было кончено.

С этой формой осадной войны пришел новый ужас. Пока битвы велись армиями против армий, кровопролитие было ограниченным. Побежденная армия могла бежать, и даже бегущие солдаты могли обернуться и защититься. Но когда город брали штурмом, население оказывалось зажатое в собственных стенах и не могло убежать. Город был наполнен материальной добычей, а также беспомощными женщинами и детьми, над которыми можно было творить насилия, не опасаясь мести. В ярости сражений и упоении победой разграбление городов влекло за собой неопишемые жестокости.

Это проявилось самым ужасным образом в правление Ашшур-насирапли («Ашшур хранит наследника»), известного нам под именем Ашшурнасирапала II, который наследовал Тукультининурта II в 883 г. до и. э.

Он практически завершил уничтожение арамейских княжеств на всем пути до Средиземноморья, закончив труды двух своих предшественников. Он восстановил процветание Ассирии и выстроил вновь заброшенный город Калах, сделав его еще раз столицей царства.



В Калахе он воздвиг для себя дворец — одно из первых ассирийских сооружений, раскрытых современными археологами. (Дворец был раскопан в 1845-1851 гг. н. э.)

От него осталось достаточно сооружений и ценностей, чтобы оценить его великолепие. Он занимает площадь почти в 2,5 га и украшен барельефами в необычайно реалистическом стиле. Многие показывают охоту Ашшурбанипала на львов. Царь изображен мужчиной с сильными, но довольно грубыми чертами. Охота всегда считалась королевским спортом, но мало было королей, так увлеченных ею, как ассирийские монархи. Эта увлеченность вошла в пословицы. Библия описывает Нимруда расхожим определением: «Могучий зверолов перед Господом» (Быт. 10:9).

Барельефы, изображающие копей и колесницы, управляемые сильной рукой Ашшурнасирапала, поражающего львов стрелами, восхитительны, даже прекрасны. Животные — сплошные мускулы, ярость и эмоции. Вряд ли можно найти в мировом искусстве более реалистическое изображение страданий животных, чем ассирийские резные рельефные изображения раненых львов.

Но они выражают каким-то образом наслаждение страданиями животных, напоминающее нам, что Ашшурнасирапал II знаменит или, скорее, позорно знаменит кое-чем, очень далеким от искусства. Ему, более чем любому другому ассирийцу, обязана эта нация своей репутацией в истории. Он наполнил четверть столетия своего правления жестокостями, которые оставались непревзойденными до появления Гитлера.

Жестокости эти особенно тесно связаны с новым способом осадной войны. Ашшурнасирапал II весьма эффективно использовал осадные устройства и ценил их достаточно высоко, чтобы оставить изображения на своих надписях. Он взял естественную склонность штурмующих армий к жестокостям и поднял ее до преднамеренной политики террора, почти невероятного для любого века, кроме XX, который был свидетелем деяний нацистской Германии.

Когда армия Ашшурнасирапала II захватывала город, смерть от пыток становилась рядовым явлением. Головы отрубались во множестве, из них складывали пирамиды. С людей сдирали кожу, их сажали на колья, распинали, закапывали заживо.

Все это могло входить в обдуманый план повышения ассирийской мощи. Можно представить себе, что монарх утверждал, что путем такой политики террора города можно убедить сдаться без осады или, еще лучше, вообще не устраивать восстаний. В конечном счете, мог бы сказать Ашшурнасирапал II, общее кровопролитие и страдания уменьшатся, так что жестокости войны станут, в сущности, благом. (Ястребы войны твердят об этом и в наше время.)

Тем не менее, тот факт, что Ашшурнасирапал II с торжеством подробно описал свои деяния в надписях, иллюстрированных барельефами, тот факт, что он явно наслаждался зрелищем пыток, несомненно, разоблачает его как садиста. Он совершал свои злые деяния, потому что получал от них удовольствие.

В краткосрочной перспективе политика Ашшурнасирапала II была успешной. Он расширил империю и поставил ее на прочное основание. Скончался он в мире и, возможно, с утешительным чувством, что хорошо поработал.

В долгосрочной перспективе, однако, он потерпел неудачу. Он сделал имя ассирийцев ненавистным и отвратительным. Такого успеха не добивался ни один завоеватель до

Адольфа Гитлера. Позднейшие ассирийские монархи никоим образом не были столь порочными, как Ашшурнаирпал II, некоторые из них были даже просвещенными и порядочными человеческими существами. Но благодаря Ашшурнаирпалу II клеймо садизма прилипло к ним всем, и ни один из них не знал мира. В остальное время, оставленное Ассирии, ее история состояла из подавления восстаний, ибо ни один народ не мог долго оставаться ее мирным подданным.

И когда, после двух с половиной столетий непрерывных войн, Ассирия была в конце концов побеждена, поражение было окончательным. Другие нации могли склониться, пережить поражение и возродиться. До Ашшурнаирпала II Ассирии самой это не раз удавалось. Но когда она вновь пала, после Ашшурнаирпала II, она была раздавлена полностью и стерта с лица земли.

## **Кони становятся крупнее**

Сын Ашшурнаирпала II Салманасар III наследовал ему в 859 г. до и. э. и правил еще дольше, чем отец. Он стремился к дальнейшему расширению царства, и его подданные постоянно видели его во главе войска.

Одно из арамейских княжеств все же пережило подъем Ассирии. Это было Сирийское царство с центром в Дамаске, которое сохранило какие-то силы в районе западного рога Плодо-родного Полумесяца и активно занималось организацией сопротивления Ассирии. Главным союзником Сирии в этом предприятии был Израиль, ее южный сосед, в котором правил Ахав, царь, знаменитый в Библии своим идолопоклонством и порочностью (по крайней мере, согласно взглядам библейских авторов).

В 854 г. союзники столкнулись с ассирийской армией в Каркаре. Такого места не обнаружено, но думают, что оно находилось в Северной Сирии, километрах в 50 от Средиземноморского побережья. Положение было отчаянным, ибо ассирийская армия была лучшей в мире и превосходила по численности союзную сирийско-израильскую армию в пропорции три к двум. Мы должны были бы знать подробности битвы, но мы их не знаем. Все, что мы можем сказать, — это то, что вопреки всем шансам союзники ухитрились удержаться. Каким-то образом они остановили страшных ассирийцев, принудив их по меньшей мере к отступлению. Ассирийцы убралась, и Сирия и Израиль выиграли для себя еще одно столетие существования.

Довольно странно, что Библия не отмечает битвы (одна из причин, почему мы так мало знаем о ней); почти как если бы авторам не хотелось отдавать честь великой победы порочному Ахаву. Мы знаем о ней из краткого упоминания в ассирийских надписях, от которых едва ли можно ожидать подробного описания битвы, которая, уж конечно, не была славной ассирийской победой.

Однако, хотя союзники получили передышку, они спаслись не навсегда. Ассирия была слишком велика и слишком могущественна, чтобы игнорировать ее вообще. В другой кампании, после смерти Ахава, ассирийская армия опустошила Сирию и принудила ее и другие княжества Запада к выплате дани.

Династия Ахава была свергнута и истреблена в 843 г., через одиннадцать лет после великой битвы. Ииуй, израильский генерал, основал новую династию. Библейское повествование делает Ииуя героем за уничтожение порочной династии, но ассирийские надписи показывают его в ином свете. «Черный обелиск», обнаруженный в развалинах Калаха, показывает князей, подданных Ассирии, приносящих дань Салманасару. Один из

них — Ииуй Израильский, лежащий простертым у ног своего ассирийского господина. Правители Сирии и различных финикийских городов также помещены среди данников. Однако обескровленные ассирийскими хозяевами маленькие царства Запада сохранили самоуправление, и они обязаны этим, по крайней мере, отчасти, сильному впечатлению, которое они произвели при Каркаре.

Намного более опасным для Ассирии врагом было растущее царство Урарту на севере. Бывшая группа соперничающих хурритских княжеств объединилась в могущественное царство около 1000 г . до н. э., когда Ассирия была разбита арамейскими вторжениями. Царство урартов было сосредоточено вокруг озера Ван, к северу от верховьев Тигра, примерно в 320 км к северу от Ашшура.

Начался период постоянных войн между Урарту и Ассирией, период длительных неприятностей для этой последней. Урарту не имело других серьезных врагов и могло сосредотачивать все силы против южного соседа на протяжении нескольких столетий, в то время как армии Ассирии были разбросаны во всех направлениях. Поэтому, хотя Ассирия выигрывала почти все битвы, Урарту всегда удавалось оправиться, как только Ассирия отвлекалась на другие направления, и вскоре северное царство готово было ударить снова. Поединок заполнил большую часть правления Салманасара III. Однажды ассирийским армиям удалось даже захватить столицу урартов. Но Салманасар III не мог держать там армию сидящей без дела, а когда армия ушла, Урарту оправилось вновь.

Примерно то же самое происходило у ассирийского соседа на юге. В 850 г . до н. э. Салманасар III двинулся вниз по течению, чтобы вновь утвердить власть Ассирии над Вавилонией, власть, которая потеряла силу за полтора столетия до Тиглатпаласара I. За это время новая сила продвинулась в Вавилонию; новая группа семитских племен из Аравии.

То были халдеи, впервые отмеченные в военных надписях зловещего Ашшурнасирапа II.

Салманасар III так и не добился полной победы над халдеями. Как и урарты, халдеи переваривали поражения и поднимались вновь, как только ассирийские армии уходили прочь.

В правление Салманасара III на мировую сцену выдвигаются индоевропейские народы. Они распространялись со своей восточноевропейской родины во всех направлениях со времен великих вторжений кочевников на конных колесницах. Первая великая цивилизация, которую они дали миру, цивилизация хеттов, увяла за три с половиной столетия до Салманасара III, но повсюду на границах появлялись другие племена, окружавшие семитический мир Аравии и Плодородного Полумесяца.

Часть индоевропейцев двигалась к западу от Черного моря, в Европу. Те из них, кто двинулся на крайний юго-восток и занял три самых южных европейских полуострова, известны нам под именем греков.

Другие племена двинулись восточнее Черного моря и прошли через холмистые земли современного Ирана. Они мигрировали к югу, вплоть до современного Пакистана, еще около 1500 г . до н. э. Эти восточные племена называли себя ариями, что означает «благородные».

Поскольку эти племена говорили на индоевропейском языке, историки XIX в. часто называли эту группу языков арийской, хотя на этих языках говорили и многие другие

группы, такие, как греки или хетты, не входившие в число восточных племен. Еще с меньшими основаниями арийцами (или ариями) называли людей, говоривших на индоевропейских языках. Этот термин был окончательно скомпрометирован Гитлером и нацистами, которые пользовались им при выработке своих бессмысленных расовых теорий. В этой книге я буду называть данную языковую семью индоевропейской.

Одна из форм термина «ариец» сохранилась, однако, на вполне законном основании в названии страны — Иран, который действительно был заселен этими племенами более 3 тыс. лет назад. Страна эта была известна и под рядом других названий (из которых наиболее знакома нам Персия), и я буду пользоваться ими, когда это будет уместно, в данной книге. В стране преобладало несколько племен, находившихся в близком родстве по языку и культуре, но носивших разные имена. Всех их вместе мы будем называть иранцами.

Первым из иранских племен, оставивших след в истории Месопотамии, были мидяне. Спустившись с севера, они сделали своим домом земли к югу от Каспийского моря и к востоку от главных хребтов Загра. Этот регион стал известен под именем Мидии. Мидяне впервые отмечаются в хрониках Салманасара III, который вел здесь военную кампанию в 836 г. до н. э.

Мидяне внесли важный вклад в историю военного дела, и этот вклад снова связан с лошадью. Конная колесница была замечательным оружием, которое тем не менее имело свои ограничения. Им можно было пользоваться только на сравнительно плоской поверхности. Неожиданные бугры и канавы могли перевернуть колесницу и серьезно покалечить колесничего.

Было бы много лучше, если бы наездник ездил прямо на лошадиной спине. Даже без стремян, помогавших твердо держаться в седле (металлическое стремя было изобретено лишь тысячу лет спустя), всадник мог научиться удерживаться в седле даже во время галопа и прыжка и пользоваться таким дальнобойным оружием, как лук и стрелы. (При любой попытке воспользоваться на близком расстоянии копьем всадник рисковал быть сброшенным с коня отдачей от удара копья.)

Главная трудность состояла в том, что в течение первого тысячелетия в войне использовались только довольно мелкие лошадки. В наших глазах они выглядели бы как быстроногие и крепкие пони, достаточно выносливые, но просто несравнимые с крупными животными наших дней. Такой конек мог везти колесницу, если один не справлялся, можно было запрячь пару, бок о бок. Но лошадь такого типа не могла нести на спине груз всадника — особенно вооруженного, и быстро носить его в битве сколько-нибудь продолжительное время. А всадник не мог облегчить положение, сев на двух лошадях сразу.

Именно мидяне, по-видимому, первыми вывели крупных лошадей, способных нести на спине всадника, и иранские народы оставались самыми умелыми кавалеристами во всей истории Древнего мира.

Ассирийцы получили крупных лошадей от мидян, вероятно в качестве военной добычи, и добавили к своей военной машине еще один специализированный род войск — конных лучников. Ассирийские конники могли теперь пройти повсюду, где могла пройти лошадь, и могли преследовать бегущую пехоту по пересеченной местности, которая раньше защищала побежденную армию от преследования колесничих.

Крупная лошадь означала и кое-что еще. Царские посланцы и курьеры могли теперь путешествовать быстрее и на большие расстояния, ибо крупные лошади устают медленнее. Почтовая служба, впервые установленная шумерами, была сильно улучшена и расширена ассирийцами, и, поскольку коммуникации улучшились, ассирийцы могли организовать большую империю лучше, чем прежние завоеватели. Можно стало прокормить большие скопления людей и большие города, как Вавилон или Калах, которые достигали 30 тыс. населения.

## **Царица, которой не было**

Наполненное войнами царствование Салманасара III сильно истощило Ассирию и в конечном счете не достигло наиболее насущной цели — полного вывода врагов из строя. Салманасар одержал победы на всех направлениях: в битвах против Израиля и Сирии на западе, против Урарту на севере, против Мидии на востоке, против Вавилонии (или Халдеи, как мы можем ее теперь называть) на юге. В каждом случае, однако, победы не были решающими и у врагов осталось много боевого духа и военного потенциала.

Кроме того, последние годы жизни царя были полны династических неприятностей. Это было обычным явлением в древних монархиях. Чем ближе период к нашему времени и чем более подробно, следовательно, мы его знаем, тем лучше можем мы разглядеть вечную войну между отцом и сыном либо между братьями.

Одна из причин состояла в том, что в древних монархиях не было четкого порядка наследования. Вообще говоря, достаточно было, чтобы правил один из членов царской семьи, но это не обязательно должен был быть старший из уцелевших сыновей царя. В этом был некоторый резон. Если бы трон автоматически переходил к ближайшему родственнику, царем мог сделаться некомпетентный человек. При наличии свободного выбора на трон, в теории, всходил лучший.

Но кто был этот лучший? В полигамных царских семьях нередко оказывалось множество взрослых сыновей, каждый из которых считал себя лучшим. Могло возникнуть множество различных партий, ожидающих смерти старого царя и надеющихся на успех кого-то одного из родичей.

Если старый царь умирал внезапно и неожиданно, могла начаться гражданская война. Если старый царь не умирал слишком долго, нетерпеливый сын мог подготовить захват трона силой (и, если возможно, убийство отца также).

В последний год царствования Салманасара III мятеж поднял его старший сын. Царь умер в 824 г., прежде, чем мятеж был подавлен. Младший сын Салманасара III сражался от имени своего отца и сумел раздавить мятеж. Он не был, однако, сильным царем, и ассирийская мощь ослабла в его правление, истощенная страна искала передышки.

Когда в 810 г. до н. э. новый царь скончался, он оставил после себя младенца-сына, и вдова царя Саммураммат захватила ведущую роль. Зрелище женщины, правящей великим, могущественным, еще вчера наводившим ужас Ассирийским царством, произвело впечатление на соседние страны. В то время греки как раз выходили из темного периода, следовавшего за хаосом, устроенным «народами моря». Даже на своем полуострове, в 1800 км от Калаха, они, должно быть, получали смутные вести о новой царице. Во всяком случае, в их легендах, известных нам в позднейшей литературной обработке, описывается в курьезно укороченном виде история Ассирии, сосредоточенная вокруг такой царицы.

Первым ассирийским царем, согласно греческой легенде, был Нин, и он основал Ниневию. (Ниневия была столицей Ассирии в позднейшие времена, и греки, вероятно, рассудили, что город был назван по имени своего основателя. Возможно также, что в Нине отразились смутные воспоминания о Тукультининурта I, в таком случае Нин из греческой легенды и Нимрод из еврейской легенды суть одно и то же лицо.)

Предполагалось, что Нин в серии молниеносных кампаний завоевал всю Западную Азию (спрессованное отражение трудов дюжины ассирийских завоевателей) и женился на прекрасной женщине по имени Семирамида. Кажется ясным, что Семирамида — это воспоминание о Саммурамат.

После смерти Нина, говорит далее легенда, Семирамида наследовала ему на троне. Она царствовала якобы сорок два года и основала город Вавилон. Успех сопутствовал ей во всех ее предприятиях, пока наконец она не попыталась завоевать Индию и не потерпела неудачу.

История эта содержит много цветистых и романтических деталей, и поздние греки приписывали Семирамиде каждое замечательное сооружение или памятник, который находили в Западной Азии. Однако все это выдумки, порождение буйного воображения, вдохновленного тем простым фактом, что короткое время Ассирией правила женщина.

Подлинная Саммурамат правила только восемь лет, а не сорок два, и правление ее не было отмечено особыми успехами или победами. На деле вслед за царствованием ее сына Ассирия вступила в период застоя, когда несколько некомпетентных правителей сменяли друг друга на троне. Репутация Ассирии была, однако, настолько устрашающей, что она оставалась нетронутой, по крайней мере, в своем историческом ядре, даже если империю потеснили на границах. Ни один из соседей не смел уколоть ее слишком сильно.

Но в этом интервале, когда Ассирия дремала, соседи ее у себя дома процветали. Урарту, в частности, достигло периода величайшей славы. С 778-го по 750 г. царство находилось под управлением Аргишти I, который объединил под своей властью всю самую северную часть Месопотамии и выковал державу, которая на время стала столь же обширной и сильной, как временно ослабевшая Ассирия.

Израиль также переживал период процветания. Сирия была сильно разграблена Салманасаром III и не могла более соперничать с Израилем. В 785 г. на трон Израиля вззошел Иеровоам II. Он расширил свои владения до Евфрата, Сирия и Иудея заискивали перед ним. Сорок лет он царствовал — почти, как если бы вернулось царство Давида.

Но к несчастью для Урарту, Израиля и всей Западной Азии, Ассирия была не мертва. Она только спала.

## **Политика депортаций**

Общая неспособность ассирийских царей вывести страну из депрессии и эффективно справиться с Урарту разрушила престиж царской семьи. Она постоянно правила Ассирией уже больше тысячи лет, с того самого момента, как Шамшиадад I утвердился на троне Ашшура как аморейский узурпатор и когда Хаммурапи был еще вавилонским князьком. Теперь династия сгнила и армия проявляла беспокойство.

В 745 г. в столице разразился военный мятеж, и, когда буря прошла, старая династия исчезла. Ее место занял новый царь, не принадлежавший к царской семье.



В попытке обеспечить преемственность и указать на возвращение «доброе старое время» могущества и побед он принял имя знаменитого древнего завоевателя. Он назвал себя Тиглатпаласаром III.

Начал он с реорганизации империи. За полстолетия нерадивого правления предыдущих царей дела пришли в расстройство. Поэтому он ужесточил административные процедуры, сделав всех чиновников ответственными непосредственно перед ним. Он улучшил финансы и основал профессиональную армию из наемных солдат (наемников), многие из которых не были ассирийцами. Благодаря этому можно стало не терять времени на сбор крестьянских рекрутов при каждой чрезвычайной ситуации или при потерях, вызванных тем, что новобранцы не были достаточно обучены. Вместо этого армию можно было теперь постоянно держать на высоком уровне эффективности. Обходилось это дорого, но деньги всегда можно было получить от данников, и более, чем когда-либо, Ассирия выжимала свои жертвы досуха и подпитывала их отчаянную ненависть.

После всего этого царь приступил к сведению счетов с внешними врагами.

Во-первых, была проблема кочевников. Обнаглевшие мидяне нападали на ассирийские аванпосты. Тиглатпаласар III не собирался ждать, пока они еще больше осмелеют. Он выступил против них, без устали их преследовал и уничтожал, когда наступал. Окончательный разгром кочевников был все-таки невозможен, но мидяне получили о нем представление. Они, разумеется, сохранили независимость, но платили дань и вели себя почтительно.

Быстрая кампания на западе терроризировала малые нации. Иеровоам II умер в тот самый год, когда Тиглатпаласар III взшел на трон и его немощные наследники оказались не способны удержать Израиль от распада. Израилу пришлось быстро согласиться выплачивать Ассирии дань, и последняя молниеносная вспышка израильского процветания погасла.

Тиглатпаласар III обратился на север, против сильнейшего врага Урарту, дипломатия которого поддерживала недовольство и мятежи повсюду, где их можно было найти. Тиглатпаласар III нанес ей жестокий удар. Он не мог выгнать урартов из всех крепостей, но сумел зажать в своем кулаке всю южную половину страны. Урарту получило смертельную рану. Царство пришло в упадок и никогда уже не восстановило всю свою мощь.

Затем ассирийцы вновь обратились на запад, где возникла (как столетием прежде, в великие дни Ахава) еще одна попытка антиассирийского альянса. Тиглатпаласар III взял Дамаск и положил конец Сирийскому царству, просуществовавшему два столетия. Израиль снова притих.

Тиглатпаласар III создал новую ассирийскую политику обращения с побежденными странами. Старая система бесконечного террора была отброшена. Вместо нее Тиглатпаласар III установил гораздо более тонкую практику. Он захватывал вождей нации, переселял их в отдаленные районы своего царства и заменял их людьми из других районов.

В этом была хитрая психологическая основа. В те времена повсюду считали, что каждый бог связан с землей, что любому богу можно по-настоящему поклоняться только в одном определенном месте. Если людей выслали из их страны, их выселяли с родины их богов. Их пригоняли в новую землю, где не было не только их языка и обычаев, но даже их

старых богов. У изгнанников исчезало ощущение идентичности, национальное чувство оказывалось раздавленным.

Конечным результатом было общее ослабление неассирийских регионов империи к выгоде ассирийской правящей партии.

Высылки оказали другой важный и совершенно нежеланный эффект — они повлияли на язык Месопотамии. Со времен Саргона Аккадского здесь господствовал аккадский язык, независимо от прихода новых завоевателей. Ассирийцы и халдеи одинаково приняли аккадский язык, говорили на нем, и ко времени Тиглатпаласара III он господствовал уже пятнадцать столетий.

В западной части Плодородного Полумесяца, однако, в ходу были другие семитические диалекты — еврейский, финикийский, арамейский. Здесь пользовались алфавитом (изобретенным финикийцами около 1500 г. до н. э.), который позволял очень легко научиться писать. В международной торговле стало очень соблазнительным использовать один из западных семитических языков, а не аккадский. Так было даже на родине ассирийцев, ибо ассирийскому купцу было намного легче научиться читать и писать на арамейском с его двумя дюжинами букв, чем сирийцу научиться читать и писать на аккадском с его тысячами отдельных символов.

Великими торговцами ассирийского периода были арамеи, и они распространили свой язык по всей западной половине Плодородного Полумесяца. Со временем он заместил, например, еврейский среди евреев. Самые последние книги Библии написаны частично на арамейском и языком простого народа Иудеи. Во времена Иисуса Христа был арамейский. На этом языке говорил сам Иисус (вероятно, он знал только этот язык, кроме собственно еврейского).

Когда Тиглатпаласар III выселял арамеев в изгнание в Месопотамию и в другие места, он также распространял арамейский язык. Аккадский, со всеми своими трудностями, держался до того времени только благодаря консервативной традиции. Теперь, однако, перед лицом алфавитного письма арамеев, он начал уступать. Арамейский стал вторым официальным языком Ассирии и начал медленно вытеснять аккадский, как аккадский некогда вытеснил шумерский.

Тиглатпаласар III обратил внимание также и на Халдею. Почти четыре столетия Вавилон и вообще южная Месопотамия признавали в теории верховенство Ассирии, но сохраняли своих собственных царей и обычаи и оставались для Ассирии тревожной проблемой. Всегда, когда Ассирия слабела, независимость Вавилона становилась более заметной.

Тиглатпаласар III решил положить конец затруднениям, которые возникали из слабости связей, объединявших Ассирию и Халдею. Когда халдейский правитель Вавилона умер и вокруг его наследия возник спор, ассирийский царь в 729 г. до н.э. разрешил его, вступив в Вавилон и сделав монархом страны самого себя под именем Пулу (быть может, это и было его настоящее имя). Впервые один и тот же правитель непосредственно правил и Калахом, и Вавилоном. Это отразилось в том, что бог-покровитель Ассирии Ашшур стал вождем прочих богов, вытеснив старого Мардука.

Тем не менее, ни старая династия, ни старая религия Вавилона не были окончательно раздавлены. Они пали низко, но угрюмо выжидали возможности вернуться.

## **Последняя династия**

В 727 г . Тиглатпаласар III умер и на трон взошел его сын Салманасар V. Период, когда власть переходит от одного царя к другому, всегда был критическим моментом в жизни древних империй. Новый царь мог оказаться некомпетентным, мог иметь соперника, претендующего на трон; поэтому именно в момент наследования подчиненная страна готовилась к восстанию.

Итак, когда грозного Тиглатпаласара III опустили в могилу, Осия Израильский увидел шанс на возвращение к той некомпетентности управления, которая отмечала ассирийскую монархию в течение нескольких поколений, — и отказался платить дань.

Трудно сказать, был ли Салманасар V достаточно компетентным или нет. Он слишком недолго оставался царем. Конечно, он немедленно двинулся в поход и в 725 г . осадил Самарру, столицу Израиля. Но осада не принесла больших успехов. Прошло три года, а ассирийская армия все еще стояла под стенами Самарры. Мы можем предположить, что следствием этого было недовольство в армии.

По крайней мере, разразился мятеж, и в 722 г . Салманасар V пал. Внезапно появился новый царь, происхождение его остается неизвестным, хотя, вероятно, он был генералом. Там, где первая ассирийская династия правила тысячу лет, вторая продержалась всего двадцать три года и дала всего двух царей. С новым узурпатором в Ассирии началась третья и последняя династия, иногда ее царей называют Саргонидами.

Узурпатор, по обычаю узурпаторов, выбрал себе знаменитое имя, чтобы скрыть реальность низкого происхождения под поверхностным блеском. На этот раз было выбрано имя Саргон («законный царь», которым он как раз и не был), и узурпатора стали называть Саргоном II. Часто говорили, что новый царь умышленно подражает Саргону из Агаде и поэтому он и есть Саргон II. Это не так. Ассирия имела царем Саргона I в дни перед воцарением Хаммурапи, через шесть столетий после Саргона из Агаде, и узурпатор ссылался на него.

Если мятеж был вызван недовольством солдат неспособностью взять Самарру, он был неоправдан, ибо Самарра пала почти сразу же после переворота, и пала бы, вероятно, даже если бы Салманасар V оставался царем. В сущности, можно задуматься над тем, была ли Самарра взята до или после того, как Саргон сделался царем. Саргон приписал успех себе, но никто не принуждает абсолютного монарха к абсолютной честности.

Библия ни разу не отмечает Саргона II как завоевателя Самарры; эта честь отдана Салманасару V. Об истине можно только гадать.

Когда Самарра пала, обратились к политике депортаций, начатой Тиглатпаласаром III. В сущности, это был самый знаменитый пример такой политики. Израильские вожди, изгнанные из страны, представляли «десять потерянных колен» (племен). Их так и не нашли снова, и в течение многих столетий легенда помещала их в том или другом месте и говорила, что они умножились и создали процветающее и могущественное царство. На самом деле они просто ассимилировались, растворившись в населении северо-западной Месопотамии, куда их выслали. За столетие или два после падения Израильского царства их потомки потеряли всякое представление о своей национальной принадлежности.

Весь западный конец Плодородного Полумесяца был теперь относительно спокоен, ибо его целиком включили в ассирийские владения. Маленькое царство Иуды, единственный лоскуток империи Давида, который еще существовал (и где еще правил наследник великого царя), платило дань. Различные народы Малой Азии также платили дань. Даже

остров Кипр, отстоявший от берега на 160 км, чувствовал могущество Саргона II, ибо его наместники воздвигали там стелы.

Но если на западе было спокойно, север погромыхивал опасностью. К северу от Черного моря, где жили когда-то примитивные индоевропейские племена, были племена, известные грекам под именем киммерийцев. Быть может, они столетиями мирно жили в своих степях, но в восьмом столетии до нашей эры из Центральной Азии на запад двинулась новая группа племен, называвшаяся скифами.

Киммерийцы бежали перед ними и проложили себе путь на юг через Кавказ. Они шли дорогами, которыми шли на тысячу лет раньше хурриты, хетты и арии, но киммерийцам меньше повезло. В отличие от древних кочевых захватчиков им пришлось иметь дело с великой империей на пике ее могущества.

Разумеется, вначале киммерийцы столкнулись с урартами. Урарту, сильно пострадавшему при Тиглатпаласаре III, трудно было противостоять новым ордам. Им не дали даже возможности попытаться сразиться, ибо Саргон II увидел шанс посчитаться со старым врагом. В то время как киммерийские кочевники нападали на Урарту через северные границы, ассирийская армия двинулась на царство с юга.

Урарту, зажатому в жестокие тиски, нужно было быстро выбирать, кому из врагов подчиниться. Урарты выбрали ассирийцев, ибо мощь Ассирии была подавляющей. Методы Саргона II на севере и вправду были типично ассирийскими. Стараясь сломить дух сопротивления народа, он не колебался перед разрушением системы каналов в городах, которые слишком упорно сопротивлялись. Такие разрушения, которые можно осуществить за несколько дней, потребовали многих лет, даже поколений, для восстановления. В конечном счете такая политика вела к собственному ослаблению, ибо процветание страны, однажды разрушенное, было потеряно для завоевателей, как и для туземцев.

Саргон II, однако, был не вовсе нечувствителен к прогрессу. Урартская ирригационная система включала подземные каналы, которые переносили воду с очень малыми потерями на испарение. Систему Саргон II разрушил, но принцип ему понравился, и он принес его с собой в Ассирию, откуда система распространилась по всему Древнему миру.

В 714 г. урарты потерпели окончательное поражение от руки Саргона II, хотя туземные царьки сохранили номинальную власть над маленьким кусочком прежней территории. Затем Урарту и Ассирия совместно встретили киммерийцев и удержали их за пределами самого Плодородного Полумесяца.

Саргон II столкнулся также с затруднениями в Вавилонии. Как раз когда Саргон II взойшел на ассирийский трон, некий халдейский вождь захватил Вавилон и провозгласил себя царем. Имя его было Мардук-апла-иддина II, а в Библии его называют Меродах-Баладан. Десять лет, пока Саргон II был занят на западе и на севере, он удерживал власть. Только после того, как киммерийское давление было на время приостановлено, ассириец смог обратиться на юг. Меродах-Баладан вынужден был уступить и в 711 г. до н. э. был изгнан из страны.

Тем временем сознание незаконности собственных притязаний на трон, должно быть, заставило Саргона II оставить Калах, где все напоминало о царях других династий. Он решил построить целиком собственную столицу, где все напоминало бы только о нем.

Он выбрал место к северу от Ниневии и в 717 г . приступил к строительству новой столицы. Используя орды военнопленных и безжалостно их эксплуатируя, он завершил город за десять лет и назвал его Дур-Шаррукин («форт Саргон»).

Строительство началось на земле пустой, за исключением нескольких ферм, и Саргон II мог работать на обширных пространствах. Город был очень тщательно спланирован по геометрическому образцу. Он представлял собой правильный квадрат, со сторонами свыше 1,6 км длиной, и углы его указывали на север, запад, юг и восток. Город содержал зиккурат из семи ступеней, многочисленные храмы и дворец самого Саргона, площадью 10 га . Саргон II задумал также библиотеку и, собрав клинописные таблички, содержавшие древнюю литературу Месопотамии, положил начало модному увлечению, достигшему пика примерно семьдесят лет спустя.

Но горе человеческому тщеславию! Когда новая столица была окончена, она осталась стоять практически пустой, ибо Саргон II был по уши занят новой войной. Киммерийцы, тщетно поколотившись о неприступную стену ассирийских щитов к югу от Кавказа, просочились на запад и вторглись в Малую Азию. Ущерб, который они там нанесли, был выше сил местных княжеств, и Саргону II пришлось самому предпринять кампанию на полуострове. Там в 705 г . до н. э. он и умер, вероятно, погиб в битве с кочевниками.

Наследник Саргона II так и не воспользовался городом, который строил Саргон. Он умер прежде, чем город действительно родился, и даже главный дворец Саргона так и не был вполне завершен.

Однако город и дворец послужили некоей цели. В 1842 г . французский археолог Эмиль Ботта, раскапывая холм на этой древней земле, обнаружил дворец Саргона II. Он стал первым ассирийским сооружением, вновь увидевшим свет, и первым намеком на могущественную империю, которая была скрыта от человечества туманом обманчивых греческих легенд.

## **Крах и ярость**

Наследником Саргона II стал Син-ахе-эриба («Син умножает братьев»). Очевидно, он был младшим сыном, и его мать была благодарна лунному богу Сину за всех мальчиков, которых она принесла царю. Мы знаем нового правителя по имени, под которым он появляется в Библии, — Синахериб.

Как многие другие ассирийские цари, Синахериб понимал необходимость иметь свою собственную столицу. Великолепная столица, только что построенная отцом, не устраивала его. Быть может, она несла слишком глубокий отпечаток личности отца, а Синахериб хотел чего-то, на чем легче было бы оставить свой собственный отпечаток.

Какова бы ни была причина, он избрал столицей Ниневию. Это был древний город, существовавший в качестве северного аванпоста еще с ранних шумерских времен. Он всегда был видным городом ассирийской земли, но прежде не служил столицей.

Синахериб перестроил ее совершенно заново и сделал великим метрополисом. Для подачи пресной воды, например, он построил облицованный камнем канал, доставлявший воду с северных холмов на много километров на юг. Местами канал достигал 22 м шириной, и вода подавалась через долину по каменному акведуку, напоминающему поздние сооружения римлян.

Себе царь построил дворец в восемьдесят комнат, 180 на 190 м . Двери охраняли самые характерные для Ассирии скульптуры — могучие крылатые каменные быки до двадцати тонн весом, с головами бородатых царей. Очевидно, они изображали неких могущественных духов, охранявших вход во дворец и, разумеется, царя, который в нем жил. (Эти стражи при входе — общее явление. Египтяне использовали сфинксов-львов с человеческими головами. Мы сами используем обычных львов, которых можно видеть у дверей многих старинных зданий.)

Этими крылатыми быками так часто иллюстрируют работы по Ассирии, что они стали эмблемой страны, как орел в Соединенных Штатах или медведь в России. И действительно, слава Ниневии, должно быть, разнесла рассказы об этих крылатых созданиях во все концы империи. Кажется почти несомненным, например, что таинственные «керубы» (херувимы), упомянутые в Библии, и есть эти крылатые быки либо очень близкие к ним скульптуры. Могучий керуб с огненным мечом не позволяет вернуться в сад Эдема. Шестикрылые керубы охраняют Божественный Трон в видении пророка Исаяи, и два керуба (описание отсутствует) помещены на крышке Ковчега Завета.

По различным причинам керубы со временем перестали быть наводящими страх сверхъестественными созданиями с человеческими головами, но стали вначале ангелами, а затем маленькими ангелочками. Сегодня мы вполне готовы назвать хорошенького младенца херувимчиком, но никому и в голову не пришло бы применить это уменьшительное словечко к величественным чудищам, охранявшим вход в гигантский дворец Синахериба.

Ниневия оставалась ассирийской столицей до конца жизни империи. Это заняло менее столетия, но в это столетие расцвело творчество ряда иудейских пророков и их нападки на ассирийскую столицу наделили Ниневию дурной славой, которая сохранилась на все времена и стерла из памяти большинства людей всякое воспоминание о более древних столицах.

Иудеи имели вескую причину проклинать Ниневию, ибо царь, который ее построил, принес опустошение на землю Иуды.

Синахерибу, видите ли, пришлось столкнуться с обычной проблемой вступающего на трон деспота, особенно столь ненавидимого, как ассириец. Мятежные пожары, которые потушил его отец, разгорелись снова.

Пожары эти возникали не вполне спонтанно. На рубежах империи находились независимые нации, постоянно поощрявшие мятежи в ассирийских владениях. Только держа устрашающую ассирийскую армию постоянно занятой бунтовщиками, соседи могли быть уверены, что они сами не будут намечены для завоевания.

Близ западной окраины Ассирийской империи находился Египет, который постоянно интриговал с Иудеей и другими мелкими государствами запада. Египет предлагал деньги и военную помощь в случае решительных антиассирийских действий. Близ юго-восточной окраины империи находился Элам, и его специальностью было поддерживать постоянное брожение среди халдеев Вавилонии, через политических эмигрантов, которые там укрывались.

Элам подстрекал халдея Меродах-Баладана к попытке захвата власти в Вавилоне сразу после смерти Саргона II. Синахерибу пришлось поспешить в низовья и вновь разбить халдейского вождя. Затем он обратился на запад, чтобы встретить другую угрозу.

Поддавшись на уговоры египтян, Езекия, царь Иудеи, отказался выплачивать Ассирии установленную договором дань. Это равнялось формальному объявлению мятежа. Синахериб смел Иудею и окружающие территории, опустошив все с холодным и эффективным варварством. В 701 г. до н. э. он обложил осадой Иерусалим.

Иерусалим занимал от природы сильную, почти неприступную позицию, а Езекия хорошо подготовился к осаде, создав обширные запасы. Однако непредубежденные наблюдатели, судя по прежним результатам, чувствовали, вероятно, что судьба Иерусалима решена и что, в конечном счете, ассирийская армия возьмет город штурмом или измором.

Ассирийской армии это не удалось. Иерусалим остался нетронутым, и радость победы звенит на страницах Библии. Согласно библейской истории, внезапная чума поразила ассирийскую армию в ночи и сломленный ее остаток должен был снять осаду и отступить.

Геродот, греческий историк, также рассказывает о таинственном поражении армии Синахериба. Его рассказ, очевидно, не имеет ничего общего с Иерусалимом (во всех своих девяти книгах Геродот вообще ни разу не упоминает о евреях), но он говорит о нашествии мышей, которые перегрызли тетивы ассирийских луков, оставив армию частично безоружной, и заставили ее отступить.

Без сомнения, Синахериб отступил, не взяв Иерусалима, но причины могли быть намного более прозаичными, чем приведенные у Геродота или в Библии. Египет был в то время очень слаб, но он обязан был предпринять какие-то усилия для освобождения Иерусалима. В конце концов, Египет едва ли мог себе позволить ассирийскую победу. Синахериб должен был знать о египетских интригах, и в случае падения Иерусалима ему была бы очищена дорога через Синайский полуостров и он мог бы обрушить свое мщение на страну, орошаемую Нилом. Любой, знающий Синахериба, знал, что месть окажется не слабой.

Вследствие этого египетская армия выступила на помощь Иерусалиму, и Синахерибу пришлось с ней сразиться. Ассирийцы победили, но в ходе боев они были ослаблены, и это уменьшило их шансы на взятие Иерусалима. К тому же наместники Синахериба в Вавилонии должны были слать ему известия о том, что область скоро снова охватит пламя мятежа, и ассирийскому монарху Вавилон, великий метрополис, должен был казаться более важным, чем маленький холмистый городок Иерусалим.

Поэтому ассирийской армии пришлось отступить. Но для ассирийцев это была только незначительная неудача, ибо, кроме сохранения своего царя и обычаев, Иудее было почти нечего праздновать. Страна была разорена, Езекии пришлось выплатить громадную контрибуцию и, сверх того, вновь выплачивать дань.

Эту дань Иудея продолжала платить до конца ассирийской истории, и настолько истощила свои силы, что уже никогда не восставала против Ассирии снова. Сын Езекии Манассия, который правил целых полстолетия, не нашел более безопасного курса действий, чем оставаться презренной ассирийской марионеткой. Он делал все, что мог, для подавления националистической партии пророков, которая упорно била в барабан антиассирийской пропаганды, которая могла в любое время спровоцировать катастрофу нового вторжения и осады. В результате Манассия проклят библейскими авторами.

В Вавилонии действительно вскоре вспыхнул бунт, и Синахериб ясно увидел, что Вавилон никогда не успокоится, пока помощь эламитов будет к его услугам. Он решил

поэтому начать наступление прямо на Элам, и сделать это, не пробиваясь с боями через Вавилон и ослабляя свои силы, но предприняв внезапную атаку с моря.

Корабли он строил на севере и западе, чтобы эламские шпионы не смогли слишком быстро узнать, что он планирует. Поскольку ассирийцы не имели морского опыта, Синахериб нанял на свои суда финикийцев. Он мог воспользоваться также услугами греческих моряков. (Возможно, что контакты между Грецией и Ассирией проходили относительно мирно. Некоторые из греков возвращались домой с рассказами о великом городе Ниневии, и, возможно, такие рассказы послужили источником греческих легенд о Нине и Семирамиде.)

Наконец флот был готов. Он поплыл по Евфрату быстро и тихо, миновал Вавилон, оставив его нетронутым, и достиг Персидского залива. Ассирийские экспедиционные силы высадились на эламском берегу и направились в глубь страны.

Если бы эламиты воспротивились ему и сражались, Синахериб мог бы одержать великую победу, но эламиты ответили на неожиданный ход ассирийцев собственным ходом, равно неожиданным. Они оставили в Эламе лишь небольшие силы для охраны страны и направили главные силы армии в Вавилон, объединившись там с бунтовщиками и поставив Синахериба перед опасностью оказаться отрезанным от своей базы. Синахерибу пришлось отступить, и все его хитроумные планы окончились ничем.

Это был провал, который терзал Синахериба гораздо больше, чем неудача под Иерусалимом, и он вызвал у него взрыв поистине бешеной ярости.

До того времени Вавилон благодаря своей славной истории пребывал в безопасности. Он был величайшим, богатейшим, наиболее культурным городом Запада, имевшим за собой уже тысячелетнюю историю. Он поддерживал древнюю шумерскую религию и был резиденцией ее главного бога (в вавилонском варианте) Мардука, еще с далеких времен Хаммурапи.

Конечно, Вавилон находился под пятой Ассирии, но это вряд ли могло подорвать вавилонское чувство превосходства. Вавилоняне смотрели на ассирийцев, вероятно, так же, как греки пять столетий спустя смотрели на римлян. Ассирийцы (как и римляне) были хороши в войне, но ничего больше не умели. За всем, что ценилось в жизни, — религией, языком, культурой, — ассирийцам приходилось обращаться в Вавилон.

Ассирия, должно быть, сама чувствовала это и невольно платила Вавилону почти суеверным почтением. Похоже было, что даже ассирийские цари не смели пренебречь проклятиями потомства за вред, причиненный Вавилону. (Подобное чувство не раз защищало позднее такие знаменитые культурные центры, как Афины, Флоренция и Париж.)

Но Синахериба, доведенного неудачами до безумия, не могли больше сдерживать мысли о вавилонском величии. Вавилону нужно было дать урок. Ужасный урок. Весь мир должен был видеть, что даже Вавилон не может противостоять ассирийской ярости, и, может быть, зрелище ассирийской мести предотвратит дальнейшие неприятности.

В 689 г. до н. э. Синахериб ворвался в Вавилон и приступил к полному уничтожению города. Он разрушил систему каналов, срыл дамбы и наполнил оросительные каналы глиной домов, которые он смыл, отведя воды Евфрата. Он разрушил даже храмы и увез с



собой в Ассирию статую самого Мардука. Он поставил себе целью сровнять город с землей и оставить пустое место.

Он преуспел, но не до конца. Город выжил, вначале в ужасающем состоянии, но выжил.

Сам Синахериб, однако, встретил скверный конец. В 681 г. во время религиозной церемонии он был убит в результате заговора, устроенного двумя старшими сыновьями.

## **На вершине могущества**

Мы не знаем подробностей заговора против Синахериба, но что-то, по-видимому, пошло не так, ибо обоим отцеубийцам пришлось спешно бежать на север, в Урарту, за пределы немедленной досягаемости ассирийской армии. Там они попытались собрать собственные вооруженные силы.

Тем временем один из младших сыновей Синахериба предъявил свои права на трон, и вокруг него собрались вожди нации. Этого младшего сына, третьего в династии Саргонидов, звали Ашшур-иддина («Ашшур дал брата»). Нам он известен под своим библейским именем Асархаддон.

Асархаддон быстро разгромил армию братьев и положил угрозе конец. Это был в высшей степени необычный для Ассирии монарх — он избегал войны, когда было только возможно.

Так, он попытался завоевать Вавилонию скорее добротой, чем гневом. Он предпринял восстановление исторического Вавилона (быть может, он даже чувствовал раскаяние за безжалостное обращение отца с великим городом). Это была гигантская задача, которая отняла у него около двенадцати лет, но в 669 г. Вавилон был наконец вновь освящен и снова сделался великим городом. Более того, Асархаддон постарался восстановить все храмы, которые были разрушены и осквернены в предыдущее царствование.

Он придерживался даже осторожной политики сосуществования с Эламом, оставляя его в полном покое при единственном условии, что Элам прекратит вмешиваться в дела Вавилонии. Новый царь эламитов перешел к проассирийской политике, и более десятка лет все шло хорошо.

На западе маленькая Иудея была предоставлена самой себе. При условии, что ее царь Манассия аккуратно должен выплачивать дань, что он и делал.

На севере Асархаддон предпринял необходимые меры против кочевников. Поколением раньше киммерийцы убили Саргона II, но это произошло на фоне сокрушительной ассирийской победы, и в годы правления Синахериба они вели себя тихо. Однако скифское давление на их собственные тылы становилось все сильнее, и киммерийцев теснили все глубже и глубже в Малую Азию, в то время как сами скифы теперь оккупировали Урарту.

В 679 г. Асархаддон выступил против них и разбил их, обеспечив себе новый период спокойствия. Он не пренебрегал и искусством мирного убеждения. Он установил со скифами род родства, приняв одну из высокородных скифских девушек в свой гарем. (Варварским племенам всегда казалось удовольствием и честью видеть одну из своих принцесс исчезающей за стенами имперского гарема.)

Только на дальнем западе Асархаддон предпринял старомодную завоевательную кампанию. Роль Египта в неприятном провале осады Иерусалима не была забыта, а Египет, без сомнения, подогревал бурлящий котел мятежа.

Дважды Асархаддон предпринимал наступление на Египет. В предварительной атаке в 673 г. была недооценена эффективность египетского отчаяния. Египтяне сражались с отчаянным мужеством и отбросили ассирийцев.

Асархаддон пожал плечами и приступил к делу всерьез. С большой и лучше вооруженной армией он в 671 г. снова двинулся вперед и на этот раз захватил дельту Нила и разграбил Мемфис, великую столицу Северного Египта, насчитывавшую две с половиной тысячи лет. На время Египет оказался под властью ассирийских наместников.

Ассирийская империя в тот момент достигла вершины своего могущества. Асархаддон прочно удерживал весь Плодородный Полумесяц. Державы, окружавшие его и сохранившие некоторую степень самоуправления, вели себя тихо и платили дань — Малая Азия, Урарту, Мидия, Элам, Египет. Даже кочевники севера были под контролем.

Асархаддону должно было казаться, что только внутренние затруднения могут теперь расстроить положение. Он постарался поэтому обеспечить себе наследника еще при жизни, не желая пасть жертвой убийства и вызвать гражданскую войну после смерти.

Он имел двух взрослых сыновей с разумными притязаниями на трон и сделал приготовления к тому, чтобы оба были хорошо устроены. Он заставил вождей нации присягнуть на верность младшему из двух сыновей как будущему царю. То был Ашшурбан-аплу («Ашшур создает сына»), более известный нам как Ашшурбанипал.

Старшему сыну, Шамашшумукину, Асархаддон предназначил править в Вавилоне в качестве наместника младшего брата. Почему Асархаддон выбрал на высший пост младшего сына, неизвестно. Предположительно, он считал его наиболее способным из двух (и, если так, он оказался прав).

Могло показаться, что, даже обеспечив порядок престолонаследия, Ассирия никогда в истории не находилась в столь безопасном положении. Если так казалось, это была иллюзия. Пока Ассирия поддерживала свои позиции грубой силой и отбирала у своих подданных грабежом гораздо больше, чем давала, обеспечивая безопасность и процветание, до тех пор ее подданные должны были ждать шанса на восстание. И как только на ассирийский трон всходил слабосильный правитель, все начинало шататься.

В самом деле, даже сильный царь не мог избежать восстаний. Египет недолго терпел под ассирийской пятой, прежде чем восстал, и Асархаддон выступил на запад в свой третий египетский поход, во время которого в 669 г. и умер.

## **Царственный библиотекарь**

Наследование, однако, прошло без затруднений и именно в том порядке, как планировал Асархаддон. Ашшурбанипал правил в Ниневии как четвертый из Саргонидов и четвертый подряд способный правитель в этой династии. Под его управлением Ниневия достигла вершины развития и ее население, возможно, поднялось до ста тысяч. Ее торговые караваны доходили даже до Индии.

Ашшурбанипал был в некоторых отношениях самым замечательным из всех ассирийских правителей.

Как все великие цари этого государства, он был способным, не знающим усталости полководцем и никогда не уклонялся от постоянной обязанности защищать вечно шатающуюся империю. Но в дополнение к этому он был ученым. Он был прекрасно образован и увлекался древней историей Месопотамии. (С тех пор как была изобретена письменность, прошло уже две с половиной тысячи лет.) Ашшурбанипал поставил себе задачу собрать по экземпляру каждой достойной внимания клинописной таблички в Вавилонии. (Он сам умел пользоваться клинописью и не зависел от низкорожденных писцов.) Таким путем он собрал в своем дворце громадную библиотеку, которая была тщательно каталогизирована, и каждая табличка была помечена его именем.

Это была величайшая библиотека из всех собранных до того времени, и через тысячи лет после смерти царственного библиотекаря она принесла громадную пользу.

Дворец и библиотека Ашшурбанипала были открыты в середине XIX столетия. В 1872 г. английский археолог Джордж Смит обнаружил среди тщательно обработанных и расшифрованных находок не что иное, как эпическое сказание о Гильгамеше, начертанное на дюжине табличек. Было расшифровано вавилонское сказание о Потопе, и сходство с библейским рассказом стало очевидным. Ученым внезапно пришлось задуматься над источниками ранних книг Библии, иными, чем Божественное вдохновение. Библиотека Ашшурбанипала содержала громадные объемы и другой информации. Страшно подумать, как мало мы знали бы о древней месопотамской истории без ученого энтузиазма Ашшурбанипала, проявленного двадцать шесть столетий назад.

Ашшурбанипал выстроил, обогатил и украсил свой дворец и свою столицу. Царская роскошь достигла при нем новых вершин. Несомненно, любой, наблюдавший его в этом дворце, окруженным всей этой роскошью и (что было намного хуже в глазах грубой военщины того времени) погруженным в ученые занятия, сочли бы его изнеженным человеком, непригодным для управления самой милитаристской империей из всех, которые видел тогдашний мир.

И в самом деле, греки рассказывали позднее свою собственную легенду о царе Ассирии, которого они называли Сарданапал. Он был, как говорила легенда, настолько изнеженным, что одевался в женское платье и никогда не вылезал из гарема. В конце, когда его подданные восстали и стало ясно, что дворец неизбежно будет захвачен, он приказал собрать все, чем он владел, в одну кучу, вместе с женами и рабами, и поджег это все, сам бросившись в огонь и погибнув в блеске огня, хоть и не блеске славы.

Впрочем, даже греки должны были признать, что Сарданапал стряхнул перед гибелью свою лень, облачился в воинский доспех и храбро повел своих воинов на врага.

То, что Ашшурбанипал был прототипом греческого Сарданапала, предполагали давно, и, несомненно, его занятия клинописью и привычка вслух читать ученые книги своим женам (привычка, которую они, должно быть, ненавидели) помогли рождению легенды. Однако реальному Ашшурбанипалу суждено было почтить в мире, сохранив свою империю почти нетронутой. Как мы увидим, подобно Сарданапалу погиб и кое-кто еще.

Далеко не будучи изнеженным любителем гаремов, Ашшурбанипал должен был почти постоянно сражаться. Египет в момент смерти Асархаддона находился в состоянии восстания, и Ашшурбанипал провел два похода в эту страну. Во второй раз он дошел до

Фив, великой столицы южного Египта, и разграбил город. Это был самый дальний из походов, совершенных ассирийской армией до или после Ашшурбанипала.

Однако это не помогло. В 655 г. , после разграбления Фив, Египет восстал снова. Природный египтянин, начавший свою карьеру как ассирийский вассал, ухитрился добиться независимости и провозгласил себя царем под именем Псамметиха I.

Несомненно, неутомимый Ашшурбанипал должен был вернуться туда в третий раз, но даже он не мог находиться в двух местах одновременно, а на практике он был необходим даже в трех местах.

Во-первых, киммерийцы вновь создавали затруднения, и Ашшурбанипалу пришлось теперь, игнорируя Египет (который сохранял свою вновь обретенную независимость более столетия), встретить врага в Малой Азии.

Здесь Ассирия сражалась хотя бы не в одиночку. Мелкие царства Малой Азии дрались с киммерийцами отчаянно. Полководец по имени Гиг даже создавал в западной части Малой Азии новое царство, которое было названо Лидией, и боролся с кочевниками чрезвычайно эффективно. Ашшурбанипал оказал ему щедрую помощь, и вдвоем они положили конец киммерийской угрозе. Гиг, однако, пал в битве в 652 г .

Далее Ашшурбанипалу пришлось повернуть на юг. Его занятость в Египте и Малой Азии не прошла незамеченной в Эламе, который сидел тихо уже достаточно долго. Быть может, теперь настал золотой момент опрокинуть и унаследовать Ассирийскую империю.

Орудие, в котором нуждался Элам, было, казалось, под рукой. Безусловно, пока младший брат наслаждался верховной властью, старшему брату в Вавилоне это должно было надоесть. Эламские агенты не могли не указать Шамашшумукину, что, если он восстанет на младшего брата, он сможет рассчитывать на помощь Элама и, возможно, также и на египетскую помощь.

Шамашшумукин позволил себя убедить и в 652 г . поднял мятеж. Гражданская война началась сразу же, и в течение четырех лет Ашшурбанипал безжалостно усмирлял Вавилонию. В 648 г . Шамашшумукин оказался лицом к лицу с окончательным поражением и точно знал, чего ожидать в случае сдачи в плен. Он поэтому собрал все, что ему принадлежало, в одну кучу, вместе с женами и рабами, и поджег это все, сам бросившись в огонь и погибнув в блеске огня, хоть и не в блеске славы.

Знакомо звучит? Так и есть. Это конец Сарданапала, и греческая легенда явно вдохновлялась судьбой старшего брата Ашшурбанипала, а не его самого.

Но Ашшурбанипал видел, что Вавилония не успокоится никогда, пока существует Элам. Как Асархаддон ударил на Египет, западный источник недовольства, так теперь Ашшурбанипал решил ударить на восточный источник.

Эламская война отняла десять лет, и Ашшурбанипал добился полной победы. В 639 г . он взял Сузы и разрушил город. Он отправил в ссылку вождей эламитов. Весь Элам он обратил в пустыню, и царство, существовавшее еще во времена шумеров и бывшее серьезной силой в Месопотамии во времена Авраама, пришло теперь к окончательной гибели. Оно прекратило свое существование, и самое имя его исчезло с лица земли.

## **Глава 5. ХАЛДЕИ**



## Конец Ниневии

Последние четырнадцать лет правления Ашшурбанипала представляют собой белое пятно. Мы не знаем о них почти ничего.

Ко времени разрушения Элама Ашшурбанипал процарствовал уже тридцать нелегких лет и приблизился, вероятно, к шестидесяти. Несомненно, он устал. Несомненно, он жаждал мира, тогда он мог бы мирно жить в своем дворце со своими любимыми древностями. В конце концов, империя оставалась спокойной и — за исключением Египта — даже нетронутой.

Мы можем вообразить, как он с большим упрямством решает, что заслужил отдых и что Египет может убираться к дьяволу. Он исчезает в покоях своего дворца, и, быть может, именно этот период его жизни вдохновляет ту часть греческой легенды о Сарданпале, где он прячется в своем гареме.

Но если мир, казалось, воцарился над империей, то была иллюзия. То был не мир, но скорее приближение смерти. Бесконечные войны в конце концов истощили силы ассирийцев. Киммерийские опустошения в Малой Азии и разрушение Элама самим Ашшурбанипалом расстроили торговые пути, и благосостояние должно было резко снизиться.

Апатия Ашшурбанипала к концу жизни только ухудшала ситуацию. Ассирийская армия ржавела от безделья, а покоренные народы набирались храбрости. Египет подал им яркий пример, ибо он восстал и сделал восстание успешным.

Урок восстания был принят наиболее близко к сердцу в Вавилонии, где халдеи, которые сопротивлялись Саргону II, Синахерибу и Ашшурбанипалу, грезил о независимости, несмотря на трехкратное поражение. Наместник Ашшурбанипала, поставленный в Вавилонии после того, как Шамашшумукин принес себя в жертву, в 627 г. умер, и некоторое время шла борьба с переменным успехом между различными претендентами на управление страной. Победителем оказался халдей Набу-апал-узур («Набу охраняет князя»), известный нам под искаженным именем Набопаласар.

Ясно было, что Набопаласар намеревался идти своим собственным путем. Если бы Ассирия оставалась той, какой была когда-то, ему бы никогда не позволили прийти к власти. Но Ашшурбанипал умирал, и Ассирия лежала в оцепенении.

В 625 г . Ашшурбанипал умер, процарствовав сорок три года. Его смерть была сигналом катастрофы, ибо у него не было сильного наследника. Саргониды дали четырех властителей подряд, обладавших силой и способностями, — возможно, это было даже больше, чем можно было надеяться. Пятый не появился.

Ашшурбанипалу наследовал сперва один сын, процарствовавший пять лет, затем другой. Но ни один из них не проявляется как личность в сумрачном тумане, скрывающем ассирийскую историю после разрушения Элама Ашшурбанипалом.

Почти сразу же после смерти старого царя Набопаласар, пробуя силу нового правителя, провозглашает независимость от Ассирии.

Это, конечно, означало войну. Как бы ни ослабла Ассирия, как бы неумело ее ни вели, она знала только один образ действий — сражаться. Десять лет с переменным успехом шла война между Ниневией и Вавилоном, в то время как другие части империи ухватились за собственный шанс сбросить ассирийский гнет.

Ассирия медленно тонула под непосильным бременем войн, но сражалась за каждый дюйм с решимостью, которой трудно не восхищаться. Набопаласар и его халдеи продвинулись далеко вверх по течению вплоть до самого сердца Ассирии, но ценой громадных потерь. Халдейский вождь должен был лихорадочно искать помощи, ибо легчайший поворот военного счастья лишил бы его всего, что он приобрел.

Он нашел союзников среди кочевников севера и востока. В течение правления Ашшурбанипала мидяне и скифы дрались друг с другом. Это хорошо служило ассирийским целям. Тем не менее племена медленно и упорно стремились к единению. В последние годы правления Ашшурбанипала мидийский вождь, известный нам под греческим вариантом имени — Киаксар, утвердил свою власть над рядом племен, как скифских, так и мидийских. В 625 г . он сделался царем Мидии, простиравшейся на большую часть современного Ирана.

К Киаксару Набопаласар и обратился. В 616 г ., когда Ассирия, прижатая спиной к стене, сражалась за древние города в сердце страны, Набопаласар составил союзный договор с мидянами. Договор был скреплен матримониальными узами. К тому же сын Набопаласара (о котором мы еще услышим) женился на дочери Киаксара.

Киаксар бросился в атаку на Ассирию и взял Ашшур — древнюю столицу страны. Это действительно был конец Ассирии. Она могла сражаться с обоими врагами с несгибаемой решимостью, но победа сделалась невозможной.

Таково было реальное положение Ассирии, когда она была вынуждена искать контрсоюза с Египтом. Как можно еще драматичнее выразить отчаяние Ассирии? Всего сорок лет назад ассирийцы маршировали вверх по Нилу, полные гордости и мощи, а теперь они должны были униженно просить помощи у фараона, который был еще недавно ассирийской марионеткой.

Египет согласился не из духа всепрощения, но из предусмотрительного эгоизма. Он не желал решающей победы ни одной из сторон. Слабая Ассирия — это было хорошо, но разрушенная Ассирия — плохо. Если бы Набопаласар одержал слишком уж полную победу, он сам сделался бы опасен.

Но египетская помощь оказалась слишком слаба и пришла слишком поздно. В 612 г. Набопаласар и Киаксар совместно осадили Ниневию и взяли ее под радостные клики покоренных народов, которые так долго страдали под гнетом ассирийской тяжелой вооруженной руки.

«Горе городу кровей!» — восклицает иудейский пророк Наум (Наум 3:1) и заканчивает безжалостно: «Все, услышавшие весть о тебе (о разрушении Ниневии), будут рукоплескать о тебе; ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя?»(Наум 3:19).

Ниневия была разрушена с той полнотой, которая хорошо свидетельствует о ненависти, которую к ней питали. Ее завоеватели никогда не позволяли ее восстанавливать. Она ушла из истории и из самого сознания людей. Два столетия спустя греческая армия прошла этим путем и должна была спрашивать, что было на месте этого большого земляного кургана. Это было все, что осталось от великой столицы, и все это оставалось в таком виде до XIX столетия.

Только та случайность, что евреи включили ненавистное имя в библейские писания, удержала ее живой в памяти западного человечества.

## **Раздел добычи**

Но даже после падения Ниневии ассирийцы не сдались. Осколки ассирийской армии уцелели, и, пока они были живы, они сражались.

Они отступили к последнему городу, оставшемуся от всех громадных владений, которыми Ассирия правила всего лишь двенадцать лет назад. То был Харран, расположенный в 210 км к западу от Ниневии и почти в 100км к востоку от Евфрата. Он находился точно на северном изгибе Плодородного Полумесяца.

Там стоял последний оплот ассирийцев под водительством Ашшурбаллита, полководца, которого поистине можно назвать «последним из ассирийцев». Иногда его называют Ашшурбаллитом II, поскольку правитель с этим именем восстановил ассирийскую мощь после почти полного ее уничтожения хурритами. Быть может, полководец намеренно принял это имя, чтобы символизировать факт, что Ассирия поднимется снова,

как сделала это однажды. Если так, символ оказался фальшивым.

Две армии двигались к Харрану, одна — пытаясь уничтожить Ашшурбаллита, другая — пытаясь спасти его. Первая была, конечно, халдейская армия под водительством Набопаласара. Вторая была египетская армия, торопившаяся, чтобы помешать халдеям захватить подавляющую власть.

Новый царь Нехо II взшел на египетский трон в 609 г., и именно он возглавлял армию спасения. Чтобы достичь своей цели, он должен был, однако, пройти через Иудею, а Иудея не желала этого.

С падением Ассирии Иудея на мгновение выиграла независимость, и она желала удержать ее. Царем был Иосия, внук Манассии, который был ассирийской марионеткой. Под его правлением Иудея подверглась религиозной реформе, в которой ее Бог, Ягве, был признан единственным Богом страны, поклоняться которому следовало только в Храме Иерусалима. Охраняя землю и веру, Иосия выступил, чтобы остановить Нехо.

В 608 г . при Мегиддо, в северном Израиле, произошла битва и Египет добился победы. Иосия был убит, и тело его принесено было в плачущий Иерусалим, в то время как один из его сыновей под египетским покровительством принял трон.

Задержка, вызванная битвой, хоть она и окончилась победой египтян, оказалась роковой для планов Нехо. Пока фараон сражался с Иосией, Набопаласар взял Харран, и Ашшурбаллит должен был отступить к Евфрату. Там он соединился с Нехо, и какое-то время оба пытались организовать контрнаступление, чтобы взять Харран. Это не удалось, и Ашшурбаллит исчезает со страниц истории. Как он умер и что с ним случилось, не знает никто.

Итак, в 605 г . до н. э. исчез последний след Ассирии, через двенадцать столетий после эпохи первого царя-завоевателя Шамшиадада.

Пока Ассирия таяла под ударами халдеев, та же судьба постигла старого соперника Ассирии — Урарту — под ударами мидян. Всего полтора столетия назад мощь Урарту почти равнялась ассирийской, но цепь катастроф подорвала ее. Поражения, понесенные от ассирийцев, киммерийцев и скифов, оставили царство почти бессильным, мидяне положили конец последнему из малоизвестных царей и в 600 г . до п. э. поглотили территорию. Урарту, как и Ассирия, исчезает со страниц истории.

Но даже после ухода последнего ассирийца Нехо все еще оставался на Евфрате. Набопаласар заболел и вернулся в Вавилон, но он оставил вместо себя сына. Этот сын (ранее женившийся на дочери Киаксара) носил имя Небухадреззар<sup>[6]</sup>. В исторических работах его обычно именуют Навуходоносором II, из-за более раннего правителя этого имени, который правил в Вавилоне пятью столетиями раньше.

Навуходоносор встретился с Нехо в Кархемише, городе на верхнем Евфрате, к западу от Харрана. Здесь египетская армия была раздавлена так же основательно, как она сама три года назад раздавила армию Иудеи. Нехо пришлось поспешно эвакуироваться из западной части Плодородного Полумесяца, отступив в беспорядке к сомнительной безопасности Нильской долины. Навуходоносор вполне мог организовать преследование, но почти в самый момент победы он получил известие, что его отец умер. Ему пришлось поэтому вернуться в Вавилон, чтобы удостовериться в том, что его корона в безопасности.

Теперь наступило время передышки. Ассирия была мертва, Египет успокоился. Навуходоносор и Киаксар мирно поделили ассирийское наследство. Киаксар добавил к своим громадным владениям в Иране Урарту и восточную часть Малой Азии. На карте его империя выглядела громадной, но она состояла в основном из необработанных земель, и Мидия разумно сохраняла мир в течение полувека своего существования.

Весь Плодородный Полумесяц, намного меньший по площади, чем Мидия, но содержащий самую цивилизованную и богатую часть западного мира (не считая Египта), оказался под твердой рукой Навуходоносора.

Его владения называют иногда Новой Вавилонской империей, или Нео-Вавилонской империей, но я думаю, лучшее имя для них — Халдейская империя.

Карьера Навуходоносора поразительно напоминает карьеру его ассирийского

предшественника, Ашшурбанипала. Оба царствовали более сорока лет; оба, как правило, побеждали в войне, хотя переживали и тяжелые неудачи; оба провели свои последние



годы в утомленной безвестности; и величие созданных ими империй в каждом случае умерло вместе с их кончиной.

Главная область военных усилий Навуходоносора находилась на юге, где независимый Египет все еще без устали заваривал неприятности. Египетская интрига держала маленькую Иудею на ножах с Навуходоносором, невзирая на провавилонскую активность еврейского пророка Иеремии.

Дважды Иудея пыталась восстать, и дважды Навуходоносору пришлось на это энергично реагировать. Оба раза он осаждал Иерусалим и принуждал Иудею подчиниться. Первый раз, в 598 г., он увел некоторых вождей, продолжая ассирийскую политику депортаций, но оставил Иудее царя, Храм и самоуправление.

Во второй раз, в 587 г., он, полностью потеряв терпение, разрушил Иерусалим и его Храм. Династия Давида кончилась, процарствовав в Иерусалиме почти четыреста лет, и большой контингент выдающихся граждан был уведен в ссылку в Вавилонию.

Затем Навуходоносор попытался покарать тех, кто помогал Иудее, но его планы встретили неожиданное препятствие в лице Тира, города на Средиземноморском побережье, около 160 км севернее Иерусалима. То был один из пограничных городов, населенный народом, известным грекам (и поэтому нам самим) под именем финикийцев.

Тиряне славились своими отважными мореплавателями. Их суда бороздили весь простор Средиземноморья, основывая колонии на африканском берегу, в Испании и даже за пределами Средиземного моря. Испанские минералы принесли финикийцам богатство и силу; Синахериб нанимал их для управления флотом против Элама и Нехо и для попытки плавания вокруг Африки.

Ядром Тира был скалистый остров недалеко от берега. Фактически название «Тир» происходит от западносемитского слова «скала». Сосредоточив силы на этом острове, с продовольствием и другими припасами, привозимыми со всех концов света своим прекрасным флотом, Тир мог бы легко противостоять крупнейшей сухопутной армии, которую кто-либо мог выставить против него, если эту сухопутную армию не вел военный гений или если превосходящий по силам флот не выступил бы против него одновременно с армией.

Другие финикийские города сдались Навуходоносору, но Тир остался непреклонным, и в 585 г., сразу же после падения Иерусалима, армии Навуходоносора заняли позиции на берегу, напротив острова.

Они вполне могли поберечь время. Тиряне ничуть не смутились. Пока они имели свой флот, мир принадлежал им, и каждый год войны просто дальше подрывал престиж Навуходоносора. Тринадцать лет упрямой бесполезной осады тянулись, пока обе стороны не устали вконец от неудобств всего этого. Навуходоносор снял наконец осаду, оставив Тир незавоеванным и безнаказанным, по Тиру пришлось заплатить солидную дань, чтобы избавить себя от будущих неприятностей.

Бесполезность осады, должно быть, надломил дух Навуходоносора. Он послал давно намечавшуюся экспедицию в Египет, но Египет готовился к этому событию со времен Кархемиша. Подробности нам неизвестны, но Египет уцелел и сохранил независимость. Стало быть, мы можем заключить, что египетская кампания Навуходоносора, как и его двойника Ашшурбанипала, окончилась в конечном счете неудачей.

## **Вавилон во всей славе своей**

Во второй половине своего царствования Навуходоносор ограничил себя Вавилоном, который он украшал точно так же, как Ашшурбанипал украшал Ниневию.

Навуходоносор, однако, превзошел деяния своего предшественника, и именно в его время, не раньше, Вавилон поистине стал легендарным Вавилоном, огромным и богатым метрополисом.

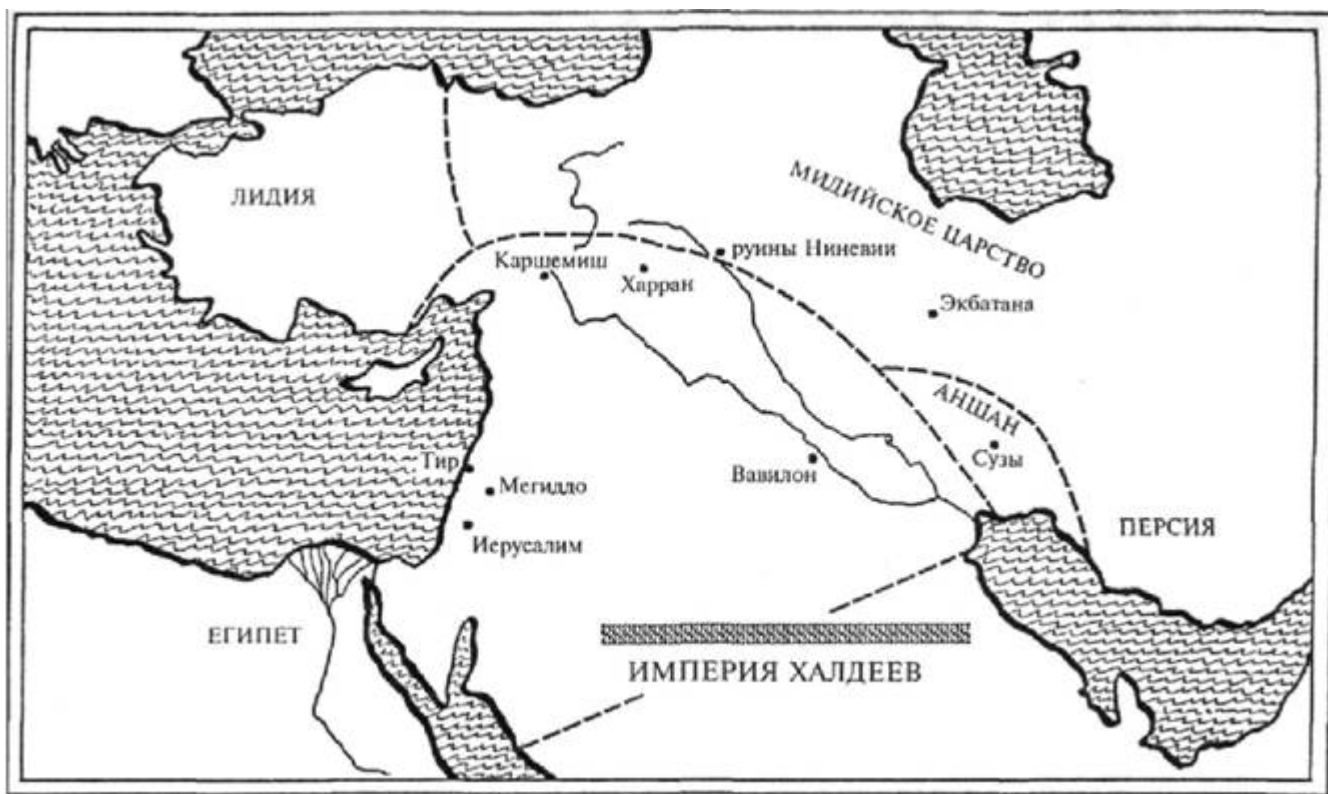
Во времена Навуходоносора Вавилон был, несомненно, величайшим городом Западного мира. Фивы в южном Египте были, может быть, более внушительными в пору расцвета благодаря своим колоссальным храмам и монументам, но этот город пришел в упадок теперь, как и его северный близнец, Мемфис. Греческие города того времени были не более чем невзрачными городишками, скученными вокруг одного-двух храмов, а Рим был далекой итальянской деревушкой, о которой никто и не слышал.

Через столетие после Навуходоносора греческий историк Геродот посетил Вавилон и мог говорить о нем только с благоговейным трепетом. Он рассказывает, что город раскинулся на квадратном участке земли со сторонами квадрата более чем 22 км (что делало Вавилон значительным по размеру городом даже по современным стандартам) и что стены его были 90 м высотой и 24 м шириной.

Это очень похоже на преувеличение, вытекающее из легковерия Геродота по отношению к тщеславной статистике, предлагавшейся ему вавилонскими жрецами. Наши собственные раскопки далеко не показывают ни столь огромных размеров Вавилона, ни таких циклопических стен. Но и реальность должна была быть достаточно впечатляющей.

На вершине своего развития Вавилон, как предполагают, имел миллион населения. Это, по всей вероятности, тоже преувеличение, даже если прибавить к городу население различных пригородов. Однако, если принять эту цифру, Вавилон должен стать первым миллионным городом в истории Западного мира, и второго такого не появилось вплоть до императорского Рима шесть столетий спустя.

Среди ворот, ведущих сквозь городскую стену, есть так называемые Ворота Иштар. Они были раскрыты археологами, и видно, что они украшены синими глазурованными кирпичами, несущими красные и белые барельефы быков и драконов. Пройдя через ворота, посетитель оказывается на прямой главной улице города (точнее, на том, что от нее осталось), окаймленной по обеим сторонам стенами, несущими кирпичных львов наряду с другими украшениями.



Комплекс зданий, составлявших дворец Навуходоносора, покрывал более 5 га земли, и величайший зал в нем — тронный зал, где принимались иностранные делегации, — имел около 60 м в длину и почти столько же в ширину. Его стены также были украшены глазурованными кирпичными львами.

Дворец стоял на возвышенности, господствующей над городом, и имеются признаки того, что Навуходоносор строил сооружения, которые затем засыпались землей и засаживались кустарниками и цветами. Согласно легенде, он делал это, чтобы доставить удовольствие своей мидянке-жене, которая презирала плоские равнины Вавилонии и тосковала по холмам своей родины. Поэтому Навуходоносор построил эти искусственные холмы.

С расстояния холмы казались висящими в воздухе. Это и были знаменитые висячие сады Вавилона, которые восхищенные греки помещали среди Семи чудес света.

Навуходоносор украсил и расширил храмы, которых насчитывалось в Вавилоне более тысячи ста. Он воздавал особые почести Мардуку и завершил в его честь великий зиккурат, давно стоявший неоконченным из-за постоянных яростных войн с Ассирией. Храм Мардука стал величайшим вавилонским храмом всех времен, по 90 м в каждой из сторон и с семью постепенно уменьшающимися ступенями (как думают, по числу планет), вздымающимися к небу.

Вавилон был торговым центром, и на его улицах теснились люди всех наций. Он был также интеллектуальным лидером мира, ибо вся накопленная наука и технология, восходящая к эпохе шумеров, была доступна в его залах учения.

Греки особенно часто приезжали учиться. Греческой науке положил начало человек по имени Фалес, который жил в городе Милет на Эгейском берегу Малой Азии как раз в тот период, когда Навуходоносор правил в Вавилоне. Легенда говорит, что он путешествовал в Вавилон, чтобы получить образование. Так, согласно легенде, поступали почти все ранние греческие философы, которые следовали за Фалесом, например Пифагор.

Без сомнения, начала греческой науки во времена Навуходоносора можно отчасти приписать вавилонской учености, привезенной в Грецию (и усовершенствованной) ранними греческими философами.

Фалес привез с собой и усовершенствовал некоторые аспекты вавилонской математики. Именно тогда старая шумерская привычка шестидесятиричного счета попала на Запад, так что мы еще имеем час из 60 минут и делим окружность на 360 градусов.

Пифагор принес с собой накопленные астрономические знания вавилонян. Астрономия была действительно специальностью вавилонских ученых в период расцвета города. Другие народы так сильно дивились вавилонским астрономическим знаниям, что самое слово «халдей» стало означать «астроном». И поскольку главной задачей астрономии в те времена было выяснение влияния планет и звезд на события на Земле, слово стало также означать «астролог» или «маг».

Так, греки первоначально думали, что вечерняя звезда и утренняя звезда были двумя отдельными планетами, которые они называли Геспер («Запад») и Фосфор («Светоносец»). Пифагор, однако, посетив Вавилон, смог утверждать, что они были одной и той же планетой, которая в некоторых случаях находилась с одной стороны Солнца, а в некоторых — с другой.

Далее, вавилонский обычай называть планеты в честь богов был также усвоен греками. Вавилоняне называли комбинацию вечерней и утренней звезды Иштар, в честь богини любви и красоты, — подходящее имя для самой яркой и прекрасной из всех планет. Когда греки отбросили имена Геспер и Фосфор, они также приняли такое имя и назвали планету именем собственной богини красоты и любви, Афродиты. Римляне назвали ее Венерой, и это имя остается с нами.

Венера видна только вечером и утром, но другую планету, почти такую же яркую, можно видеть всю ночь. Казалось естественным назвать ее именем главного бога. Вавилоняне называли ее Мардук, греки — Зевс, а римляне (и мы) назвали ее Юпитер. Таким же образом красная планета, цвета крови, напоминающего о войне, получила имя бога войны: Нергал у вавилонян, Арес у греков, Марс у римлян и у нас.

Во времена Навуходоносора вавилоняне разработали точный календарь, взяв за основу фазы луны. Каждое новолуние начинало новый месяц. К несчастью, в 12 лунных месяцах было только триста пятьдесят четыре дня, в то время как полный цикл времен года (солнечный год) содержит триста шестьдесят пять дней с четвертью. Чтобы месяцы соответствовали временам года, необходимо было в некоторые годы иметь по сто сорок три месяца. Вавилоняне разработали девятнадцатилетний цикл, в котором было двенадцать лет с двенадцатью месяцами каждый и 7 лет с тринадцатью месяцами каждый в фиксированной последовательности, которая уравнивала Солнце и Луну.

Этот календарь был принят греками, и ничего лучшего не появлялось в течение пяти столетий, пока Юлий Цезарь в Риме не разработал наш современный календарь, основанный на египетском оригинале.

## **Евреи в изгнании**

Правление Навуходоносора было самым замечательным периодом в жизни еврейского народа, фактически поворотным пунктом его истории. На первый взгляд может

показаться, что гибель независимости, монархии, столицы, Храма должны означать полный и абсолютный конец еврейской истории. Однако евреи выжили.

Отчасти это было результатом космополитической атмосферы Вавилонии и ее религиозной терпимости. Евреев в ссылке не угнетали. Они могли покупать землю, заниматься деловыми операциями, даже богатеть. В самом деле, когда со временем некоторые из них готовились к возвращению в Иерусалим, те, кто оставался, были достаточно богаты, чтобы существенно им помочь: «И все соседи их вспомоществовали им серебряными сосудами, золотом, и имуществом, и скотом, и дорогими вещами...» (Ездра 1:6).

Далее, евреи в полной мере сохранили религиозную свободу. Не было сделано никаких попыток заставить их поклоняться Мардуку.

Разумеется, в библейской книге пророка Даниила имеются рассказы о преследовании самого Даниила и трех других евреев (Седраха, Мисаха и Авденаго) Навуходоносором, который бросал их в огненные печи и во львиные рвы, но это выдумки. Книга Даниила была написана спустя четыре столетия после Вавилонского пленения, в период, когда евреев преследовал эллинистический царь Антиох IV. Книга Даниила, рассказывая о прежних преследованиях, имела целью укрепить дух евреев для сопротивления Антиоху.

Именно из-за книги Даниила Вавилон стали рассматривать как воплощение жестоких гонений со стороны язычников. В позднейшие столетия имя Вавилона подменяло Рим и он рисовался как клоака, самое вместилище греха (как, например, в Откровении Иоанна Богослова). Из-за различных библейских ассоциаций мы до сих пор склонны считать Вавилон особенно порочным городом, и это совершенно несправедливо, ибо был он не более порочным, чем любой большой город.

В самом деле, с евреями в Вавилоне обращались так хорошо, что нет никаких признаков, что они причиняли какие-либо неприятности властям. В течение периода изгнания главным еврейским пророком был Иезекииль, и он выглядит вполне патриотически настроенным вавилонянином. Он яростно поносит всех врагов Навуходоносора, предсказывая разрушение Тира и Египта (этого не произошло) и никогда не предсказывая зла самому Вавилону. Даже в разрушении Иерусалима он обвиняет не Навуходоносора, но скорее злые деяния самих евреев.

Именно благодаря Иезекиилю произошло весьма знаменательное событие — событие, беспрецедентное в истории, которое объясняет — даже больше, чем вавилонская терпимость, — выживание евреев. С древних времен само собой разумелось, что, когда народ оказывался побежден, его боги были побеждены тоже; и когда народ изгонялся и терял чувство национальной принадлежности, его боги умирали тоже. Это и случилось с израильянами, которых выслал Саргон двумя столетиями раньше.

С иудеями этого не случилось. Земля была потеряна, Храм потерян — и все же Иезекииль убежденно утверждает, что это произошло не потому, что их Бог оказался слабым или потерпел поражение. Он был просто недоволен евреями и потому наказывает их. Когда наказание кончится, Он все восстановит, а тем временем евреям лучше поучиться вести себя хорошо.

Под руководством Иезекииля ученые люди среди еврейских изгнанников (книжники) начали перелагать еврейские легенды и исторические воспоминания в письменную и организованную форму в соответствии с той схемой истории, которая, по мнению

Иезекииля и других влиятельных людей, была правильной. Так родились в своей нынешней форме ранние книги Библии.

Евреев в Вавилоне тянуло, конечно, к вавилонской культуре, как и все народы, приходившие в Месопотамию после того, как шумеры основали эту культуру. Они не могли не усвоить некоторую часть вавилонской учености.

Их собственные летописи восходили к их прибытию в Ханаан, со смутными легендами о Моисее и праотцах-патриархах — Аврааме, Исааке и Иакове.

Говоря о временах до Авраама, однако, они полагались на вавилонские легенды, и первые десять книг Бытия содержат эти легенды после того, как политеизм и идолопоклонство были убраны из легенд. Великая повесть о Творении, приведенная в первой Книге Бытия, вероятно, вдохновлена Вавилоном. Чудовищное воплощение хаоса, Тиамат, стала «Техом» («бездной»), над которой носился дух Божий.

Перечень десяти допотопных патриархов и сам Потоп пришли, вероятно, прямо из древних шумерских записей, сохраненных вавилонским жречеством до дней Навуходоносора.

Вавилонская башня (см. Быт. 11:1 — 9) — это зиккурат, и рассказ о том, что она была оставлена неоконченной, вероятно, вызван неоконченным состоянием зиккурата Мардука в Вавилоне в период, когда евреи впервые попали туда в ссылку.

Сон Иакова о лестнице, простирающейся от земли до неба (Быт. 28:12), с ангелами, спускающимися и поднимающимися по ней, возможно, также навеян зиккурами с их наружными лестницами, поднимающимися со ступени на ступень, по которым двигались вверх и вниз торжественные процессии священников.

История Авраама (Авраама), первичной фигуры, почитаемого прародителя всех евреев, также связана с Вавилоном. Библейский рассказ говорит, что Аврам пришел в Ханаан из Харрана (где ассирийцы много столетий спустя держали последнюю оборону) и что его семья осталась там. В Харран он послал за женой и сыном Исааком, и в Харране Иаков нашел четырех жен.

Это звучит совершенно разумно, ибо Харран во времена патриархов был хурритским центром и многие соответствия были обнаружены между обычаями патриархов, описанными в Библии, и хурритскими обычаями.

Однако в истории, как мы ее имеем теперь в Книге Бытия, говорится, что Аврам и его семья прибыли в Харран из Ура халдеев. Возможно, эта легенда отражает фактическую эмиграцию из Шумера в Ханаан. Но возможно также, что книжники, которые полировали и редактировали еврейские легенды, не могли удержаться от того, чтобы проследить свое происхождение вплоть до начала величественной вавилонской цивилизации и сравниться в происхождении и древности с завоевателями.

Ур еще существовал во времена Навуходоносора в виде полуразрушенной, почти мертвой деревушки, но с благоговейными свидетельствами величия в туманные, древние времена. Ур мог быть выбран именно за очень туманную древность, которая дышала в нем. Название «Ур халдеев» является, конечно, анахронизмом, ибо, хотя халдеи правили там во времена Навуходоносора, во времена Авраама, пятнадцатью столетиями раньше, их там просто не было.

Все эти легенды евреи присвоили себе. Они взяли вавилонский календарь и тоже его присвоили, действительно сохранив его на 2 тыс. лет после того, как вавилонская цивилизация пришла к концу. Даже сегодня еврейский религиозный календарь остается вавилонским вплоть до самых названий месяцев.

Евреи приняли также вавилонскую семидневную неделю, но сделали седьмой день, специфическую еврейскую субботу, днем, специально посвященным Богу. «Закону Моисея» посвящено много мест в ранних книгах Библии, и, несомненно, он многим обязан знакомству с юридическими кодексами, происходившими от кодексов Хаммурапи и его предшественников.

Поэтому не было опасности, что евреи потеряют национальное сознание. Даже потеряв землю и Храм, они сохранили свою Библию, свой Закон и свою Субботу, отделили себя от всех прочих, дали себе идентичность и обеспечили выживание. Даже если они не возвращались в Иерусалим, они сохраняли свою идентичность. Доказательством служит то, что они сохраняют ее все двадцать пять столетий, что протекли со времен Иезекииля, несмотря на то что их усиленно гнали намного дольше и намного суровее, чем Навуходоносор. Вполне справедливо, что Иезекииль, пророк, который жил в Иерусалиме, известен как отец иудаизма.

Но и это не все. Через поколение после Иезекииля, когда Вавилонское пленение подходило к концу, поднялся другой пророк, быть может величайший из всех еврейских поэтов. Мы, однако, не знаем о нем ничего, кроме его творений, не знаем даже его имени.

Его творения были приписаны более раннему пророку — Исаяе, который жил во времена осады Синахерибом Иерусалима двумя столетиями раньше, и включены в библейскую книгу пророка Исаяи как главы 40 — 55. Современные комментаторы называют его Второисайей.

Именно Второисайя впервые ясно увидел, что Ягве не просто бог евреев. Он увидел в Нем Бога всей Вселенной. Именно со Второисайи начинается подлинное единобожие. Универсальность Бога была позднее признана всеми евреями вообще, какими бы националистами они ни были. Этот взгляд позволил иудаизму дать рождение двум дочерним религиям, христианству и исламу, которые распространились на громадные территории и многолюдные народы, которых сам иудаизм никогда не затрагивал.

И эта концепция тоже возникла в Вавилоне.

## **Царственный антикварий**

Навуходоносор умер в 562 г ., и, когда пала его сильная рука, сразу же начались неприятности. Ему наследовал сын, Амель-Мардук, известный нам главным образом по беглому упоминанию в Библии, где его имя переделали в Эвиль-Меродах. Библия отмечает, что в его время к пленному царю Иудеи, просидевшему к тому моменту двадцать пять лет в заключении, отнеслись с большей снисходительностью.

Эвиль-Меродах недолго оставался царем. Через два года он пал жертвой дворцового заговора, и в 560 г . на трон вошел муж его сестры (то есть зять Навуходоносора). То был Нергал-шар-узур, более известный под греческим именем Нериглиссар.

Нериглиссар умер в 556 г ., и его сын (внук Навуходоносора) был быстро свергнут и убит. Так, через семьдесят лет династия Набопаласара пришла к концу. Из нескольких партий,

соперничавших за трон, та, что победила, возвела на него Набу-наида («Набу возвышен»), более известного под греческим именем Набонид.

То был губительный выбор, ибо, хотя Набонид был, по-видимому, прекрасным человеком, он оказался на редкость плохим царем. Царская власть едва ли вообще интересовала его сама по себе. Он был антикварием, исследователем древностей, и царский трон для него просто означал возможность углубиться в прошлое, имея в своем распоряжении все ресурсы государства.

Он с энтузиазмом откапывал древние клинописные таблички и тщательно их реставрировал. Хотя он мало сделал для самого Вавилона, он быстро заинтересовался реставрацией храмов в древнейших городах, таких, как Ур и Ларса.

Такая деятельность, однако, не нравилась могущественному жречеству Вавилонии. Навуходоносор увеличивал власть жрецов Мардука, пока они не почувствовали, что другие боги уже в счет не идут. Но Набонид не был уроженцем Вавилона, он родился в Харране, который находился тогда под мидийским управлением. Он был сыном жрицы Сина, лунного бога, и был особенно заинтересован в нем и в городах, таких, как Харран и Ур, которым бог покровительствовал. Жрецы Мардука испытывали ревность, и это послужило одной из причин катастрофы.

Интерес Набонида к учености привел к упадку обороны Вавилона, ибо война и завоевания были последней заботой ученого царя. Он поставил своего сына Белшаруссура во главе национальной обороны и умыл руки. Сын более известен под библейским именем Валтасар.

Библейская книга Даниила, написанная через четыре столетия после событий, показывает слабое знакомство с вавилонской историей. В ней Валтасар появляется как царь Вавилона и сын и наследник Навуходоносора. Все это неверно.

Есть какое-то чувство, что Набонид заслуживал того, чтобы прожить жизнь в мире, так как всегда приятно найти царя, который предпочитает научные занятия войне. И действительно, когда Набонид в 556 г. взошел на трон, необычный покой царил во всем Западном мире. Кроме Вавилонии, насчитывались три великие державы: Мидия, Лидия и Египет. Все они процветали и мирно дремали под управлением добродушных и мягкосердечных монархов.

Это кажется несправедливым, но за одно поколение все четыре царства были разрушены.

Разрушитель уже стоял у ворот. Это был человек, которого называли Куруш, и он более известен нам под греческим именем Кир.

## **Глава 6. ПЕРСЫ**





## **Благородный завоеватель**

Поскольку Кир был основателем великой империи, его жизнь была драматизирована последующими авторами легенд в манере легенд о Саргоне Аккадском, жившем на семнадцать столетий ранее.

Предполагалось, что Кир был сыном дочери Астиага, царя Мидии. Оракул сообщил Астиагу, что его внуку суждено быть причиной его смерти, и царь велел бросить его в горах, чтобы ребенок погиб от лишений. Его, однако, нашла собака, которая заботилась о нем, пока ребенка не нашел и вырастил пастух. Естественно, когда Кир вырос, предсказание осуществилось и он принес своему деду смерть.

Все это можно отбросить. Существует так много легенд подобного сорта, и все они так одинаковы, что не представляют ценности. Цель их обычно в том, чтобы убедить население, что узурпатор есть в действительности член прежней царской семьи, по крайней мере со стороны матери.

В реальности Кир начал свою карьеру как вождь княжества Аншан, находившегося прямо на южной границе бывшего Элама. Он был Кир II Аншанский и прослеживал свои права от предка по имени Хакамани, который, возможно, правил на полтора столетия раньше. У греков имя было переделано в Ахемен, и его наследники, включая Кира, назывались Ахеменидами.

Во времена Киаксара племена Аншана были поглощены Мидийской империей, хотя и сохранили значительную долю самоуправления под властью собственных вождей. Регион, в который входил Аншан, простирался вдоль северных берегов Персидского залива, и туземцы называли его Фарс. Греки называли его Персис. Русские и англичане назвали это Персией. Иранские племена, населяющие Фарс, стали известны как персы, а водное пространство на юге стало Персидским заливом.

Важно помнить, что мидяне и персы относятся к одной и той же иранской группе племен. Язык, обычаи и культура у них одинаковы. Когда перс напал на мидянина, это была всего лишь гражданская война, и, если перс сменял мидянина на троне, это означало не более чем утверждение новой династии.

В 559 г. до н. э. Кир провозгласил независимость Аншана от Мидии. Астиагу, который правил в мире уже четверть столетия, не хотелось ввязываться в войну, и сделал он это поздно и неэффективно. Экспедиция, неохотно посланная в Персию, была легко разбита Киrom, который затем выстроил крепость Пасаргады — «Крепость Персии» — на месте победы. Этот город, расположенный в самой глубине страны, более чем в 200 км от Персидского залива, послужил ему новой столицей.

Набонид из Халдеи был обрадован новыми событиями. Хотя со времен падения Ассирии Вавилония и Мидия жили в мире, Мидия оставалась крупнейшим северным и восточным соседом и представляла собой потенциального врага в будущем. Набонид поощрял Кира, чувствуя, что этим путем помогает вовлечь Мидию в долгую гражданскую войну с неопределенными результатами, которая обескровит страну и сделает ее слабой. Он даже не упустил возможности маленькой личной выгоды. В 553 г. он захватил Харран, свой родной город и важный центр поклонения Сину, у занятого Астиага.

Однако Набонид просчитался. Гражданская война не стала ни кровавой, ни невыносимо долгой. Кир постепенно завоевывал преданность других персидских племен, перетягивая империю все больше и больше к себе скорее дипломатией, чем войной. Наконец в 550 г. он выступил походом на Экбатану, мидийскую столицу, примерно в 480 км к северу от Аншана. Астиаг был легко побит, и Кир перенес столицу в Экбатану. Теперь он стал неоспоримым правителем Мидии, известной с тех пор под именем Персидской империи.

Так пала Мидия, первая из четырех великих держав, которые разделяли между собой цивилизованный мир, когда Набонид стал царем. Набонид был, должно быть, огорошен полной и почти бескровной победой Кира. Быть может, однако, он утешался мыслью, что Кир теперь удовлетворил свои амбиции; что на мидийском троне он будет стремиться к дальнейшим завоеваниям не больше, чем сами мидийские цари. По-видимому, он действовал в соответствии с этой теорией, ибо в годы после падения Мидии он занялся какими-то таинственными делами в пустынных районах к юго-западу от Халдеи. Быть может, то была экспедиция за антиквариатом.

Но если Набонид рассчитывал на пацифизм Кира, он рассчитал неверно.

Следующей на очереди была Лидия, тогда под управлением Креза, богатство которого сделало его легендарным. Крез сам сыграл на руку Киру, объявив Персии войну. Согласно легенде, Креза побудило к этому предсказание оракула, гласившее, что, если он начнет наступление, падет великое царство. И оно пало — его собственное. В 557 г. до в. э. вся Малая Азия оказалась в руках Персии и Кир уже правил величайшей (по территории) империей, которую когда-либо видел Запад.

Когда Лидия подверглась нападению, Набонид понял, что его расчеты его обманули. Он пытался объединиться с Египтом, чтобы подать помощь Лидии, но помощь оказалась неэффективной. На самом деле она была хуже чем бесполезной, ибо дала Киру все необходимые поводы обратиться против Халдеи.

В 539 г. наступил финал. Набонид, неспособный к активным военным действиям, поручил оборону города сыну Валтасару, но не было обороны, о которой стоило бы говорить. Кир был мастером психологической войны и сумел договориться со жрецами Мардука, которых недовольство Набонидом легко привело к предательству.

Так Кир получил мощную пятую колонну в самом городе, который и сдался практически без выстрела. Библейская книга Даниила говорит, что Валтасар пировал, даже когда персы готовились штурмовать город, но этот рассказ несправедлив к несчастному полководцу. Он вел свои войска так хорошо, как мог, и погиб в схватке за стенами города. Набонид был сослан далеко на восток, и Халдейская империя пришла к концу всего через восемьдесят лет после того, как была воздвигнута.

Кир выполнил условия сделки. Как только он вошел в Вавилон, он сразу вернул жрецам Мардука подобающее, по их мнению, место. Более того, он сам намеренно взял на себя

обычные жреческие функции вавилонского царя и показал себя как смиренный служитель Мардука. В результате жрецы щедро расхвалили его и удержали город от восстания после его ухода.

Кир был единственным завоевателем, понимавшим достоинства мягкости в противоположность террору. Обращаясь с побежденными мягко и с уважением, он покорял их и был способен прочнее утвердиться на менее кровавом троне и править большей территорией, чем любой завоеватель прежних времен. Удивительно, что никто так долго не смел провести такой эксперимент, и еще более удивительно, что так мало завоевателей усвоило этот кажущийся совершенно элементарным урок.

Новый завоеватель стяжал себе бессмертную славу другим простым проявлением доброты. Он разрешил ссыльным в Вавилоне вернуться на родину. Сюда были включены евреи, большие группы которых сразу же вернулись в Иерусалим. Второисайя восхваляет Кира до небес за этот акт, и библейское восхищение благородным завоевателем поддерживало высокую оценку Кира вплоть до нашего времени в глазах сотен миллионов людей, которые иначе никогда и не слышали бы о нем. (Мог ли он как-нибудь предугадать такой результат своих действий?)

Только малая часть вавилонского еврейства вернулась в Иерусалим. Большинство осталось в городе и регионе, который они теперь считали своим домом и в котором им жилось удобно и хорошо. В течение пятнадцати столетий после Кира еврейская колония в Месопотамии оставалась важным центром еврейской учености.

Персидское завоевание Вавилонии отметило важный поворотный пункт в истории Месопотамии. После почти двух тысячелетий господства разных народов, говоривших на семитических языках, страна попала под власть народа, говорящего на индоевропейском языке. Это означало, что новых хозяев, с культурой и историей, сильно отличавшейся от культуры и истории месопотамских народов, было намного труднее ассимилировать.

Разумеется, персы чувствовали привлекательность древней месопотамской цивилизации. Они приняли клинопись и демонстрировали симпатию к религии Мардука. Однако они не могли принять аккадский язык и его сложную систему клинописных символов. Вместо этого они поощряли второй язык региона, арамейский. Он тоже был семитическим, но, по крайней мере, имел алфавитную основу. Под персидским правлением арамейский стал главным языком Месопотамии, а аккадский был ограничен областью богослужений. Но даже здесь он постепенно исчезал, и последняя надпись, которую нам удалось обнаружить, датируется 270 г. до н. э., через два с половиной столетия после персидского завоевания. После этого язык исчез, через 2 тыс. лет после того, как Саргон из Агаде утвердил его преобладание над шумерским.

Кроме того, персидские цари создавали свои столицы за пределами Месопотамии, так что впервые в истории народы региона признали повелителя извне. Это означало, что персидские цари ощущали месопотамское влияние только на расстоянии и никогда полностью не ассимилировались в ее древней культуре. На деле персидские правители все больше и больше попадали под влияние нового образа мыслей, с губительными для Месопотамии результатами.

## **Война света и тьмы**

После завоевания Халдеи Персидская империя продолжала расширяться. Кир на востоке стал расширять персидское влияние до Средней Азии, куда не смел сунуться ни один

ассириец. Там он и погиб в битве в 530 г. После его смерти только Египет, единственный из четырех великих держав, существовавших четверть столетия назад, сохранял независимость. За свои завоевания и мягкое обращение с побежденными Кира иногда называют Киrom Великим.

Его старшим сыном был Канбуджия, известный нам под греческим именем Камбиз. Вавилон знал его хорошо. Именно он в 538 г. выполнял ритуальные обязанности вавилонского царя на новогоднем празднике, в то время как его отец отсутствовал вместе с армией. Затем, в 530 г., когда Кир отправился в последний поход, Камбиз был назначен регентом и установил свою столицу в Вавилоне.

Он взошел на трон без затруднений, и его относительно короткое правление отмечено завершением персидского завоевания восточных царств. В 525 г. он вступил в Египет, который пал без серьезного сопротивления, и теперь все великие державы стали персидскими. Новая империя охватывала область, которая была громадной даже по современным стандартам, и вне ее границ не было силы, которая могла бы ей угрожать.

Означало ли это, что неприятности кончились? Вовсе нет. Даже когда держава слишком сильна, чтобы беспокоить ее снаружи, ее всегда можно волновать изнутри. Иными словами, если она не сталкивается с неприятностями в естественном ходе событий, она затевает их сама.

В случае с Персией так все и вышло — если верить официальной истории, написанной позднее.

Когда Камбиз отправлялся в Египет, он беспокоился о том, чтобы не оставить принца королевской крови, вокруг которого могли бы собраться недовольные. Такая группа вполне могла распространить ложный слух о его гибели в Египте и захватить власть. Результатом могла быть гражданская война, которая принесла бы смерть и нищету многим тысячам людей. Камбиз поэтому приказал казнить своего брата Бардию. Нас это отталкивает, как ужасное преступление, но по стандартам того времени на это смотрели как на необходимый шаг государственного управления. Геродот называет этого брата Смердис, и под этим именем он нам более известен.

При отсутствии современных средств связи, однако, люди не могли знать, как выглядел мертвый принц или действительно ли он умер. Если кто-то внезапно провозглашал себя этим принцем, многие могли бы последовать за ним. Даже вельможи, которые должны были знать, что претендент не был принцем, могли ухватиться за возможность сделать из него орудие для борьбы с законным царем и выиграть для себя дополнительные привилегии, если претендент в свою очередь станет царем.

Пока Камбиз находился в Египте, мидийский священник по имени Гаумата провозгласил себя Смердисом, и в 522 г. некоторые вельможи объявили его царем. Он известен в истории как лже-Смердис. (Священников иранских племен называли магами. Поскольку простой парод думал, что они обладают тайными и оккультными силами, слово «маг», как «халдеи», стало означать колдуна или волшебника. Наши слова «маг» и «магический» происходят отсюда.)

За этим рассказом стоит, вероятно, более чем простая попытка жреца и нескольких его сторонников захватить трон. Тут могли быть замешаны националистические и религиозные мотивы, которых не видно в источниках информации, но которые у нас имеются.

Например, Гаумата был мидянин, и вполне возможно, что за интригой стояли мидийские вельможи, которые до появления Кира были всесильными, а теперь оказывались вытеснены персидскими знатными фамилиями. Они вполне могли нацеливаться на возвращение своих прежних позиций.

Камбиз, когда новости настигли его, возвращался из Египта. Он подтвердил, что подлинный Смердис мертв, но сам умер прежде, чем смог сделать что-либо еще. Причина его смерти осталась неясной, и наличие заговора по меньшей мере не исключено.

Камбиза, однако, сопровождал молодой человек по имени Дарайявауш, более известный нам под греческим именем Дарий. Он был троюродный брат Камбиза, член младшей ветви Ахеменидов.

Взяв на себя после смерти Камбиза руководство персидской партией, он поспешил в Мидию. Там молниеносным дерзким ударом он захватил лже-Смердису и сразу же прикончил его. Затем он провозгласил себя царем, и семимесячный интервал неопределенного наследования кончился.

Именно Дарий, следовательно, распространял официальную историю своего восшествия на престол, и Геродот поверил и записал эту официальную версию. Но есть ли в ней правда? Возможно, Дарий рассказал все в точности как было. С другой стороны, это может быть один из тех случаев, когда в историю просовывают большую ложь. Не мог ли сам Дарий подстроить убийство Камбиза? Не могло ли случиться, что, когда младший брат Камбиза (его настоящий младший брат, еще живой) попытался захватить трон, Дарий прикончил и его тоже, распространив новости о лже-Смердису?

Каковы могли быть его мотивы? Простая жажда власти? Или тут скрывалось нечто большее? Не был ли это вопрос религии?

По-видимому, где-то между 600-м и 550 г. до н. э., во времена Мидийской империи, жил в области к югу от Аральского моря, как раз за северовосточной границей империи, некий религиозный реформатор. (Согласно позднейшей легенде, он был мидянин, который бежал за пределы империи, чтобы избежать преследований. Однако он мог быть и уроженцем этой далекой области.) Имя его было Заратустра, но он нам более известен под греческим именем Зороастр. Учение Зороастра приблизилось к единобожию ближе, чем любая другая религия того времени, за исключением иудаизма. Зороастр проповедовал учение об Ахурамазде, великом Боге Вселенной, Боге света и добра.

Чтобы объяснить существование зла, Зороастр предположил, что существовала другая сущность — Ариман, который воплощал зло и тьму. Эти двое, Ахурамазда и Ариман, были приблизительно равными по силе, и Вселенная была вовлечена в войну между ними. Все человечество участвовало в этой борьбе на одной стороне или на другой. Те, кто предпочитал держаться высоких этических принципов, боролись на стороне Ахурамазды, который, конечно, должен в конце концов победить.

Доктрина войны между добром и злом имела огромное достоинство. Она объясняла существование зла в мире, объясняла, почему хорошие люди иногда страдали, почему целые народы бывали ввергнуты в нищету, невзирая на существование доброго и милостивого Бога.

После смерти Зороастра его учение постепенно распространилось по Персидской империи. Его влияние сильно чувствуется в иудаизме. Только после знакомства с

зороастрийской мыслью евреи начали разрабатывать проблему Сатаны как вечного противника Бога. Конечно, евреи никогда не приняли мысль о том, что Сатана может быть равен или даже почти равен Богу, как Ариман был равен или почти равен Ахурамазде.

Вся система ангелов и демонов, которая постепенно проникла в еврейскую мифологию после возвращения из вавилонского плена, была, вероятно, также выведена, по крайней мере отчасти, из зороастризма. Зороастрийцы разработали подробные теории загробной жизни, и это тоже усвоил иудаизм. До того евреи говорили только о существовании теней в Шеоле, который очень напоминал греческий Гадес.

Зороастризм не мог распространяться совсем без сопротивления, и в первые десятилетия существования Персидской империи должны были проявляться значительные внутренние трения между людьми, которые принимали или отвергали учение Зороастра.

Зороастризм, как иудаизм, отличается нетерпимостью. Он не только проповедовал то, что считал правильным путем, но и решительно утверждал, что прочие религии — это неверный путь. Как и евреи, зороастрийцы считали, что люди, поклонявшиеся иным богам, в действительности поклонялись демонам и что это был смертный грех идолопоклонства.

Можно подозревать, что Кир и Камбиз не были зороастрийцами, ибо они соглашались поклоняться Мардуку в роли вавилонских царей. Дарий, однако, был несомненным зороастрийцем, ибо в своих надписях он самым преданным образом взывает к Ахурамазде. Возможно ли тогда, что Дарий, охваченный священным рвением зороастрийца, интриговал и убивал, добиваясь верховной власти с целью установить свою религию?

Возможно, но сомнительно, что кто-нибудь сможет когда-нибудь доказать или опровергнуть эту теорию.

В любом случае возвышение Дария должно было поразить Вавилонию, как удар молнии. Кир и Камбиз обращались с вавилонянами хорошо и склонялись перед Мардуком. Дарий, они могли быть уверены, не будет так делать. Напротив, они вполне могли чувствовать, что новый монарх будет всячески пытаться подавить их религию. Они лихорадочно искали вождя, который мог бы возглавить восстание. И разумеется, они его нашли.

Некий человек, обладавший интересной внешностью и бойким красноречием, объявил себя сыном Набонида, назвавшись Навуходносором III. Люди стекались к нему толпами, и он моментально собрал армию. Он опрокинул оборонительные пункты на Тигре и готовился к битве за переправу, когда Дарий вернулся походом с востока.

Дарий предпочел не рисковать большим сражением. Говоря современными терминами, он вместо этого просачивался через фронт, посылая своих людей через реку мелкими отрядами в далеких друг от друга пунктах. Затем он быстро собрал их в тылу узурпатора, разбил его и выступил на Вавилон, преследуя остатки войск оппозиции. В 519 г., через двадцать лет после Кира, он снова взял Вавилон. Обошелся он с ним более сурово, чем Кир, и Вавилон покорился превосходящей силе.

В связи с разграблением Вавилона Дарием Геродот рассказывает историю, которая всегда служила примером невероятного патриотизма. Согласно греческому историку, Вавилон сопротивлялся настолько упорно, что персы отчаялись его взять. Зопир, персидский вельможа, придумал план, по которому ему отрезали нос и уши и избили до кровавых

рубцов. Затем он представился вавилонянам беглецом от жестокости Дария. Едва ли можно было спорить со зрелищем шрамов и увечий, так что вавилоняне впустили его, радуясь пропагандистской победе, которую давала им измена Зопира.

Затем, после того как Зофир пробыл у них достаточно долго, чтобы завоевать их полное доверие, он открыл ворота Вавилона персидской армии.

Но этой сказке нельзя верить. Это один из тех роскошных узоров, которые делают историю драматичной, но неточной. Кажется несомненным, что Вавилон был не в состоянии сопротивляться Дарию с такой решимостью, чтобы уловки, такие, как у Зофира, сделались необходимыми.

## Организатор

Дарий был человек способный, и, несмотря на сомнительные, быть может, методы восхождения на трон, он был лучшим правителем из всех, которых видела Персидская империя. Более того, он имел очень ценную способность учиться умеренности. Он не позволял своему пламенному зороастризму затемнять суждения о собственной выгоде. Когда Вавилон был разбит, он не стал доводить его до отчаяния и оставил вавилонянам право поклоняться богам так, как им хотелось. То же сделал он и для египтян, которые поэтому считали его добрым и великим царем.

Он помог даже евреям. Эти люди более двадцати лет стремились восстановить Храм в Иерусалиме, борясь с противодействием местного населения. Антиеврейски настроенные элементы убедили персидских губернаторов области препятствовать строительству Храма. Приказ Дария изменил ситуацию, и в 516 г. Храм был вновь построен и освящен.

Далее, там, где Кир и Камбиз действовали как завоеватели, Дарию было почти нечего делать, ибо за пределами персидских границ не осталось почти ничего, стоящего захвата. Возможно даже, что у Дария не было вкуса к внешнеполитическим авантюрам. Но кое-что он пытался сделать, так, он расширил персидские владения на юго-востоке до границ Индии.

Он посылал также армию в Европу (первую цивилизованную азиатскую армию, появившуюся на этом континенте) и аннексировал кое-какую территорию к северу от Греции. Однако это казалось более важным позднейшим греческим историкам, чем самим персам. Что до мелких и драчливых греческих городов-государств, то Дарий игнорировал их почти до конца своего правления. Их захват не стоил хлопот.

Большую часть времени Дарий посвящал закреплению успехов своих предшественников и превращению империи в эффективный государственный механизм. Он организовал управление широко раскинувшейся территорией, создав отдельные управляемые регионы, или сатрапии, под управлением наместников, или сатрапов. Каждый из регионов представлял собой единое логическое целое.

Он приказал построить превосходные дороги, которые стали нервной системой империи, и установил вдоль дорог систему конных курьеров, выступавших в качестве нервных импульсов. Именно эффективность этой системы поддерживала целостность империи в эпоху, когда не было ни железных дорог, ни телеграфа. Через полстолетия после смерти Дария Геродот выразил восхищение этими неутомимыми курьерами в словах, которые прозвенели в веках и поныне служат девизом почтовой службы Соединенных Штатов:

«Ни снег, ни дождь, ни ночной мрак не мешают этим курьерам быстро завершать свою назначенную задачу».

Дарий реорганизовал также финансы, поощрял торговлю, исправил налоговую систему, установил чеканку монеты, стандартизировал меры и веса. Короче, он совершил очень мало драматических деяний, получающих громкую известность, вроде походов, осад и завоеваний, но сделал много скучных, неромантических вещей, которые делают страну процветающей и счастливой.

Западная Азия, включая Месопотамию, никогда не управлялась так эффективно и так мягко, как между 521-м и 486 г. до н. э., в более чем сорокалетнее правление Дария.

В самом начале своего правления Дарий установил свою зимнюю столицу в Сузах, древней столице Элама (хотя он еще проводил жаркий сезон в более прохладном климате Экбатаны). Сузы были самым благоразумным выбором. Они не были частью ни собственно Мидии, ни собственно Персии, так что ни одна из двух главных правящих групп не могла чувствовать себя оскорбленной. Город также находился почти в середине треугольника, образованного Экбатаной, Пасаргадами и Вавилоном, центрами Мидии, Персии и Вавилонии соответственно, так что столица оказывалась в самом центре. С установлением столицы в Сузах область — некогда Элам — сделалась полностью персидской и известна с тех пор под названием Сузиана.

Но Дарий также не полностью забыл, что он был персом. Он начал строить новую великолепную столицу для своей персидской родины примерно в 32 км к югу от Пасаргад. Он назвал ее Парса, но нам она более известна под греческим названием Персеполис, или «Город Персов».



В практическом смысле Персеполис оказался неудачей, ибо он никогда не стал реальным городом, но остался всего лишь царской резиденцией или, точнее говоря, царской усыпальницей. Он содержал великолепные дворцы, впечатляющие даже сегодня, когда



они лежат в руинах. В то время как Кир и, возможно, Камбиз были похоронены в Пасаргадах, Дарий I и его наследники похоронены в Персеполисе.

Однако в долгосрочной перспективе самым важным трудом Дария оказалось не что иное, как пропагандистская надпись, которую он вырезал на скале близ нынешней деревни Бехистун. Она расположена примерно в 120 км к юго-западу от Экбатаны, на главной дороге между старой мидийской столицей и еще более древним Вавилоном.

Надпись умышленно помещена высоко и в почти недоступном месте, где резчики, должно быть, подвергались большому риску. (Причина, несомненно, в том, что Дарий решил предохранить надпись от уничтожения или изменений со стороны наследников, которые, быть может, окажутся неблагоклонными к нему. Правители часто переписывают историю в подобной манере, и Дарий не собирался этого терпеть.)

В столетия, что последовали далее, люди замечали надпись издалека, и греческий путешественник Диодор Сицилийский сообщал о ее существовании через пять веков после ее создания. Он приписывал ее легендарной царице Семирамиде, ибо греки приписывали ей все древнее и монументальное в Азии. Огромная человеческая фигура на скале, фигура Дария, конечно, была принята Диодором за Семирамиду, невзирая на наличие густой бороды.

В современную эпоху, однако, надпись приобрела новое значение и оказалась бесценным ключом к истории Западной Азии. Надпись рассказывает о том, как Дарий убил лже-Смердиса и взшел на трон. Таков наш источник этой истории, и, несомненно, он рассказывает ее так, как хотел Дарий. Одна и та же история рассказана одними и теми же словами на трех различных языках, чтобы возможно больше разноязычных подданных Дария могли ознакомиться с официальной версией истории. Языки эти — древнеперсидский, эламский и аккадский.

В 1833 г. надпись привлекла внимание английского армейского офицера Генри Кресвика Роулинсона, который был послан в Персию. Он сумел скопировать надпись и много лет работал над расшифровкой древнеперсидского, пользуясь современным персидским в качестве руководства!. Когда этот язык был дешифрован, стало понятным значение надписи. Используя это значение, получили ключ для дешифровки эламского и аккадского.

К 1850 г. была проделана большая работа над расшифровкой этих языков, чтобы начать интерпретировать древние вавилонские тексты. Только благодаря надписи Дария, который невольно подарил будущему миру нечто вроде словаря, можно прочесть остатки библиотеки Ашшурбанипала. Иначе эта библиотека так бы и осталась грудой глиняных кирпичиков, покрытых непонятными значками.

Затем, со временем, с помощью аккадского языка возможно стало расшифровать шумерский.

## **Конец Мардука**

Дарий умер в 486 г., и в некоторых отношениях величие Персии начало умирать вместе с ним. Ему наследовал один из его сыновей, Кшайярша, который гораздо лучше известен нам под греческим именем Ксеркс.

Ксеркс был сыном Атоссы, дочери Кира Великого. Дарий женился на ней уже после того, как стал царем, очевидно, чтобы укрепить собственные позиции и выглядеть не столь явным узурпатором. Он имел сыновей от предыдущих браков, но Ксеркс был внуком Кира, и это определило выбор наследника.

Возможно, было бы лучше, если бы воспользовались каким-либо другим выбором, ибо Ксеркс как правитель сильно уступал своему отцу.

Конечно, он начал свое царствование при неблагоприятных условиях. К концу жизни Дария, в 499 г., взбунтовались греческие города на Эгейском побережье Малой Азии и город Афины помогал им из самой Греции. Дарий подавил бунт и затем направил в Грецию экспедицию, чтобы наказать Афины. Как это ни удивительно, экспедиционные силы в 490 г. были разбиты (то была знаменитая битва при Марафоне), а Дарий скончался во время приготовлений к более крупной экспедиции. Отомстить за персидскую «честь» выпало на долю Ксеркса.

Сделать это сразу Ксерксу помешало восстание в Египте. Покоренные народы всегда чувствовали искушение восстать в конце царствования завоевателя, и Египет поддался искушению. В этом его, вероятно, поощряли афинские агенты, которым ужасно хотелось вовлечь Персидскую империю в гражданские свары, прежде чем она обрушится всей мощью на Грецию. Восстание было также результатом религиозных верований Ксеркса. Он был значительно более рьяным зороастрийцем, чем его отец, и египетские жрецы вполне могли предвкушать неприятности.

Восстание, разумеется, просто укрепило в Ксерксе неприязнь к тем своим подданным, кто придерживался других религий. Ксеркс отложил в сторону все остальное, включая греческую экспедицию, и вплотную занялся египтянами. (Это было именно то, чего хотели афиняне, и это, вероятно, спасло Грецию.)

Египетское восстание было подавлено, хотя это отняло три года. И Ксеркс обратился затем против других незороастрийских народов империи. Библейская книга Эсфирь рассказывает о событиях, которые предположительно имели место во время его правления. Суровые антиеврейские меры, как описывается в книге, едва удалось предотвратить благодаря влиянию еврейской супруги Артаксеркса царицы Эсфирь. Однако эта книга является, без сомнения, историческим романом, написанным через триста лет после эпохи Ксеркса <sup>[7]</sup> и не может быть принята за буквальную истину.

Исторически точен тот факт, что ярость Ксеркса обрушилась на вавилонян, где националистические лидеры не могли удержаться от восстания по примеру египтян.

В 484 г. армии Ксеркса с боями проложили себе путь в Вавилон и монарх умышленно разрушил религиозную жизнь города. Ксеркс приказал увезти золотую статую Мардука, которую Кир и Камбиз почитали. Жрец, пытавшийся остановить солдат, обиравших храм и посмевших наложить святотатственные руки на статую, был равнодушно зарезан людьми, которые не испытывали ни страха, ни почтения перед великим богом.

Случилось то, что было много хуже случившегося два столетия назад, когда Синахериб-ассириец увез с собой Мардука, хотя Синахериб полностью разрушил Вавилон, а Ксеркс не сделал этого. Синахериб был, по крайней мере, верующим. Он наказывал Вавилон, но почитал древних богов Месопотамии. Оставалась поэтому надежда, что другой благочестивый царь восстановит город. Сын Синахериба Ассархаддон так и сделал.

Но теперь Мардук был увезен людьми, показавшими грубое презрение к другим обычаям и другим богам. Вавилоняне как будто чувствовали, что они наконец пересекли некий водораздел, — что Мардук никогда не будет восстановлен и старые боги наконец умирают. Из старой культуры ушел дух, родившийся среди древних шумеров, и начался окончательный упадок.

Быть может, вавилонское жречество переживало мрачное наслаждение, глядя на последующую судьбу Ксеркса. В 480 г . он возглавил экспедицию в Грецию, столь громадную, что она, казалось, могла раздавить греков одним своим весом. Однако, вопреки расчетам, она потерпела неудачу, и Ксеркс вынужден был с позором возвратиться. Он заперся в своем гареме, упрямо оставаясь в затворничестве, и терял время на бесполезные проекты, вроде расширения и дальнейшего украшения дворцов в Персеполисе. Наконец в 465 г . он был убит в результате дворцовой интриги.

Но это не восстановило Вавилон. Город и народ застыли в оцепенении — простые зрители великих событий, бушевавших вокруг них. Так, когда Египет вновь восстал после смерти Ксеркса и в течение шести лет отчаянно сопротивлялся новому монарху, Артаксерксу I, Вавилон даже не шевельнулся.

Центр интересов цивилизованного мира, казалось, переместился от древних речных культур Двуречья и долины Нила к драчливым городам греков. Эти запоздавшие актеры на сцене цивилизации выросли очень быстро. Совершенно неожиданный разгром громоздкой экспедиции Ксеркса, казалось, зажег в них почти сверхчеловеческую энергию и почти божественную самоуверенность. Их наука опережала почтенную ученость древних. Их неутомимые путешественники и торговцы были повсюду, с любопытством влезая в покрытые пылью обычаи древности. Их солдаты дрались как наемники по всей периферии Персидской империи, и никто, казалось, не способен был противостоять их тяжелой броне и боевому порыву.

И в самом деле, через полстолетия после провала экспедиции Ксеркса греческие корабли тревожат персидские берега, поощряя египетских мятежников и всячески докучая гигантской империи. Персия казалась всему миру гигантом, потерявшим достоинство, который отмахивается от греческих москитов, жалящих его повсюду.

## **Битва братьев**

Персия понимала, что, как ни надоедливо были греки, они никогда не могли серьезно повредить ей, пока оставались разъединенными между собой и непрерывно дрались друг с другом. Поэтому Персия поддерживала эти драки и щедро расходовала деньги на эти цели.

К моменту смерти Артаксеркса I в 424 г . Персия имела удовольствие видеть, как греческие города организовали нечто вроде миниатюрной мировой войны. Весь греческий мир объединился за спиной двух главных центров — Афин и Спарты, которые продолжали сражаться друг с другом насмерть.

Новый персидский монарх, Дарий II, делал все, что мог, чтобы поощрять эту борьбу. Из двух главных центров Спарта казалась менее амбициозной и более склонной ограничить свою активность собственно Грецией. Поэтому Персия все больше и больше бросала свой вес на чашу Спарты. В 404 г ., в год смерти Дария II, персидская политика победила и Спарта раздавила Афины.

Это казалось благом для Персии, но не так уж хорошо, ибо эта победа развязала персидскую династическую свару, имевшую губительные последствия для Персии. События развивались следующим образом.

Дарий II оставил двух сыновей. Старший унаследовал трон под именем Артаксеркса II. Младший сын, однако, был человек одаренный и не желал оставаться в тени. Имя его было Кир, и его обычно именуют Кир Младший, чтобы отличить его от основателя Персидской империи. Еще юношей он занимался отношениями Персии с греками и показал себя проницательным судьей людей и событий.

Киру казалось, что он сделал для Спарты достаточно, чтобы получить что-нибудь взамен, а хотел он получить контингент греческих солдат. С персидской армией, с греческим отрядом на острие, он мог пробить себе путь в Сузы и сесть на персидский трон.

Спартанцы были слишком осторожны, чтобы помогать ему официально (в конце концов, он мог и проиграть), но окончание великой войны между Афинами и Спартой оставило множество солдат без дела и готовыми к найму. Клеарх, спартанский изгнанник, занялся набором этих наемников и принял над ними командование. Вскоре было набрано почти 13 тыс. греческих воинов, и в 401 г. они выступили в поход вместе с армией Кира.

Они прошли через Малую Азию и достигли наконец верхнего Евфрата в Тапсаке, в 120 км южнее Харрана. Впервые в истории большое греческое войско вступило в легендарную страну двух рек. Они пересекли Евфрат и продвинулись вниз по течению на 560 км. Более 1700 км отделяло теперь их от дома.

Тем временем до ума Артаксеркса II дошло наконец, что младший брат надвигается не для того, чтобы его обнять и поздравить, но чтобы его убить. Он собрал крупные силы, включая тех греческих наемников, кого смог наскрести, и выступил навстречу Киру.

Две армии сошлись у Кунаксы, деревни близ Евфрата, в 130 км к северо-западу от Вавилона. Всего в 30 км от Кунаксы лежал Сиппар, который почти два тысячелетия назад был одной из царских резиденций Саргона Аккадского.

Обе стороны подготовились к битве. Впервые в истории Месопотамии крупное сражение должно было разразиться без участия ее жителей. Они сделались просто зрителями, в то время как греки и персы сражались.

Греки выстроили свой фронт, обратившись лицом вниз по течению, так, что их правый фланг опирался на реку. Клеарх, глупый и недалекий спартанец, поставил своих греков на этот правый фланг, ибо в обычной битве между греческими армиями правый фланг был почетным местом. Ожидалось, что солдаты правого фланга будут нести основную тяжесть битвы.

Напротив них, лицом вверх по течению, стояла имперская персидская армия. Артаксеркс II сам командовал ею и занял персидское почетное место в центре. Имперская армия была значительно больше армии Кира, так что ее левый фланг был дальше от реки. Ее центр находился напротив левого фланга Кира.

Кир видел и понимал ситуацию. Имперская армия в счет не шла. Важен был только царь, Артаксеркс II. Если он погибает, Кир становится законным царем и все персидские солдаты с обеих сторон сразу же присоединятся к нему. Поэтому не было необходимости связываться с персидской армией. Достаточно было убить царя.

Кир поэтому просил Клеарха приказать правому крылу двинуться в обход налево, чтобы нацелить его на имперский центр. Клеарх, однако, указал, что в этом случае его правый фланг оторвется от реки и подвергнется угрозе нападения сбоку. Кир должен был тогда указать, что имперские силы, противостоящие Клеарху, состояли из легковооруженных войск, которые мало что могли сделать против него даже при открытом фланге. Кроме того, прежде чем они смогут что-нибудь сделать, царь будет мертв или сбежит и битва будет кончена.

Клеарх, однако, отказался. Он собирался вести бой по учебнику. Он намеревался маршировать прямо вперед и защищать свой фланг. Так он и сделал. Тринадцать тысяч греческих солдат двинулись прямо вперед, отбрасывая противостоящие им легкие войска со своего пути, как кисейные занавески. Артаксеркс это предусмотрел. Его главные усилия были сосредоточены на правом фланге, который окружал более короткий левый фланг Кира и уничтожил его, в то время как Клеарх и его люди не добились ничего.

Кир, обезумев от расстройств, собрал вокруг себя столько всадников, сколько смог, — шесть сотен, — и ринулся прямо на имперский центр, прямо на брата, думая только об одном — убить его и окончить битву. Но Артаксеркса охраняло вдесятеро больше всадников. Он позволил Киру приблизиться, толпа его всадников поглотила маленькую атакующую группу, и в короткой схватке, последовавшей за этим, Кир был сбит с коня, убит и битва была кончена.

Артаксеркс победил, и Клеарх оказался со своими греками в одиночестве, брошенным остальной союзной армией. Что же теперь делать? Это было проблемой и для Артаксеркса. Тяжеловооруженных греков было слишком много, чтобы легко с ними справиться, ибо они практически не понесли потерь. У него, быть может, хватило бы людей, чтобы их опрокинуть, но только ценой ужасающих потерь, которую он не собирался платить, если можно было придумать другой выход.

Поскольку греки не сдались, посланец Артаксеркса предложил им снабдить их провизией и выдворить из страны. Персы объяснили, что, если греки позволят проводить себя вверх по течению Тигра, там имеется короткий путь к морю. Грекам, казалось, ничего больше не оставалось, но, когда они прошли вверх по течению 240 км, они почувствовали тревогу. Куда в действительности вел этот самый Тигр? Каковы были подлинные намерения персов?

Клеарх потребовал подтверждения условий ухода. Персидский командующий предложил, чтобы Клеарх и другие греческие вожди встретились с ним в его шатре для интимной дружеской беседы. Клеарх, будучи дураком, согласился. Как только за греческими вождями закрылись полы шатра, они были перебиты.

Персы были довольны. Им казалось, что без своих вождей греческая армия превратится в туловище без головы и не будет иметь иного выбора, кроме как сдаться и разоружиться. Затем греков можно было разбить на маленькие группы и завербовать на персидскую службу. Тех, кто отказался бы, можно было перебить.

Греки, однако, поступили вовсе не так, как уверенно ожидали персы. Они выбрали из своих рядов солдата, афинянина по имени Ксенофонт, в качестве вождя. Они остались верны друг другу и не сдавались, они отрастили новую голову, как только пала первая. И новая голова к тому же оказалась куда способнее старой. Греки продолжили движение на север в сопровождении персов, теперь враждебных и осторожных, но избегающих битвы.

Через 160 км выше по течению греки прошли мимо огромного холма. Что здесь было, пожелали они знать. Это было все, что осталось от Ниневии, могущественной ассирийской столицы, самое имя которой, по прошествии двухсот лет, почти исчезло с лица земли.

Вслед за этим они оставили реку и углубились в горы страны, которая некогда называлась Урарту. Персы ничего не имели против, надеясь, что греки будут перебиты суровыми и воинственными туземцами этой области либо просто заблудятся и перемрут от лишений.

Греки, однако, продолжали держаться вместе, мастерски справляясь со всеми неожиданностями, отбрасывая воинственные племена и ухитряясь добывать провизию. Наконец они пересекли дебри восточной Малой Азии и свалились с гор на перепуганный греческий городок Трапезунд. Он лежал на берегу Черного моря, и воины бежали к нему, крича в восторге: «Таласса! Таласса!» («Море! Море!»)

«Десять тысяч» (как их называют позднейшие авторы, хотя на деле их было больше) выжили. Уцелел и Ксенофонт, чтобы написать рассказ об эпическом походе в книге, которая еще существует и даже теперь, более чем через две тысячи лет, представляет собой замечательное чтение.

## Глава 7. МАКЕДОНИЯНЕ



### Союз против Персии

Короткая гражданская война между Киrom и Артаксерксом II стала катастрофой для Персидской империи, обнажив перед всеми все слабости государства. Египтяне воспользовались смятением, в которое Кир Младший вверг империю, чтобы восстать еще раз. На этот раз они преуспели, утвердив шаткую независимость, которую поддерживали еще полстолетия. (Вавилония, однако, и ухом не повела. Мардук был мертв, и люди цепенели в параличе.)

Хуже, чем победа египтян, был поход греков после битвы при Кунаксе. Десять тысяч прошли сквозь сердце империи, и вся мощь Персии не посмела их коснуться.

До того времени греки жили в постоянном страхе перед Персией, постоянно воображали, что, если они не будут делать правильные ходы, их раздавят. Теперь они внезапно осознали, что Персия — это бумажный тигр; что при всей своей громадности, богатстве и «имидже» она совершенно пуста внутри.

Дикие амбиции Кира, его жажда трона, должно быть, дали бы такой же результат, даже если бы он победил при Кунаксе. Греки могли прийти к осознанию того факта, что, если

несколько тысяч греков могут завоевать империю для перса, они могут с той же легкостью сделать это для себя.

В следующие восемьдесят лет в Греции не ощущалось нехватки голосов, зовущих греческие города объединиться и выступить против Персии. Один греческий оратор, Исократ, открыто утверждал, что вторжение в Персию необходимо для того, чтобы греки перестали драться друг с другом. Общее усилие заставит их объединиться.

Но греческие города так никогда и не объединились по собственной воле, даже с висящей перед носом соблазнительной персидской наживкой. И Персии поэтому еще удавалось цепляться за жизнь и за власть.

В 358 г. до н. э. на трон взошел Артаксеркс III. Он был жестоким, но энергичным монархом, и при нем Персия даже продемонстрировала некоторую силу. Он заставил чересчур независимых сатрапов подчиниться, а затем послал армию в Египет, что и положило конец пятидесятилетнему периоду независимости этой страны.

В 338 г., однако, Артаксеркс III пал жертвой убийства, и через пару лет относительной анархии на трон в 336 г. взошел мягкий и не воинственный член царской семьи, принявший имя Дарий III. Новый Дарий очень походил на старого Набонида, правившего двумя столетиями раньше, и оказался самым худшим из всех возможных царей, которых Персия могла бы иметь в это время, ибо говорящее по-гречески Македонское царство переживало внезапный, устрашающий подъем.

Македония лежала к северу от Греции и до того времени не представляла собой ничего важного. Но в 359 г. до н. э. к власти пришел замечательный человек, Филипп II. Он реорганизовал армию и финансы, сплотил всю страну, превратив ее в мощное орудие агрессии, расширил свою власть за счет греческих городов и к 338 г. заставил их объединиться — не убеждением, как пытался оратор Исократ, но просто силой.

Теперь Филипп был готов к вторжению в Персию. Он даже заставил греческие города назначить его главой объединенных экспедиционных сил. Затем, в 336 г., во время подготовки движения в Азию, он был убит.

Трон, однако, наследовал сын Филиппа, который показал себя самым замечательным воителем всех времен. То был Александр III, известный впоследствии повсюду как Александр Великий. Потратив некоторое время на то, чтобы вновь объединить греческие города (которые, как только их достигла весть о смерти Филиппа, взбунтовались сразу же), он подготовился привести великий план Филиппа в действие.

В 334 г. до н. э. Александр Великий и его армия переправились в Малую Азию. Почти сразу же Александр вступил в сражение и выиграл битву против самоуверенного персидского сатрапа. Затем он выиграл другую, куда более многолюдную битву при Иссе, в юго-восточной части Малой Азии, против главных персидских сил, возглавлявшихся Дарием III.

Затем Александр прошел через Сирию и Иудею, взяв Тир после девятимесячной осады (и показав себя намного более изобретательным военачальником, чем Навуходоносор за два с четвертью столетия прежде). Иудея и Египет покорились Александру без борьбы.

Наконец в августе 331 г. он стоял при Тапсаке, как раз там, где стояли Десять Тысяч на семьдесят лет раньше. На этот раз греки при Тапсаке были не под командой персидского

принца, но под командой македонянина, грека по языку и культуре. Они не собирались сажать одного перса на трон вместо другого. Они намеревались взять все огромные персидские владения себе.

Александр, с македонским ядром и греческими вспомогательными войсками, планировал не что иное, как найти Дария и захватить его. Для этого Александр пересек Евфрат, прошел походом по стране, которая когда-то была Ассирией, достиг Тигра и начал движение вниз по течению. Его целью было сердце персидских земель.

## **Давид побеждает Голиафа**

Дарий III ждал его появления. До сих пор Персия не способна была остановить свирепого македонянина, но Дарий, в сущности, пытался это сделать только однажды, при Иссе, два года тому назад. Тогда Александр победил, но Дарию казалось, что это произошло только из-за выбора поля битвы, неудачного для персов.

Главным оружием Александра была фаланга, тесно сплоченный квадрат вооруженных длинными копьями воинов, обученных маршировать и маневрировать с точностью и легкостью кордебалета. Фаланга походила на огромного дикобраза, оцетинившегося наконечниками копий, и способна была сломить любую армию, которую атаковала, и устоять перед любой, которая пыталась атаковать. Расчетливо поддержанную легковооруженными войсками и кавалерией, хорошо снабженную, под водительством человека, обладавшего высшим, универсальным гением, ее ничто не могло остановить и, в эпоху Александра, ничто и не остановило.

Главным оружием Дария была численность. Он мог опереться на громадные ресурсы крупнейшей империи в истории Западного мира, и армия Александра в сравнении казалась игрушечной. При Иссе численное преимущество было нейтрализовано тем фактом, что сражение велось между горами и морем, в узком проходе, где фаланга могла легко маневрировать, но персидские массы были сдавлены. Дарию пришлось поспешно покинуть поле битвы, чтобы не быть схваченным.

Он решил не повторять прежнюю ошибку снова. Узнав, что Александр движется к Тигру, он задумал встретить его на поле, специально приспособленном для того, чтобы дать своим вооруженным массам наилучший шанс на победу. Он тщательно выбрал обширный плоский участок и приказал сровнять мелкие неровности. Он надеялся, что абсолютно ничто не помешает атаке его кавалерии, которая, чувствовал он, попросту вытолкнет с поля вражескую конницу, а потом будет кусать и пережевывать края фаланги, пока она не распадется и не будет проглочена по кускам его громадной армией. (Однако он, очевидно, не понимал, что он до некоторой степени играл на руку Александру, ибо македонская фаланга работала лучше всего на абсолютно плоской площадке.)

Место, которое выбрал Дарий, находилось около деревни Гавгамела, всего в 30 км от населенных призраками руин древней Ниневии. Ни одна битва, ни близ Ниневии, ни во всей Ассирии, не была столь гигантской и драматичной, как та, которая готова была разразиться над могилой, где уже три столетия лежала мертвой ассирийская столица.

Позднейшие греческие историки говорят, что армия Александра насчитывала 40 тыс. пехотинцев и 7 тыс. конницы, и эти цифры, вероятно, близки к истине. Персидская армия, собранная Дарием, как утверждают те же историки, состояла из миллиона пеших воинов и 40 тыс. конницы. Это смешное преувеличение, ибо сомнительно, чтобы армию такого



размера можно было про довольствоваться или управлять ею или что она могла сражаться иначе, чем вооруженная, но безмозглая толпа.

Тем не менее, даже если персидские силы сильно раздуты, они, конечно, далеко превосходили по численности войска Александра, и битва была одной из самых замечательных схваток между Давидом и Голиафом в истории военного дела.

Если бы обеими сторонами управляли с равным вдохновенным искусством, персы должны были бы победить, но полководческое искусство было слишком неравным. На одной стороне был Александр, на другой — Дарий. Численность, при такой разнице в руководстве, можно было почти игнорировать.

Когда 1 октября 331 г . до н. э. началась битва, персидский фронт далеко охватил македонян справа и слева. Казалось, он может просто сомкнуться с обеих сторон и поглотить маленькое войско Александра. Александр, однако, так расположил своих людей, чтобы позволить им поворачиваться и легко отражать любые фланговые атаки. Кроме того, Александр имел в запасе один козырный ход, и, пока он не имел шанса проделать его как следует, он довольствовался обороной.

Колебания битвы вытесняли Александра с тщательно выровненной земли, и Дарий смотрел на это с неудовольствием. Ему недоставало решимости удержать свою руку до нужного момента, и он бросил в бой свое секретное оружие преждевременно.

Это секретное оружие состояло из колесниц. Колесницы отошли в прошлое еще столетия четыре назад, с тех пор как в войсках появились крупные мидийские лошади и воины вскарабкались на лошадиные спины. Колесницы Дария, однако, имели нечто новое. Они были снабжены острыми лезвиями, торчащими из ступиц с обеих ее сторон.

Эти лезвия, яростно сверкая на солнце и мчащиеся со всей скоростью атакующих коней, могли начисто отрезать ноги любому, кто с ними сталкивался. Важно было не столько количество раненых, сколько паника, в которую, как надеялись, будет повергнут враг при виде этих мчащихся ножей, отчаянно пытаюсь избежать их ударов.

Дарий послал на македонцев сотню таких колесниц, но он не захватил Александра врасплох. Колесничих, мчащихся на македонян через открытое пространство, атаквали стрелами, затем, когда колесницы достигли фронта, солдаты, пропуская их, аккуратно расступились. Критической опасности — паники — удалось избежать, и атака кончилась полной неудачей.

Теперь настало для Александра время сделать ход, а ход был простой. Он помнил, как Дарий бежал при Иссе, и знал, что имеет дело с трусом. Фаланга была на месте, и одушевленный лес копий неумолимо двинулся вперед, прямо к тому месту в центре персидского фронта, где дрожал от страха Дарий.

Дарий держался, пока хватало храбрости, а это было недолго. Он был добрый и мягкий человек, и был бы неплохим царем, если бы имел очень способного и безжалостного первого министра. Но он был в одиночестве, и он был трус. Фаланга нацелилась на него, он повернулся и бежал с поля так быстро, как позволяла прыть его лошадей.

Далее последовало именно то, на что рассчитывал Александр. Дух персидского воинства надломился, и персы сдались. Александр остался победителем. Битва Давида и Голиафа близ мертвой Ниневии оказалась концом Персидской империи, спустя два столетия после

того, как Кир ее основал. Персия скончалась близ того самого места, где скончалась Ассирия.

Теперь Александр мог двинуться на Вавилон, где не встретил сопротивления. Население ликовало, и ворота были распахнуты перед ним настезь. Вавилон, в который вступили Александр и его воины, ни в коем случае не был Вавилоном Навуходоносора. То был даже не Вавилон Дария. Храмы, разрушенные Ксерксом полтора столетия назад, почти не были восстановлены. Великий храм Мардука, в частности, лежал в развалинах.

Но в отношении обычаев завоеванных народов Александр придерживался политики Кира. Он предоставлял им свободу и с величайшим удовольствием следовал любому ритуалу, который делал их счастливыми. Проходя через Иудею, он выказал высшее уважение первосвященнику Иерусалимского Храма, оставшись в еврейской легенде героем. В Египте он выказал такое же почтение к древним храмам и даже посетил храм Аммона, затерянный далеко в пустыне.

В Вавилоне он объявил себя защитником старых обычаев против угнетения зороастрийцев. Он приказал восстановить все храмы, и в особенности храм Мардука, во всем былом великолепии.

К несчастью для Вавилона, Александр не мог оставаться в городе и следить за исполнением своих приказов. Он должен был захватить то, что осталось от империи, и, когда он отбыл, его наместники не проявили в деле восстановления Вавилона такого энтузиазма, как сам Александр.

Александр пошел на Сузы, затем на Персеполис, где, как рассказывает история, он приказал сжечь персидские дворцы в отместку за сожжение Афин в дни великой экспедиции Ксеркса полутора столетиями ранее.

Затем Александр повернул на север, на Пасаргады, где посетил могилу Кира, а потом вернулся в Экбатану, где нашел убежище Дарий III. Дарий не стал его дожидаться и бежал на восток. Наконец его придворные устали от его слабости, и в 330 г. Дарий был убит.

Александр провел следующие четыре года на дальних восточных окраинах империи, сражаясь с суровыми варварами и побеждая в каждой битве (однако не с прежней легкостью, ибо трусливых царей больше не осталось). Со временем он проложил себе путь до реки Инд (в современном Пакистане), перейдя рубеж, за который когда-либо проникали даже персидские войска. Там он выиграл еще одну великую битву — на этот раз против индийского царя. Он был готов продолжать поход в Индию, но тут его войска наконец взбунтовались. С них было довольно. Александр был вынужден повернуть назад.

К 324 г. Александр снова был в Вавилоне, тут он и остался. На время Вавилон еще раз сделался центром и столицей величайшей державы на земле, как это было при Навуходоносоре, на двести пятьдесят лет раньше. Но город стал таковым уже не благодаря своей мощи или великолепию или каким-либо иным собственным качествам. Он стал столицей только благодаря пребыванию Александра. Мельчайшая деревушка могла в то время стать столицей мира при этом условии.

Александр выбрал Вавилон в качестве столицы с далеко идущей целью. Его мечтой было править объединенным человечеством. Он пытался стать чем-то большим, чем македонский царь и греческий полководец. Он пытался силой установить нечто вроде братства людей. Он заставлял своих македонцев брать себе персидских жен, он принял

персидский обычай одеваться, манеру себя вести. Он старался устранить все препятствия к службе в своей армии для персов и лиц других национальностей. Он надеялся даже переселять народы.

В этом отношении он далеко опередил свое время и был осужден на неудачу в этой атаке на упрямую человеческую ограниченность. Его македонцы ворчали при каждом знаке милости, который он оказывал азиатам. Что было пользы от завоеваний, думали они, если они в результате не становились хозяевами, — забывая о том простом факте, что становиться хозяином означает попросту приглашать подданного сделаться хозяином в свою очередь и так продолжать эту бессмысленную карусель переворотов без конца.

Вавилон устраивал Александра. Он не был ни греческим, ни персидским и лежал как раз в середине империи — 2400 км от западной границы и 2400 км от восточной. Он был также достаточно близок к Персидскому заливу, и Александр грезил о завоевании земель, окружавших это водное пространство, — Индии на востоке и Аравии на западе.

Может быть, даже если бы Александр прожил долгую жизнь, остался бы в Вавилоне и осуществил бы свой план восстановления храмов, город все равно остался бы мертвым. Культ Мардука и других богов, восходивший к шумерским временам, вероятно, слишком подгнил для возрождения. Но всякое возрождение оказалось исключено, ибо, пробыв в Вавилоне всего несколько месяцев, ранней весной 323 г. до н. э. Александр заболел. 13 июня его не стало.

Трудно поверить, глядя на все, что он осуществил и достиг, что он умер, когда ему было всего тридцать три года.

## **Вавилон уходит**

Неожиданная смерть Александра, молодого еще человека, разрушила труд его жизни в один момент. Он не имел подходящего родственника на роль наследника (была только персидская жена, новорожденный ребенок, сварливая мать и полоумный единокровный брат).

Логично было бы избрать полководца, одного из соратников Александра в его великом труде. Но если родственники Александра были слишком малочисленны и слабы, то его полководцы, напротив, были слишком многочисленны и сильны. Ни один не смог бы вырвать власть у всех остальных; ни один не был готов уступить ее без боя.

После смерти Александра генералы собрали в Вавилоне совет. Один из них, Пердикка, возглавил группу, которая придерживалась легитимистской точки зрения — правление должно остаться в старой македонской царской семье. Он сам предложил себя в правители, пока не родится ребенок Александра.

Некоторые другие генералы не собирались этого терпеть. Им это казалось просто средством, которое послужит, чтобы сделать Пердикку всеобщим и абсолютным правителем. Один из них, по имени Птолемей, сделал себя правителем Египта сразу же после смерти Александра и сразу решил не иметь более высоких амбиций. Зато, как он твердо решил, никто другой не будет править в Египте. Когда Пердикка выступил против него в поход, чтобы заставить его передумать, он оказал сопротивление. Маневры Пердикки кончились неудачей: он потерял популярность у своих сподвижников и в 321 г. был убит группой офицеров, возглавлявшихся другим генералом Александра, Селевком.

В награду за участие в убийстве Пердикки ссорящиеся генералы позволили Селевку править Вавилонией. Некоторое время военная судьба удерживала Селевка вдали от Вавилона, но в 312 г . до н. э. он занял город постоянно.

Это был в некотором роде «утешительный приз». В течение последующих столетий, когда македонские генералы и их наследники ссорились над медленно сжимающимися останками империи Александра, дороже всего всегда ценились территории, наиболее близкие к Греции. Именно греческая культура была предметом восхищения и желаний, все остальное было просто варварством.

Птолемей удержал Египет и сделал город Александрию (основанный Александром Великим, давшим ему свое имя) своей столицей. Другие генералы вели утомительные и скучные войны за Малую Азию, Македонию и собственно Грецию. Мало кого интересовала Вавилония и, тем менее, огромные персидские провинции за нею.

В Малой Азии Антигон, полководец Александра, еще грезил об объединении всей империи под собственной властью. Он был способнейшим из генералов и имел сильную поддержку в лице равно способного сына, но почти все генералы объединились против опасного и амбициозного старика, а он никак не мог набрать достаточно сил, чтобы их всех побить. В 306 г . терпение Антигона иссякло. Он еще не добился верховной власти, но ему было уже около семидесяти пяти, и он был вынужден спешить. Поэтому он принял титул царя, взяв себе имя, если уж не мог иметь фактической власти.

Оставшиеся генералы (многие к тому времени поумирали) немедленно сделали то же самое. Птолемей сделался царем Египта, а Селевк принял титул царя в Вавилоне.

Мало-помалу Селевк распространил свою власть на иранские провинции и со временем поставил под свой контроль не только Вавилонию, но и все, лежащее к востоку. Для этой части империи Александра нет точного имени, в частности, потому, что ее границы менялись и смещались в течение последующих десятилетий. Обычно ее называют империей Селевкидов, по имени основателя. Селевк датировал ее основание 312 г ., когда он окончательно въехал в Вавилон.

Селевк унаследовал в некоторой степени мечту Александра об объединенном человечестве. Он поощрял греческую колонизацию Вавилонского и Персидского мира, но он не был националистом. Он был единственным из генералов, который сохранил персидскую жену, навязанную ему Александром. Он симпатизировал своим вавилонским подданным и снискал среди них популярность.

Фактически он и его наследники делали все, чтобы удержать на плаву тонущую вавилонскую культуру, хотя бы только для того, чтобы противопоставить ее иранской культуре, которая оставалась сильной и жизнеспособной в областях к востоку от Месопотамии и оставалась великой соперницей греков и македонян. В результате древний город Урук, например, считался центром культуры в течение всего периода Селевкидов. Старое жречество могло рассчитывать на государственную поддержку, арамейский язык поощрялся. С другой стороны, на зороастризм власти смотрели хмуро, и он приходил в упадок.

К несчастью, никакой объем искусственных вливаний не мог вернуть Вавилонию к жизни. Этому препятствовал самый характер греческой культуры. Впервые в Месопотамию вошли завоеватели, которые не чувствовали привлекательности древней культуры, вдохновленной когда-то шумерами.

Скорее наоборот, вавилоняне в первый раз почувствовали обаяние пришельцев. Греческий язык приобретал все большую популярность в высших классах. Греческая система письма на папирусе или пергаменте сделала старое письмо на керамике устаревшим, и клинопись — первая система письменности — начала таять и умирать. К концу периода Селевкидов она практически исчезла.

Сам Вавилон, великий Вавилон, зашатался.

Селевк, как кажется, желал иметь собственную столицу. Желание, естественное для любого царя, особенно для первого в своей династии, который не хочет быть окруженным воспоминаниями о прошлом, в котором он не играл роли. Птолемей имел свою Александрию, и Селевк вполне мог пожелать сравниться с товарищем, царем-генералом, в этом отношении.

В 312 г. поэтому, в год окончательного въезда в Вавилон, Селевк начал строительство ново-го города на Тигре, всего в 64 км к северу от Вавилона. Он назвал его в свою честь — Селевкией и задумал как город греческой культуры для себя и своих наследников. Вавилон должен был остаться туземной столицей.

К несчастью, Вавилон был мертв, а Селевкия была слишком близко. Самые здания старого города разбирались, чтобы строить новый. Въезд Селевка в Вавилон был поэтому последним заметным событием в жизни города, последней метой, оставленной в книгах по истории. После этого остался только медленно умирающий город, потом — медленно умирающая деревня, потом — ничто.

Только одно последнее дыхание жизни смог испустить Вавилон перед концом. Во времена Селевка одного из жрецов Мардука в Вавилоне удалось убедить написать историю Вавилона по-гречески. Его имя, возможно, было Бел-узур

(«Господь защищает»), но нам он известен под греческим именем Берос.

Его книга в трех томах была бы бесценна для нас теперь, но она утеряна, вероятно навсегда. Шансы неожиданно найти где-нибудь копию близки к нулю. Тем не менее, наши знания о книге не нулевые. Отрывки из книги Бероса цитируются греческими историками, работы которых сохранились, и каждая строчка в таких отрывках была любовно изучена и сравнена с оригинальным материалом, набранным на раскопках в Вавилонии. Всегда, когда отрывок из Бероса сравнивают с отрывком из другого материала, наблюдается разумное совпадение.

Но, несмотря на Бероса, мертвое есть мертвое. Со времени установления империи Селевкидов уже не вполне справедливо говорить о Вавилонии. Я вернусь теперь к более общему термину — Месопотамия.

## **Обаяние Запада**

Для империи Селевкидов и самого Селевка было бы лучше, если бы он довольствовался своими восточными владениями. Однако даже Селевк не мог полностью выбросить греческий Запад из головы.

Начать с того, что он должен был противостоять ненасытному стремлению Антигона к верховной власти. Селевк был одним из главных вдохновителей союзного натиска, в

результате которого старик был наконец побежден и убит в 301 г . при Ипсе в центральной части Малой Азии.

В награду Селевк получил провинцию Сирия, так что его владения в конце концов достигли Средиземноморья. Правда, он имел не весь Плодородный Полумесяц. Птолемей Египетский сохранил южную часть западной половины полумесяца, включая Иудею.

Селевк отпраздновал приобретение Сирии, основав в 300 г . до в. э. город, который назвал Антиохией (в честь своего отца Антиоха). Он расположен в северной Сирии, всего в 16 км от моря. Он служил империи Селевкидов западной столицей и окном в Западный мир.

Успех на западе обострил аппетиты Селевка. В 281 г . он разгромил и убил восьмидесятилетнего генерала Лисимаха, сражавшегося когда-то под командой Александра. Селевк захватил всю Малую Азию и грелся в лучах славы, сознавая, что из всех полководцев Александра оп последний остался в живых. В семьдесят семь лет только он один остался из всех генералов, которые прошли с Александром пятьдесят лет назад в эпическом завоевательном походе через Западную Азию.

Он переправился в Македонию, чтобы захватить также и ее, и там, в 280 г . до н. э., встретил смерть от руки убийц.

Он подал дурной пример своим наследникам (Селевкидам). Занимайся они своими делами, работай над укреплением своей разношерстной империи, они могли бы продержаться много столетий, а греческие культура и знание («эллинизм», по греческому названию Греции — Эллада) могли бы пустить в Западной Азии постоянные корни.

Мы не должны (с нашими западническими предрассудками) думать, что это послужило бы только выгоде Азии. В течение жизни поколений после Александра Европа очень многое получила из Азии. Кроме добычи и даже знаний, были и материальные объекты, дотоле неизвестные в Европе, которые давали громадную выгоду. Европа получила, в частности, чудесный пищевой продукт, который греки называли персидским фруктом, а мы теперь называем персиком. Европа открыла для себя лимоны, вишню, альфальфу и хлопок. Несомненно, утвердилось европейское влияние в Азии прочнее, оба континента получили бы громадные выгоды.

Но трудность состояла в том, что Селевкиды всегда глядели на Запад и позволяли Востоку занимать лишь второстепенное место в своих расчетах. Победы Селевка I в последние годы жизни стали смертельно опасным прецедентом. Селевкиды начали бесконечную ссору с Птолемеями в Египте, продолжавшуюся еще целое столетие после смерти Селевка I и Птолемея I. Все было брошено в эту бесконечную склоку, которая ничего не решала, не могла прийти к окончанию, служила только к ослаблению обеих сторон и в конце концов убила их.

Вначале проигрывали Селевкиды. В 246 г . до н. э. третий из Птолемеев взшел на трон, и почти немедленно между двумя македонскими царствами разразилась Третья Сирийская война. Птолемей III повел свою армию в Азию и разбил Селевка II, правившего тогда империей Селевкидов. Армия Птолемея дошла до самой Месопотамии и на короткое время захватила Селевкию. Это был наивысший триумф птолемеевского царства.

Птолемей III, проявив мудрость, не пытался удержать захваченное. Не стоило рисковать Египтом из-за иллюзорного расширения империи. Он отступил.

Но империя Селевкидов была расшатана в этой войне, и провинции, лежавшие на дальнем востоке, вышли из-под контроля. Пока Селевкидский монарх вел дурацкую войну за несколько миль Средиземноморского побережья, громадные провинции на востоке отпадали от империи.

Дальше всех на восток лежала провинция Бактрия (занимавшая приблизительно территорию современного Афганистана). Около 250 г . до и. э. ее губернатор Диодот провозгласил себя независимым от Селевкидского монарха.

Непосредственно к западу от Бактрии лежала провинция Парфия (в нынешнем северо-восточном Иране). Она тоже объявила себя независимой под властью своего губернатора Арсака.

В манере восточных монархов Арсак I Парфянский объявил, что происходит от предыдущей царской династии Ахеменидов. Он проследил своих предков до Артаксеркса II, который на полтора столетия раньше одержал победу в битве при Кунаксе. Это была ложь, конечно, но она нравилась его подданным и повышала их готовность сражаться за него.

Целое поколение Селевкиды были не способны что-либо сделать. Они были слишком заняты мелочами на Западе. В 223 г . до н. э., однако, на трон взошел Антиох III. В 217 г . он потерпел поражение в войне против Птолемея IV и повернул на восток. Там он в течение двенадцати лет упражнял свои значительные таланты. Он подавил бунты, восстановил авторитет власти и достиг взаимопонимания с Парфией и Бактрией. Он оставил им некоторую долю самоуправления, но заставил признать верховенство Селевкидов.

В 204 г . до н. э. Антиох III возвратился в Месопотамию, как ранее возвратился Александр, и возвратился, казалось бы, с тем же результатом — полностью завоевав Восток. Антиох поэтому провозгласил себя Антиохом Великим (в подражание Александру) и под этим именем остался в истории.

К несчастью, выиграв все это, Антиох снова пал жертвой притягательности Запада. Вскоре после возвращения Антиоха умер Птолемей IV, новый царь Птолемей V был еще ребенком. Антиох получил шанс отомстить за прежнее поражение и свести счеты с Египтом раз и навсегда. Он вторгся в Египет и к 200 г . до н. э. сделался достаточно силен, чтобы захватить часть Малой Азии и всю Иудею. Впервые Селевкиды контролировали весь Плодородный Полумесяц.

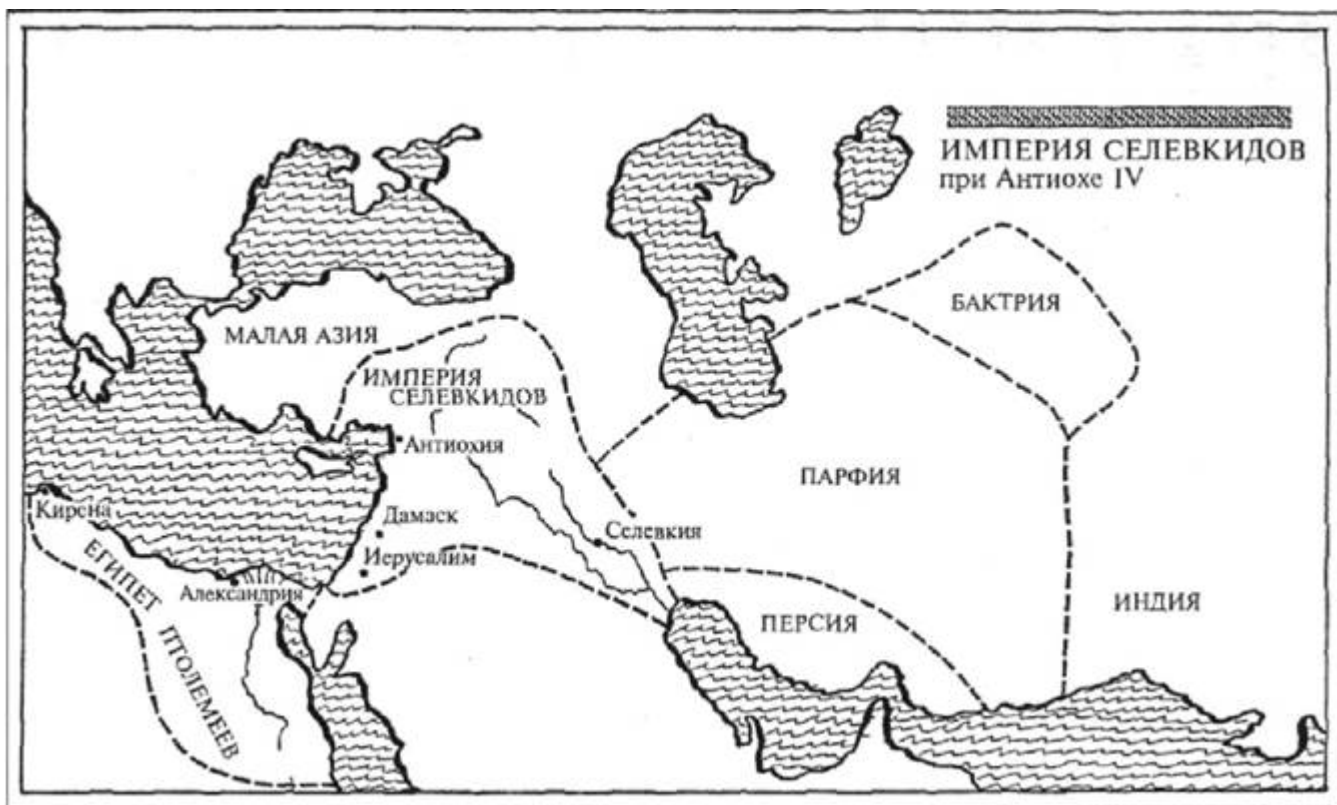
К тому времени, однако, самым могущественным народом Средиземноморья стал новичок — народ Рима. Он непрерывно расширял свои владения в течение двух столетий. Он контролировал всю Италию, окружающие острова и только что вдребезги разбил Карфаген. Западное Средиземноморье стало римским озером, и теперь Рим готов был скрестить мечи с македонскими монархами.

Если бы Антиох III решил, что будущее лежит на Востоке, укрепись он там, империя Селевкидов могла бы стать соперником, равным Риму. Более поздним восточным империям это удавалось.

К несчастью, Антиох III вполне серьезно отнесся к самозваному титулу «Великий», а смертоносное обаяние Запада оказалось слишком сильным. Он пожелал сразиться с Римом и был разгромлен, вначале в Греции, затем в Малой Азии. Пришлось отдать

владения в Малой Азии и заплатить крупнейшую контрибуцию. Хуже того, восточная часть империи, которую он с такими болезненными усилиями подчинил, отпала от империи снова.

Смерть Антиоха III стала печальным показателем глубины его поражения и принесла с собой дуновение давно ушедшего прошлого. Он был убит толпой, возмущенной его попыткой ограбить храм с целью получить золото для уплаты контрибуции Риму. Греческие историки говорят, что он погиб в Элимаисе, то есть в Эламе, то есть там, где Ашшурбанипал одержал последние великие ассирийские победы и где правил со славой Дарий I.



В 175 г. до н. э. на трон Селевкидов под именем Антиоха IV взошел его младший сын. Он был способный человек, но ему не хватало здравого смысла. Он был рьяным приверженцем греческой культуры и всемерно поощрял растущую эллинизацию своих подданных. Так, он создавал греческие театры и гимназии в различных пунктах своих владений, даже в умирающем Вавилоне, который еще тащился по пути к могиле.

Он увлекался применением силы там, где убеждения оказывались недостаточно, особенно против евреев. Евреи сопротивлялись эллинизации намного сильнее, чем другие народы его царства. Они подняли восстание под руководством группы из пяти братьев, известных нам как Маккавеи. Наши представления об Антиохе IV почерпнуты в основном из еврейских книг о восстании. Нет нужды говорить, что Антиох IV обрисован как чудовище, примерно так, как некоторые американские книги рисуют Георга III Английского.

Антиох IV пытался также свести счеты с Египтом и легко разбил Птолемея VI. Рим, однако, приказал ему убраться вон из Египта, он был вынужден подчиниться и уполз, как побитая собака.



Потеря престижа, вытекавшая из трусости перед Римом, и издержки, вызванные попытками подавить еврейское восстание, в громадной степени ослабили Антиоха, и он повернул на восток. Там он очень надеялся получить деньги, в которых нуждался, и восстановить репутацию, которую потерял.

До некоторой степени ему это удалось. Как и его отец, он подавил мятежи и еще раз заставил почувствовать власть Селевкидов. Быть может, ему удалось бы завершить работу и даже добиться большего, чем отец, проживи он достаточно долго. Но он умер естественной смертью (вероятно, от туберкулеза) в Персии, за горами Загра.

Смерть Антиоха IV отмечает конец империи Селевкидов как великой державы, хотя она еще делала какие-то жесты на востоке. Парфия и Бактрия стали полностью и постоянно независимыми и каждая была отмечена топким слоем эллинизма поверх массы иранского крестьянства.

Бактрия, хотя отодвинутая дальше на восток, была более эллинизирована. Какое-то время она процветала и даже, казалось, собиралась расширяться; когда Антиох IV слабел и умирал в Персии, бактрианские вожди проталкивали свои армии и влияние в Индию.

Но Бактрия была слишком далека от центров цивилизации, чтобы продержаться долго. Окружающее ее море варварства медленно смыкалось и столетие спустя последние остатки греческой культуры в Центральной Азии были смыты.

Будущее иранских народов, владения которых были так грубо разбиты вулканической мощью Александра Великого, оказалось в руках Парфии.

## Глава 8. ПАРФЯНЕ



### Селевкиды уходят

Парфяне, как персы и мидяне, были иранским народом. Отечество парфян лежало прямо на восток от Мидии и впервые отмечено в надписях Дария I. Возможно даже, что «Парфия» есть только диалектная форма слова «Персия».

Александр Великий прошел в своем походе через Парфию, и она оставалась под властью Селевкидов (со значительной долей самоуправления) полтора столетия. Этого было недостаточно, чтобы изменить главные обычаи народа, который был иранским по языку и зороастрийским по религии.

Высшие классы, однако, были слабо проникнуты зороастризмом и приняли в значительной мере греческую окраску. Греческий оставался официальным языком

парфянской аристократии, и она восторгалась греческой литературой. Особенно занимали ее легенды о Геракле, и был сформирован практически культ Геракла.

Правителей Парфии называют Арсакидами, поскольку все они произошли от Арсака I, при котором парфяне впервые получили некоторую долю самоуправления под верховной властью Селевкидов. Вначале парфянские монархи принимали «Арсак» как официальное тронное имя, но они были известны и под собственными именами. Так, Арсак VI более известен как Митрадат I. Это имя показывает зороастрийскую основу даже в эллинистических монархах, ибо означает «дар Митры», а Митра — зороастрийский символ Солнца.

Митрадат I взойшел на трон в 171 г. до н. э. и с самого начала принял энергичную экспансионистскую политику. Пока Антиох IV был жив и устраивал походы на восток, Митрадат оставался в обороне против Селевкидов, но сам продвигался на восток, в Бактрию. Затем, когда Антиох IV умер, он обратил свои взоры также и на запад.

Провинция Мидия, лежавшая между Парфией и Месопотамией, после смерти Антиоха IV провозгласила независимость. Селевкиды, будучи в глубоком упадке, ничего не могли с этим поделать, но Парфия, будучи на подъеме, могла. Она распространяла свое влияние на запад и к 150 г. до н. э. полностью поглотила Мидию. С этого момента мы можем говорить о Парфянской империи.

Дело на этом не остановилось. Члены Селевкидского царского дома отчаянно дрались друг с другом в Сирии. Митрадат поэтому усилил натиск на запад и в 147 г. до н. э. захватил Месопотамию вместе с ее гордой столицей Селевкией, основанной Селевком I полтора столетия назад.

Митрадат старался уверить греческих колонистов и высшие классы Месопотамии, что парфянская оккупация не означает конца эллинизма. Он подчеркивал свою близость к эллинизму, приняв имя Митрадат Филэллин («любитель греческого»). И действительно, он и его наследники были больше греками, чем сами греки. Там, где греки активно старались поддерживать жизнь в древней вавилонской культуре, парфяне этим не затруднялись. Последние обычаи Шумера и Аккада, Саргона и Хаммурапи исчезли под их управлением. Последний известный нам клинописный текст датирован двумя столетиями после нашествия парфян, после этого — ничего. Последний след живой вавилонской культуры, смертельно раненной Ксерксом, растаял.

С другой стороны, евреи Месопотамии выигрывали от прохладного отношения парфян к обычно нетерпимому зороастризму и процветали.

Тем не менее, греческие города Мидии и Месопотамии смотрели на нового парфянского хозяина с большой опаской (и, быть может, с некоторой долей снобизма) и ждали возвращения Селевкидов. Они засыпали Антиоха умоляющими призывами, и в двух случаях Селевкидские монархи испробовали свою удачу в восточных походах.

В 140 г. до н. э. Селевкидский царь Деметрий II вторгся в парфянские владения. Он выиграл несколько сражений, но в 139 г. до н. э. попал со своей армией в засаду. Армия была разгромлена, а сам он взят в плен.

В следующем году умер Митрадат. За тридцать три года своего правления он превратил свою провинцию в империю, контролирующую полосу территории длиной более 2400 км с запада на восток. Она заняла северную половину территории старой Персидской

империи, от Евфрата к востоку. (Южная половина, состоявшая из провинций, прилегающих к Персидскому заливу и Индийскому океану, — заметим, что это сердце собственно Персии, — держалась более старомодного зороастризма и никогда не считалась бесспорной частью парфянских владений.)

Когда ушел Митрадат, Селевкиды попытались снова захватить Месопотамию. Царем был младший брат Деметрия Антиох VII. В 130 г . до н. э. он вторгся в Месопотамию, разбил парфян и на время снова захватил контроль над страной двух рек. Но то была последняя вспышка, не более. Парфяне отступили в Мидию, Антиох последовал за ними, был разбит в сражении и убит.

Тогда парфяне освободили Деметрия II, чтобы он мог вернуться в Сирию и править своей страной. Они полагали, что любой, хлебнувший парфянской тюрьмы, не станет спешить туда снова. Они были правы. За несколько десятилетий, которые остались Селевкидской империи, никто из ее монархов не смел высунуть носа из Сирии.

В 129 г . до н. э. парфяне решили создать в западной части своих владений новую столицу. (Они были достаточно эллинизированы, чтобы, как Селевкиды, ощущать обаяние Запада.) Селевкия уже существовала, но она казалась, быть может, немного слишком греческой. Они выбрали ее пригород на востоке, на противоположном берегу Тигра. Пригород был назван Ктесифоном.

Ктесифону суждено было оставаться столицей Иранской державы (Парфянской и режима, который последовал за ней) в течение восьми столетий. Естественно, она росла, пока не сравнялась и даже не превзошла Селевкию. Образовались «города-близнецы», эллинский и иранский, отражая сплав двух культур, которым мог бы восхищаться Александр Великий.

## **Входит Рим**

Когда Селевк вышел из игры, другая сила поднялась на дальнем севере Месопотамии, у подножия Кавказа, где когда-то существовало Урарту.

После разрушения Урарту мидянами в регионе появился новый народ — армяне, двинувшиеся из Малой Азии па восток. Сперва они были подданными мидян, потом персов, потом Селевкидов. После того как Антиох III был разбит римлянами, они начали делать первые шаги к независимости.

Экспансия парфян столкнула их с армянами, и какое-то время казалось, что армяне, как Мидия и Месопотамия, легко будут проглочены Парфией. Митрадат II Парфянский, способный монарх, правивший со 124-го по 87 г . до н. э., стремился как раз к этому.

В 95 г . до н. э. он поставил царем Армении свою марионетку Тиграна и с той поры считал страну своей собственностью. Он назвал себя Митрадатом Великим и принял старый ахеменидский титул царя царей, означающий, что он был величайшим и самым могущественным правителем в мире.

Но когда Митрадат умер, Парфию поразила ее периодически повторяющаяся болезнь — династические свары. Все монархии периодически испытывают династические конфликты, но Парфия в этом отношении была хуже, чем большинство остальных. Во-первых, это была феодальная империя, в которой крупные землевладельцы были настолько могущественны, что почти не зависели от короны. Естественно, они постоянно

были на ножах друг с другом и всегда готовы поддержать различных претендентов на трон. А таких претендентов всегда было в избытке, ибо у парфян был обычай передавать корону от брата к брату, а братьев всегда было много.

Пока парфяне были заняты, Тигран освободился, и Армения при нем достигла вершины могущества. Тигран продвинулся на юг, в Малую Азию и Сирию, проник в Месопотамию и опустошил Мидию. Он в свою очередь принял блестящие титулы Тиграна Великого и царя царей.

Столица его была в Артаксате, в Закавказье, в 400 км к северу от того места, где когда-то стояла Ниневия. Теперь, однако, Тигран тоже почувствовал притягательность Запада и построил себе новую столицу к северу от верховьев Тигра, близ восточного края Анатолийского полуострова. Он назвал ее Тигранокерт.

Сцена казалась готовой теперь для повторения древней дуэли между Ассирией и Урарту, с восстанавливающей силы Парфией в роли первой и Арменией в роли последнего. Неприятность состояла в том, что была и третья сторона, сильнее, чем любая из двух. То был Рим.

Столетием раньше, когда Рим разгромил Антиоха III и унижил Антиоха IV, он еще не имел постоянного плацдарма на Востоке. Ко времени появления Тиграна, однако, Рим уже аннексировал западную половину Малой Азии и всю Грецию и Македонию целиком. Он стал верховной властью во всем Средиземноморье.

Понт, царство в восточной Малой Азии, посмел затеять ссору с великой западной державой и на время даже ухитрился что-то выиграть у Рима. Царем Понта был Митрадат VI (иранизм дышит в этом имени, хотя Понт был полностью эллинизирован), и был он тестем Тиграна.

Рим, отвлеченный собственными гражданскими войнами, решил наконец ударить по Малой Азии в полную силу и направил генерала Лукулла осуществить предприятие. Лукулл, суровый солдат и способный полководец, выступил на восток и сокрушил Понт. Митрадат бежал ко двору зятя в Тигранокерт.

Самозванный титул «Великого» Тигран принимал так же всерьез, как Антиох «Великий» на 125 лет раньше. Тигран, как Антиох, чувствовал, что величие обязывает его противостоять Риму. Он так и сделал, с тем же результатом, что у Антиоха. В 69 г. до и. э. Лукулл подошел к Тигранокерту и разбил Тиграна. В первый (но не в последний) раз римская армия вступила в Месопотамию. В следующем году Лукулл продвинулся глубже и снова разбил Тиграна в Артаксате, его старой столице.

Тут бы Тиграну и конец, но Лукулл был придирчивый начальник, и солдаты его ненавидели. Они взбунтовались и отказались за ним следовать. Он был отозван в Рим, и Тигран получил краткую передышку.

Лукулл был вскоре заменен другим, более популярным римским генералом — Помпеем. В 66 г. до и. э. Помпей проник в Армению, достиг Артаксаты и захватил в плен самого Тиграна. Грезы Тиграна о славе разбились даже грубее, чем у Антиоха, который хотя бы сохранил свободу.

Помпей, сомневаясь в способности римлян надолго сохранить гористую территорию Армении, довольствовался тем, что оставил Тиграна царем при условии уплаты

громадной контрибуции и нисхождения на уровень римской марионетки. На этих условиях Тигран процарствовал последнее десятилетие своей жизни. Он имел странную карьеру, ибо начал и кончил свой путь как марионетка (сперва парфянская, а напоследок римская), а в середине срока два десятилетия правил великой державой.

Помпей повернул на юг, в Сирию, где в 64 г . до н. э. и положил окончательный конец последнему жалкому остатку могущественной некогда Селевкидской империи, аннексировав ее как римскую провинцию к Сирии. Он аннексировал также еврейское царство, на короткий срок добившееся независимости при Маккавеях.

## **Бронированные всадники**

Парфия наблюдала за всем этим с немалой тревогой. Ее старая противница, империя Селевкидов, сделалась римской провинцией. Ее новая противница, Армения, стала римской марионеткой. Ничто не стояло теперь между собственно Парфией и неумолимым движением римлян на восток.

Парфия делала для сохранения мира все, что могла, но Рим был совершенно не заинтересован в достижении какого-либо взаимопонимания. Полтора столетия он расширял свои владения с поразительным успехом, распространившись па все Средиземное море и не потерпев ни одного поражения, способного его остановить. С тех пор как в 64 г . до н.э. Рим сместил последнего Селевкидского монарха Антиоха XIII, некоторые римляне чувствовали, что они унаследовали задачу восстановить на иранском Востоке власть Запада.

Это чувство весьма усилилось примерно через десять лет после поглощения остатков Селевкидской империи, когда Помпей объединился с двумя другими римлянами, чтобы господствовать над Римом в форме тройственной диктатуры. Одним из союзников был Юлий Цезарь, умнейший политик Рима, другим — Марк Красс, его богатейший бизнесмен.

Помпей уже стяжал свои победные лавры на Востоке. Цезарь отбыл в Галлию (современную Францию) в поисках сражений и славы. Крассу казалось только справедливым, что он тоже должен сделаться великим полководцем. Он решил поэтому взять на себя задачу возвращения потерянных провинций империи Селевкидов.

Момент также казался подходящим, ибо Фраат III Парфянский, который талантливо и отча-янно боролся за мир с Римом, скончался. Он был убит своими двумя сыновьями, которые, что было естественно для членов парфянской царской семьи, немедленно начали ссору.

В 54 г . до п. э. Красс оставил Рим и Италию ради Востока, самоуверенно настроившись на чисто агрессивную войну против державы, которая ничем не оскорбила Рим и, напротив, делала все возможное, чтобы избегать этого.

Две армии, римская и парфянская, были устроены совершенно по-разному. Римляне создали легион, пехотную организацию, обладавшую величайшей гибкостью. Легион не обладал подавляющим весом и мощью фаланги, но фаланга действовала наилучшим образом только на открытых и ровных площадках, где она могла маневрировать как тесно сплоченное целое, тогда как легион мог распадаться и соединяться вновь без всякого ущерба для себя. В нескольких сражениях легионы сталкивались с фалангой, и в конечном счете гибкость легиона возобладала над грубым весом фаланги.

Парфяне, с другой стороны, подняли на новый уровень конницу. Лошади иранских племен еще оставались лучшими в мире, и парфянские наездники маневрировали с легкостью, вызывавшей завистливое восхищение у тех, кому доводилось с ними столкнуться. То была тактика «бей и беги», доведенная до совершенства. Конники внезапно обрушивались на неподготовленного врага, делали свою смертоносную работу и уносились прочь, чтобы ударить где-нибудь еще.

Рассказывают также, что, когда парфяне стремительно отступали и враг мчался за ними, охваченный бессильным гневом из-за молниеносной атаки и молниеносного бегства, всадники по сигналу оборачивались в седлах, чтобы послать последнюю тучу стрел через плечо. Эти «парфянские стрелы», внезапно и неожиданно поражая преследователей, часто причиняли больше вреда, чем сама атака.

В дополнение к этому парфяне создали тяжеловооруженную конницу. То были катафракты (от греческих слов, означающих «полностью закрытые»). Эти всадники были закованы в броню, их кони иногда также были защищены доспехами. Чтобы нести вес брони, лошади должны были быть крупными и мускулистыми. Такие лошади были доступны парфянам, но редко попадали к их врагам.

Тяжелая кавалерия двигалась не быстро, но этого и не требовалось. Она надвигалась на вражеский фронт, как громящая конная фаланга с тяжелыми копьями. Или, вооруженная луками, она поражала вражеские линии, будучи почти неуязвимой для ответного обстрела лучников противника.

Парфянские всадники вызывали такой ужас, что сделались в провинциях Запада воплощением страшных воителей. В Апокалипсисе (Откровении Иоанна Богослова), например, катастрофическая война символизируется изображением парфянского конного лучника.

Многое зависело, разумеется, от способностей и вдохновения полководцев. Римские генералы сталкивались с новым оружием и прежде. Они побили боевых слонов, не имея своих собственных, они построили корабли и укомплектовали их неопытными новобранцами, чтобы победить закаленную морскую державу (Карфаген).

На этот раз, однако, им не повезло. Красс воевал по учебнику, как спартанец Клеарх три с половиной столетия назад. Перед задачей приспособления к неожиданным изменениям он оказался абсолютно беспомощным. Более того, ему недоставало преимущества разобщенности противника. Под угрозой неминуемого римского вторжения парфяне сумели покончить с гражданской войной, один из братьев захватил единоличный контроль и начал править под именем Орода II.

Красс высадился в Сирии, пересек Евфрат и вступил в Месопотамию. Несколько греческих городов горячо его приветствовали, и, когда он на зиму вернулся в Сирию, его самоуверенность достигла новых высот.

Парфяне, соответственно, были обескуражены. В Антиохию была отправлена делегация, чтобы поторговаться с Крассом и заключить приемлемое мирное соглашение. Перед Крассом, однако, маячила тень Александра Великого. Александр последовательно отвергал все компромиссы, упорно шел к тотальной победе и достигал ее. С тех пор это стало блистающей целью военных вождей, многие генералы пытались использовать методы Александра, не имея его гения, и дорого заплатили за это.

Красс гордо заявил парфянам, что условия мира он будет обсуждать в Селевкии, и послы уехали с пустыми руками и очень разозленные.

В 53 г. до и. э. Красс снова пересек Евфрат. Никакой армии не явилось, чтобы помешать переправе, и офицеры посоветовали Крассу следовать вниз по реке, как это сделали в свое время «Десять тысяч». Красс, однако, хотел, подобно Александру, двинуться в сердце Парфии и охотно согласился следовать за неким арабом, который предложил провести его через месопотамские равнины к месту, где римляне могли бы застать врасплох парфянскую армию и уничтожить ее.

Араб привел римлян к парфянской армии, но он был платным агентом парфян, и их армия была готова к встрече. Парфяне ждали в окрестностях Карр (греческое название Харрана, где две тысячи лет назад проживало семейство Авраама и где пять с половиной столетий назад Ассирия приняла последнюю битву).

Видна была только малая часть парфянского войска, и римляне ринулись вперед, искренне веря, что достигли внезапности. Однако, когда они ввязались в бой, обычные всадники сбросили плащи и засверкала броня. То были смертоносные катафракты.

Прежде чем римляне осознали, что они ввязались в решающее сражение и их самих застали врасплох, запели парфянские луки и римляне начали падать со всех сторон. Красс в отчаянии приказал собственной кавалерии под командой своего сына Публия Красса атаковать парфян и попытаться отогнать их.

Римская кавалерия пошла в атаку, и парфяне сразу же отступили, отстреливаясь через плечо. Легковооруженные и поэтому более быстрые римляне, уже настигая их, внезапно поняли, что их навели прямо на остальную парфянскую армию, с ее собственной легкой кавалерией, далеко превосходившей римскую по численности и мастерству.

Римляне дрались с упорством отчаяния, но это была бойня, и к концу они погибли почти до последнего человека. Публий Красс также погиб, парфяне отрубили ему голову и насадили на копье. Затем парфянская кавалерия перестроилась и вновь атаковала главные силы римлян, неся высоко, как знамя, голову Публия.

Дух римлян упал от такого зрелища, хотя Красс оказался на высоте положения, крикнув солдатам: «Эта потеря моя, не ваша!»

Битва продолжалась, римляне несли новые потери, и на следующий день Красс вынужден был отступить. Парфяне следовали за ним по пятам, и сам Красс был в конце концов убит. Наконец парфяне захватили боевые значки римских легионов — величайший позор в глазах Рима.

Лишь один из каждых четырех римских солдат вернулся в Сирию из этой губительной экспедиции. Хуже, чем само поражение, было торжествующее осознание парфянами того факта, что римлян можно победить.

Благодаря победе при Каррах Парфия приблизилась теперь к зениту своей мощи. Она не только отбросила Рим, но заняла важную посредническую позицию между Римом и другой великой империей, удаленной на тысячи миль, — позицию, которая была высокоприбыльной.

В I столетии до нашей эры, когда Рим консолидировал свою власть в Средиземноморье, дальневосточное государство Китай находилось под твердым и просвещенным управлением династии Хань. Производство шелка из коконов шелковичных червей было развито высоко, но процесс охранялся как национальный секрет. Он был для Китая источником огромного богатства; всем нравился мягкий блеск самого красивого в мире естественного волокна. На пике расширения обеих империй в Средней Азии Китай и Парфия почти соприкасались.

Торговые караваны с шелком прокладывали себе путь через Среднюю Азию на запад, достигая Парфии. Парфия облагала их полновесной посреднической пошлиной и отправляла в Рим, где высшие классы готовы были платить по фунту золота за фунт шелка и были рады такой возможности.

Римляне этого периода считали шелк таинственным веществом. Большинство думали, что его дают деревья. Хотя греческий философ Аристотель тремя с половиной столетиями раньше говорил о червях, которые производят волокно. Только много столетий спустя методы производства шелка (в отличие от самого шелка) достигли Запада.

## **Ничья**

Теперь настала очередь Рима погрузиться в гражданскую войну. В ней столкнулись Цезарь и Помпей, и победу одержал Цезарь. В 44 г . до н. э. он сокрушил всех своих врагов и сделался диктатором всего Рима и его владений. Он начал планировать кампанию против Парфии, чтобы смыть позор Карр.

Быть может, он и преуспел бы, ибо он был очень талантливым полководцем, но прежде, чем он мог выступить, он был убит республиканцами, которые боялись, что он провозгласит себя царем. Снова начались гражданские войны. Против армий, возглавляемых убийцами Цезаря, сражались армии Марка Антония, верного соратника Цезаря, и молодого Октавиана, его внучатого племянника и приемного сына.

В 42 г . до н. э. республиканская армия была разгромлена в Греции и уцелевшие республиканские вожди поспешили принести знаки своей покорности победителям. Кроме одного. Квинт Лабие бежал в Парфию и предложил свои услуги Ороду. Услуги эти были приняты, и в 40 г . до н. э. Лабие повел парфянскую армию в восточные провинции еще занятой междоусобьями империи. Под его руководством парфяне захватили Сирию и Иудею и проникли глубоко в Малую Азию.

Но момент парфянской славы, когда знамена Парфии реяли над Антиохией и Иерусалимом, оказался кратким. Римляне собрались с силами. Басс Вентидий, один из генералов Марка Антония, вступил в Сирию и в двух последовательных кампаниях, 39-го и 38 гг. до н. э., разгромил парфян, которые вынуждены были отступить за Евфрат.

В 37 г . до н. э. Ород II, правивший Парфией на вершине ее мощи, встретил парфянскую царскую смерть. Он был убит собственным сыном, который и правил затем под именем Фраата IV.

Новый парфянский царь оказался способен повторить некоторые успехи старого. После поражения республиканской армии Марк Антоний и Октавиан разделили римские владения между собой. Марк Антоний взял себе Восток. Теперь он мечтал посчитаться за Карры.



В 36 г . до н. э. он вторгся в Парфию, но добился только нового позора. Парфянские войска избегали открытой битвы, но преследовали римлян в горах, где едва не заклевали их до смерти. Марку Антонию пришлось отступить и в конце концов убраться из Парфии, потеряв большинство солдат и не дав ни одной битвы. Ему пришлось попытаться отплатить за это, повернув на Армению и взяв в плен ее царя.

В последующие столетия Армения, как шарик в пинг-понге, болталась между державами Запада и Востока, никогда сама себе не хозяйка, никогда не принадлежала твердо одной или другой стороне, всегда — поле битвы дипломатов и армий.

Римские гражданские войны кончились наконец в 31 г . до н. э., когда Октавиан разбил Марка Антония в большом морском сражении. Следующие годы Октавиан употребил на реорганизацию римского правительства. Он принял имя Августа, и Римская республика стала Римской империей с ним самим в качестве первого императора.

Многие должны были ожидать, что теперь наконец последует долгожданная проба сил с Парфией. Если так, они были разочарованы. Август был сторонником мира, он хотел, чтобы его империя утвердилась за безопасными, оборонительными рубежами и отдохнула.

Что до Парфии, было бы достаточно воспользоваться вечной гражданской войной. Фраат IV оказался необычно кровавым царем даже для парфянина. Он перебил всю свою семью оптом, включая старшего сына, чтобы ликвидировать любых опасных претендентов на трон. (Что до сыноубийства, кому, как не ему, было лучше всех известно, насколько сыновья опасны для отцов.) Но мятеж все равно возник, и в 32 г . до н. э. Фраат был сброшен с трона членом царской семьи, который ухитрился уцелеть. Нового царя звали Тиридат II. Фраат IV бежал, но продолжал сражаться.

Август воздержался от помощи Тиридату и вместо этого повел переговоры со старым Фраатом IV. Когда при помощи хитрого маневрирования старый царь к 20 г . до н. э. с минимальным вмешательством римских войск был возвращен на трон, он выразил свою благодарность, вернув боевые значки, захваченные у легионов Красса.

Формально позор был смыт, но многие римляне, вероятно, чувствовали, что так поступают лавочники; в истинно римском стиле было бы разгромить парфян в битве. (К несчастью, таково вечное безумие человечества: оно видит нечто презренное в успехе, достигнутом путем переговоров, а не войны.)

В обмен на боевые значки Август послал Фраату подарок, который оказался роковым (хотя Август не мог предвидеть этого). То была просто прекрасная рабыня по имени Муза, которую Фраат добавил к своему гарему.

Она быстро сделалась его любимой женой, родила сына и убедила Фраата отправить его старших, еще живых детей в Рим. Фраат так и сделал, с тем большей охотой, что сыновья были опасной роскошью для парфянского царя. Когда это было проделано, Муза стала ждать, пока ее сын подрастет. Когда он дорос до подростка, во 2 г . до н. э. она отравила Фраата IV и сын ее стал царем под именем Фраата V.

Августинская политика мира продержалась, к сожалению, недолго. Парфяне тщательно избегали набегов на римскую территорию, Рим тщательно избегал вторжений в Парфию, но всегда оставалась Армения. Обе державы по очереди возводили марионеток на армянский трон, и армии маршами и контрмаршами проходили страну.

После пятидесяти лет невероятного династического хаоса в 51 г . <sup>[81]</sup> на парфянском троне оказался наконец сильный владыка. Его звали Вологез I. Решившись покончить с ничейной ситуацией, он посадил своего брата Тиридата на армянский трон.

В 54 г . римский трон унаследовал молодой император Нерон, и он не собирался попустительствовать этому самоуправству. Он направил в Малую Азию самого способного из римских генералов — Гнея Домиция Корбулона.

Корбулон предложил компромисс. Пусть Тиридат остается на троне, но присягнет на верность Риму, а не Парфии. Страна, которая формально была римской марионеткой, но управлялась парфянским царем, едва ли могла слишком сильно склоняться на ту или другую сторону, и обе конкурирующие державы были бы удовлетворены.

Парфия отвергла компромисс. Корбулон в 58 г . вторгся в Армению и проложил себе путь до Артаксаты, где столетием с четвертью раньше стоял Лукулл. Только в 63 г ., однако, Корбулону, преследуемому завистью в Риме и упрямым сопротивлением в Ктесифоне, удалось осуществить свой компромисс, Тиридат остался царем, но под эгидой Рима. Согласись Парфия на это с самого начала, девятилетней войны можно было бы избежать.

Для Корбулона из этого не вышло ничего хорошего. Император Нерон был подозрительный тиран, которому заговорщики мерещились повсюду. В 67 г . вместо того, чтобы послать Корбулона в Иудею, где начиналось большое восстание, он послал генералу приказ покончить с собой. Корбулон повиновался, проворчав: «Так мне и надо», — это означало, что он заслуживал смерти за то, что не поднял восстание против тирана, еще имея за собой армию.

Впрочем, это не помогло Нерону. Он послал в Иудею другого генерала, Веспасиана (Нерон был убит в 68 г .). После некоторой неразберихи императором стал Веспасиан (как мог бы стать Корбулон, если бы уцелел).

В 70 г . Иудейское восстание было раздавлено и Веспасиан установил дружеские отношения с Вологезом Парфянским, который царствовал до 77 г .

## **Рим на берегах Залива**

После этого, на период жизни целого поколения, Парфия погрузилась в темный хаос гражданской войны. Все, что мы знаем об этом периоде, ограничивается именами царей на монетах и рядом изолированных и очень беглых упоминаний в литературных источниках.

Только к 109 г . Парфия смогла перевести дух и Хосров I утвердился как единственный правитель страны. Несмотря на усталость Парфии от войны, Хосров взял на себя смелость нарушить компромисс, который поддерживал мир с Римом со времен Корбулона. Он заменил правителя Армении другим, который признавал скорее парфянское, чем римское верховенство.

Случилось так, что римским императором был в то время Траян. Он был одним из лучших и талантливейших императоров и первым со времен Юлия Цезаря имел сильную склонность к экспансионистской политике и способность ее осуществлять. Он провел две громадные войны против воинственных и хорошо руководимых племен Дакии (нынешняя Румыния) и присоединил эту страну к империи.

Быть может, Хосров рассчитывал на то, что Рим занят в Дакии. Если так, он рассчитал неправильно. Траян устроил все имперские дела и двинулся в Малую Азию. Хосров, который теперь осознал ситуацию и понял, что он абсолютно не в состоянии сражаться с Римом, предложил уступки. Траян, однако, и слышать об этом не хотел. Он был силен, Парфия слаба, и он желал тотальной победы. Он поэтому занял Армению и превратил ее в римскую провинцию.

Он желал получить больше. В 115 г. он повернул на юг в Месопотамию и аннексировал ее северную часть. Область, где почти двумя столетиями раньше сражался и погиб Красс, стала теперь римской и должна была оставаться римской еще несколько веков. В 116 г. Траян переправился через Тигр и аннексировал регион, лежавший за Тигром, как провинцию Ассирия.

Затем на Тигре и на Евфрате были построены римские суда. Как флот Синахериба за восемь столетий до этого, они двинулись на юг.

Двойной город Селевкия-Ктесифон попал в руки римлян. Руины Вавилона (Траян увидел жалкую маленькую деревушку) услышали шаг римских легионов — и наконец римский император стоял на берегу Персидского залива.

Ни один римский полководец не проникал прежде так далеко на восток. Ни один римский полководец не проник снова так далеко.

На один краткий исторический миг весь Плодородный Полумесяц оказался в руках римлян, и в этот момент Римская империя достигла максимальных размеров. От западной оконечности Испании до Персидского залива она простиралась более чем на 5 тыс. км.

Но Траян не был удовлетворен. Глядя на волны Персидского залива, он, говорят, печально произнес: «Если бы я был моложе!» Но он был стар. Ему было шестьдесят четыре, и возраст сказывался. Но даже будь он молод, как Александр, он должен был идти дальше, ибо тучи уже собирались вокруг него.

При всей внушительности его успехов, он находился в опасности. Крепость Хатра, находившаяся между реками приблизительно в 100 км от места, где некогда стояла Ниневия, не сдалась его войскам и представляла собой постоянную опасность для его линии коммуникаций. Парфяне отступили перед ним, и их армия оставалась нетронутой в горах на востоке. В самой империи евреи Кирены подняли дикий и опасный мятеж.

Траян просто обязан был вернуться, невзирая на возраст. Он не выдержал. Он покинул Месопотамию уже больным и умер в Малой Азии еще на пути домой.

Адриан, его наследник, был сторонником мира. Он разумно рассудил, что завоеваний Траяна не удержать без постоянной вооруженной борьбы. Он уступил большинство из них и заключил мир с Парфией на основе старого Корбулонова компромисса.

Однако полстолетия спустя авантюре Траяна суждено было повториться, причем так, что каждый из участников заплатил за нее дороже, чем прежде.

В 161 г. Адриан умер и два правителя наследовали ему как императоры. Одним из них был Марк Аврелий, философ, другим — Луций Вер, искатель наслаждений.

Парфянским монархом был в то время Вологез III, и ему казалось, что два римских монарха обречены на гражданскую войну. Поэтому он мог без опасений (как он думал) нарушить компромисс Корбулона. Он захватил Армению.

Марк Аврелий, однако, был не просто философом. Он был способным правителем и полководцем. Он направил Луция Вера на Восток вместе с очень способным генералом Авидием Кассием. Кассий прошел путем Траяна, обрушившись на юг через Месопотамию.

В 165 г. он взял Селевкию. Это был крупнейший говорящий по-гречески город за пределами Римской империи, и даже тогда в нем проживало, быть может, 400 тыс. человек. Кассий без видимых причин, исключая желания погреться в лучах победы, приказал сжечь город. Это было сделано, и Селевкия уже никогда не оправилась. Великий город пришел к концу почти через пять столетий после своего основания. Дело эллинизма на Востоке получило смертельную рану.

Далее Кассий взял Ктесифон и разрушил царский дворец, но город оставил относительно нетронутым.

За преступное разрушение Селевкии Парфия отплатила невольной, но ужасной мстостью. Эпидемия черной оспы проложила себе путь через Азию и достигла Парфии. Римские солдаты гибли в количествах достаточных, чтобы вынудить отступление из Селевкии.

Возвратившиеся солдаты разнесли эпидемию во все части империи, и в 166-м и 167 гг. она убила несчетное число римлян. Болезнь ослабила империю больше, чем полномасштабное вражеское вторжение. Многие думают, что начало римского упадка можно датировать этой эпидемией, что империя настолько ослабла, что уже не могла полностью оправиться от бедствий, обрушившихся на нее в последующие десятилетия.

Еще одно римское вторжение в Месопотамию маячило впереди. В 192 г. сын Марка Аврелия, наследовавший ему как император, был убит. В годы анархии и гражданской войны, что за этим последовали, Парфия, теперь под управлением Вологеза IV, почувствовала, что настало время для приключений. Вологез направил парфянскую армию в те северо-западные месопотамские провинции, которые были римскими со времен Траяна, восемьдесят лет назад.

Но Рим успокоился, и к 197 г. Септимий Север прочно сидел на троне. Он сразу же поспешил на восток, и в третий раз римская армия прокатилась по равнинам Месопотамии. Вновь римские легионы прошли через Вавилон, но на этот раз они не увидели ничего; никто не занимал лачугу, отмечавшую место, где проживало некогда около миллиона человек.

В 198 г. римская армия взяла Ктесифон — в третий раз за восемьдесят лет. Север разграбил его полностью, перерезав мужчин и уведя в рабство женщин и детей.

Но Рим был теперь слабее, чем при Траяне и Марке Аврелии. Ему было труднее поддерживать армию так далеко от дома, и недостаток припасов заставил Севера повернуть назад. На пути назад он осадил Хатру, которая сопротивлялась так же упорно, как когда-то сопротивлялась Траяну.

Сын Септимия Каракалла вернулся на парфянскую сцену в 217 г. Он провел кампанию в северной Месопотамии, достиг Тигра и, быть может, сделал бы больше, но пал от руки убийцы.

## Глава 9. САСАНИДЫ



### Вновь входят персы

Постоянные римские победы, тоекратная потеря столицы, бесконечные династические свары в конце концов привели Парфянскую империю к краху. Ее подданные, должно быть, готовы были принять любую другую туземную династию, которая могла бы принести в страну порядок и эффективное управление.

Спасение пришло из Персии, из сердца страны, откуда восемь столетиями раньше пришел Кир, чтобы положить конец северной иранской династии.

Персия никогда не склонялась перед парфянским господством, но цеплялась за свою хрупкую независимость и старомодное иранство, сопротивляясь обаянию эллинизма на протяжении всего Селевкидского и парфянского периодов. Для всех иранцев, холодно относившихся к эллинистическим предрассудкам собственных высших классов и в течение семи столетий смотревших на эллинизм (будь он греческим, македонским или римским) как на своего главного врага, Персия казалась решением проблемы.

Однако им нужно было набраться терпения и дождаться появления правильного персидского кандидата. В течение большей части парфянского периода страна была расколота на отдельные княжества и довольно слаба. Примерно в эпоху Марка Аврелия район вокруг Персеполиса попал под контроль некоего пастуха (так говорит легенда) по имени Сасан. Его потомки звались в его честь Сасанидами.

В 211 г. после борьбы вокруг наследства на троне остался внук Сасана Ардашир. (Это имя представляет собой позднюю персидскую форму древнего царского имени Артаксеркс.)

Ардашир начал утверждать свою власть над всей Персией и к 224 г. сделался национальным вождем иранства. Он двинул войска на Артабана IV, который был тогда парфянским царем. Четыре года Ардашир накапливал силы, тогда как Артабан терял их. Наконец Артабан попытался перенести войну на персидскую территорию. В последней битве при Хормузе, на морском берегу вблизи устья Персидского залива, Ардашир разгромил и убил последнего из парфянских царей и в 228 г. занял Ктесифон. Империя лежала у его ног. Только Хатра, упрямая цитадель парфянства, держалась еще почти двадцать лет, пока ее, наконец, не захватил сын Ардашира.

Так пришел конец династии, которая почти пять столетий управляла иранскими территориями и три с половиной столетия — Месопотамией. Арсакиды, однако, вымерли не полностью. По условиям компромисса Корбулона один из Арсакидов еще правил в Армении и династия продолжала там править еще несколько поколений.

Воцарение Ардашира означало в некоторых отношениях только смену династии, ибо народ, язык и обычаи остались незатронутыми. Персидские сказители занялись делом, и новые легенды утверждали, что Ардашир был Арсакидом с материнской стороны, как некогда Кира легенды связывали с мидийской царской семьей.

Тем не менее, как и в случае с Киrom, империя в этот момент получает новое имя, кстати, почти то же самое. Поскольку Ардашир пришел из Персии, страну под управлением новой династии снова называют Персидской империей. Чтобы отличить ее от ранней империи Ахеменидов, говорят иногда о Новой Персидской империи. Лучше всего, пожалуй, именовать ее по имени династии и называть Сасанидской империей. Тогда не возникнет никакой путаницы.

С точки зрения Рима, перемена была целиком к худшему. Сасанидская империя была больше Парфянской империи, и подъем Персии и других южных провинций усилил ее. Под властью новой династии Персия переживала возрождение, политическое и духовное, и как раз в этот момент римляне вступили в пятидесятилетний период анархии и гражданских войн, напоминая парфян в худшие периоды их истории.

Точно так, как римляне претендовали иногда на все наследие Александра Великого, новая династия, памятуя о своем персидском происхождении, чувствовала, что ей по праву принадлежит все наследие Дария I. В этом наследии Малая Азия, Сирия и Египет были римскими и принадлежали Риму уже целые столетия. Перспективы длительного мира были поэтому сомнительными, да его никогда и не было между Римом и Персией — только эпизодические перемирия.

Ардашир и его сын и наследник Шапур I пользовались беспорядками в Риме, чтобы год за годом устраивать набеги на Запад. В 251 г. персы полностью контролировали Армению, вскоре после этого заняли Сирию и вошли в Антиохию.

В 258 г. римский император Валериан отправился походом на Восток, пытаясь восстановить положение. Оно выглядело скверно. Римская империя, казалось, грозила развалиться в любой момент. Императоры менялись в среднем каждые два года; провинции бурлили от недовольства и мятежей; сам Валериан смертельно устал за пять лет правления, состоявших почти исключительно из непрерывных войн против диких германских племен на северных границах империи.

На время он отбросил персов назад, но в 260 г. он попал в ловушку в Эдессе, в северо-западной Месопотамии, километрах в сорок к северу от злосчастных Карр. Мы не знаем подробностей битвы, но, вероятно, римляне были захвачены врасплох и большая римская армия была уничтожена.

Хуже того — и намного хуже с точки зрения пропаганды — то, что император Валериан был взят живым. Он был первым римским императором, когда-либо попавшим в плен к врагу, и он оставался в плену всю оставшуюся жизнь, хотя никто не знает точно, когда он умер.

(Позднее получили хождение рассказы о том, что в плену над Валерианом жестоко издевались. Любимый всеми рассказ повествует, что, когда Шапур садился на лошадь, он заставлял Валериана становиться на четвереньки и изображать скамью. Это, однако, имеет все признаки особого жанра — «рассказов о зверствах». Как правило, с важными пленниками, взятыми на войне, обходились хорошо, ибо часто бывало полезно освободить их в удобный момент, и выгодно было, чтобы освобожденный правитель сохранил относительно добрые чувства к своим бывшим тюремщикам.)

Пленение Валериана и разгром его армии открыли Шапуру дорогу в Малую Азию. Практически ничто не могло остановить его, и на мгновение действительно могло показаться, что будет восстановлена империя Дария I. Факт, что случилось нечто, остановившее персов, есть один из сюрпризов, которыми изобилует история.

Был в Сирийской пустыне город под названием Пальмира, примерно в 140 км к югу от Тапсака на Евфрате. Он находился у пределов римской власти и в период анархии пользовался почти полной независимостью под управлением туземного арабского вождя по имени Оденат.

Оденат рассудил, что слабый Рим не доставит ему неприятностей, но если Шапур завоюет Сирию, то это может сделать и Персия. Поэтому он атаковал Шапура. Он не мог, конечно, атаковать его на равных — небольшой город против целой империи, — но этого и не требовалось. Главные силы Шапура были заняты в Малой Азии, ибо перс не ожидал неприятностей в своем тылу. Оденат их устроил, ударив на Евфрат и отрезав слабые силы прикрытия, которые Шапур там оставил. В 263 г. Оденат не раз врвался в Месопотамию и даже угрожал Ктесифону.

Шапур был вынужден отступить, Рим получил передышку и смог оправиться.

Последние годы правления Шапура были посвящены строительству, в котором он широко использовал пленников, угнанных из римских провинций. Так, антиохийские пленники построили город, который Шапур назвал (на персидском) «Лучше Антиохии».

## **Обаяние прошлого**

Если Ардашир был основателем, или Киром, Сасанидской империи, Шапур был ее организатором, или Дарием. Его тридцатилетнее правление было эпохой консолидации и, более того, умышленного возвращения к прошлому.

Сам Шапур покровительствовал греческим ученым и помещал в свои надписи греческие тексты, но то были его личные пристрастия. Официально он не поощрял эллинизм, и его наследники не пользовались греческим. Всеми способами Шапур старался напомнить народу о прошлом, заставить думать, что старая Персидская империя Ахеменидов никогда не уходила, но просто была загнана в подполье на пять столетий. Подражая Дарию, например, он высекал на скалах надписи, повествующие о пленении римского императора Валериана.

Древнее иранство поощрялось и в религиозном отношении. Несмотря на эллинизм высших классов, зороастризм оставался живым в сердцах иранского крестьянства, и теперь он получил полное царское благословение. Всем своим весом правительство поддержало зороастрийское духовенство, и не зороастрийцы (например, месопотамские евреи) обнаружили, что либеральные парфянские денечки пришли к концу.

Зороастрийские писания были собраны, отредактированы, пересмотрены и выпущены в виде сочетания Священного Писания и молитвенника, сохранившегося с тех пор в сасанидской форме. Сборник назвали «Авеста», хотя нам он лучше известен как «Зенд-Авеста» («Толкование Авесты»), название, первоначально данное комментариям к Авесте, а не самому Писанию.

Влияние зороастризма не ограничивалось только Персией. В течение периода, когда эллинизм и зороастризм смешивались, религиозное влияние шло в обоих направлениях. В зороастрийской картине мира, например, одним из важных божеств, подчиненных Ахурамазде, был Митра. Постепенно в некоторых легендах его роль росла, и он начал представлять Солнце — источник жизни. Обычно его изображают в виде прекрасного юноши, убивающего быка — символ тьмы.

В течение II столетия нашей эры, когда римские солдаты три раза прошли Месопотамию по всей длине, они принесли оттуда с собой культ Митры, который в результате контактов с эллинизмом подвергся некоторым изменениям. В сущности, он сделался солдатской религией, культом, закрытым для женщин. Новообращенные проходили через таинственные ритуалы, включая купание в крови только убитого быка. Фактически митраизм стал более популярен в Риме, чем мог стать в Персии, под враждебными взорами зороастрийского духовенства.

По мере того как Персия усиливалась, а Рим слабел, митраизм в Риме становился сильнее и даже получил императорскую поддержку. В 274 г. ., вскоре после того, как Шапур едва не оторвал восточную треть Римской империи, император Аврелиан учредил официальный культ «Непобедимого Солнца» («Sol Invictus»), который был одной из форм митраизма. 25 декабря, «день рождения Солнца», когда полуденное солнце, согласно римскому юлианскому календарю, достигает самой нижней точки в день зимнего солнцестояния и начинает подниматься снова, сделался большим праздником.

Митраизм, казалось, распространялся более успешно, чем конкурирующая религия иудейского происхождения — христианство. Философия христианства была пацифистской, и христиане отказывались принимать поклонение императорам. Религия, которая была враждебна императорскому культу и солдатам, действительно казалась опасной, особенно когда Рим был так плотно окружен врагами снаружи и бурлил от недовольства внутри. Поэтому там, где митраистов поддерживали, христиан преследовали.

Однако христианство позволяло женщинам участвовать в обрядах и без стеснения заимствовало популярные формы других религий. (Оно приняло, например, 25 декабря как день рождения своего основателя Иисуса.) Многие митраисты имели жен-христианок, которые воспитывали детей в христианском духе. По этой и по другим причинам христианство медленно вытесняло митраизм.

Во времена Шапура появились и религиозные новшества, введенные новым пророком Мани. Для зороастризма он был в некотором смысле тем же, чем Христос для иудаизма. Он начал с зороастрийских верований, но провозгласил новое откровение, которое разъясняло и модифицировало эти верования.

Мани родился в Месопотамии около 215 г. ., и, как обычно бывает с основателями религий и империй, жизнь его окружена легендами. Предполагалось, что он был Арсакидом. Предполагалось, что он произнес первую публичную проповедь в самый день коронации



Шапура I в 241 г. Предполагают, что у него были ангельские видения и что он много путешествовал, в Индию например.

Его доктрины строились вокруг зороастрийского дуализма, то есть борющихся армий добра и зла; и он разрабатывал вокруг этого сложную совокупность символических мифов. Он говорил, что было много истинных пророков, не только Зороастр, но также Будда и Иисус. Он сам, Мани, был, однако, последним из них и окончательным пророком. Имея это в виду, Мани включал в свои доктрины некоторые буддийские и христианские аспекты. Это еще более усложняло его и без того сложные взгляды.

Предполагают, что Мани умышленно записал свои доктрины сам, чтобы они не были искажены позднейшими последователями. (Может быть, памятуя о случае с Иисусом.) В своих писаниях он говорит об организации Неба и Ада, о сотворении мира и человека и, среди всего прочего, не пренебрегает описанием роли, которую играл во всем этом Иисус (согласно своим собственным воззрениям).

Он учил необходимости ухода от мира, так как мир в основном лежит во зле и почти невозможно иметь дело с этим злом, не испортившись самому. Естественно, наиболее благочестивые удалялись от мира полностью и не могли зарабатывать на жизнь. От тех, кто был несколько менее благочестив, ожидалось, что они останутся достаточно близки к миру, чтобы зарабатывать на жизнь и для себя, и для самых благочестивых, которых они были обязаны поддерживать.

Учение Мани импонировало Шапуру, и, пока он был жив, Мани мог проповедовать беспрепятственно под его защитой. Защита была необходима, ибо Мани был не более популярен среди консервативного зороастрийского духовенства, чем Иисус среди консервативного иудейского духовенства. После смерти Шапура в 272 г. вокруг Мани начали собираться тучи. В 274 г., в правление Варахрана I, младшего сына Шапура, он был заключен в тюрьму и вскоре умер.

Это, однако, никоим образом не означало конца его доктрин. Особенно они расцвели в Месопотамии, где служили, быть может, чем-то вроде националистической реакции на торжествующую иранскую доктрину зороастризма. Возможно, жители бывшей Вавилонии сохранили смутные воспоминания о временах, когда они имели собственную великую религию и были готовы принять почти любое новшество (вспомним, что Мани был уроженцем Месопотамии), лишь бы оно отличало их от прочих.

Последователи Мани подверглись ожесточенным преследованиям и были постепенно вытеснены к самым границам страны и за ее пределы. К 600 г. они сосредоточились на крайнем северо-востоке Сасанидских владений, но влияние их простиралось на восток до самого Китая.

Доктрины Мани путешествовали и на Запад, проникнув в пределы Римской империи. Там Мани приобрел известность под греческим именем Манихей, и его учение называлось манихейством.

Манихейство сделалось весьма популярным и около 400 г. стало серьезным соперником христианства. Христианские лидеры преследовали новый культ так же ожесточенно, как зороастрийцы, и постепенно он исчез из Европы. Труды Мани — Священное Писание манихейства — были потеряны и известны нам только в цитатах и комментариях его врагов.

Тем не менее, манихейские верования уцелели в странных местах, в Европе и в Азии, до периода расцвета Средних веков. Некоторые христианские ереси Средневековья имеют густую манихейскую окраску.

## **Возрождение Рима**

Неспособность Шапура захватить восточную часть Римской империи оказалась фатальной для Персии, ибо это дало Риму шанс оправиться. Возможность нанести Риму смертельный удар представилась снова только через три с половиной столетия. Оба врага вели теперь долгую и нудную войну, до курьеза напоминающую ту, которая шла некогда между парфянами и римлянами.

Старые предметы спора были заменены другими. Армения, правда, осталась буферной территорией, лакомой для обеих держав, но теперь к ней прибавилась северо-западная Месопотамия. Со времен Траяна она оставалась более или менее в римских руках, но Персия не могла не желать заполучить этот район, где находился Харран (Карры), где когда-то столь знаменательное поражение было нанесено римским силам.

Что до римлян, они отплатили за поражение Красса, троекратно взяв Ктесифон. С тех пор, однако, прибавился новый позор пленения Валериана в Эдессе, и римляне желали отплатить и за это тоже.

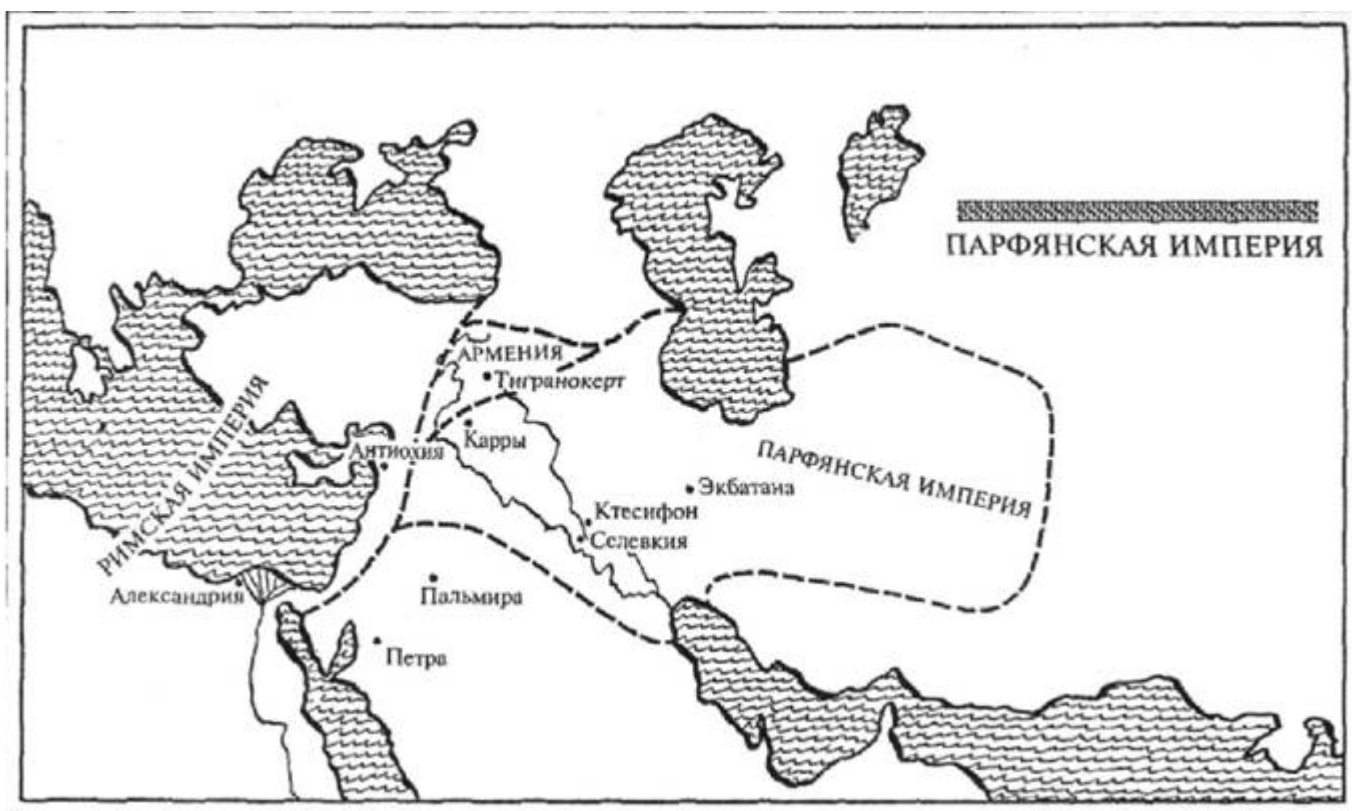
Вскоре после смерти Шапура ситуация обострилась. В 284 г. императором стал Диоклетиан, покончивший с полувековой анархией. Он реорганизовал правительство и объединил вокруг себя нескольких сильных людей, чтобы разделить с ними задачи управления. Одним из них был Галерий.

Тем временем персидский троп выиграл новый царь, Нарсах, младший сын Шапура I. Следуя экспансионистской политике отца и, вероятно, не вполне понимая, что ситуация в Риме изменилась, Нарсах вторгся в Армению и частично ее оккупировал.

Диоклетиан немедленно отправил Галерия на Восток. В 297 г. Галерий ввел армию в Месопотамию и встретил персов вблизи злосчастных Карр. На этот раз они стали вдвойне злосчастливыми, ибо Галерий встретил серьезный отпор и вынужден был отступить.

Диоклетиан, однако, сохранил мрачную и решительную веру в способности Галерия. Он послал его вперед во вторую кампанию, на этот раз в Армению. Там Галерий оправдал веру Диоклетиана. Он не только разбил Нарсаха и выгнал его из Армении, но при этом почти полностью уничтожил персидскую армию. Более того, он отрезал вспомогательные силы Нарсаха и, когда пришел поглядеть на пленников, обнаружил среди них гарем Нарсаха — его жен и детей. (Иранские государи по обычаю брали гарем с собой в походы.)

Это почти сравняло счет за пленение Валериана. Более того, это дало Галерию способ давить на Нарсаха. Персидский царь, по-видимому, был привязан к своей семье и, кроме того, остро осознавал потерю лица в случае оставления семьи в плену. Он начал торговаться, предложив в обмен семью отказаться от всех притязаний на Армению, он даже уступил дополнительный кусок территории. Он получил семью назад, и на целых сорок лет между Персией и Римом воцарился мир.



Война эта оказала важное влияние на Рим. Галерий, возвратившись, попал в большой фавор у Диоклетиана. Случилось так, что Галерий был настроен резко антихристиански и воспользовался завоеванным на войне престижем, чтобы убедить Диоклетиана начать общее преследование христиан по всей империи. Это было худшее из преследований, которые христианам пришлось пережить.

Для Персии, однако, период мира тонет в тумане. К несчастью, хроники и документы, на которые нам приходится опираться, имеют в основном римское происхождение. Это означает, что периоды войн Персии с Римом известны намного лучше, чем периоды мира между ними. Более того, персидские действия против Рима известны лучше, чем успехи и неудачи на других границах Персии.

Например, Шапур I расширял свои владения как па запад, так и на восток. На пике парфянской мощи он захватил территорию древнего царства Бактрия и его восточные границы почти достигли западных границ Китая. В течение I столетия нашей эры, однако, из Средней Азии вторглись кочевые кушанские племена и захватили то, что когда-то было Бактрией, а позже стало современным Афганистаном. В период упадка Парфянской империи кушиты сохраняли независимость и сдались только под напором обновленной энергии Сасанидов. Шапур I ударил на восток и включил их в свою империю. В дополнение к этому, Персии пришлось переносить периодические набеги из арабских княжеств на юго-западе. Все эти события на восточной и юго-западной границах окутаны густым туманом.

Равно туманными представляются события внутри страны. При Варахране II, предшественнике Нарсаха, зороастрийцы достигли крайней степени своего фанатизма и последние следы эллинизма в Месопотамии были сметены. С другой стороны, при сыне Нарсаха Ормузде II, который правил с 301-го по 309 г., была предпринята попытка установить социальную справедливость. Произвол богатой землевладельческой аристократии подвергся атакам.

Крупным магнатам это, естественно, не нравилось. Для монарха логично противостоять таким магнатам (во всех странах, не только в Персии), ибо они склонны к мятежам и противодействию царской политике. С другой стороны, если они оскорблены достаточно, чтобы объединиться против монарха, у них обычно находится достаточно сил, чтобы свергнуть его. Любой монарх, пытающийся бороться со слишком могущественной аристократией, должен помнить об этом и, по крайней мере вначале, добиваться победы, сравливая аристократические фракции между собой.

Ормузду II, очевидно, не хватило на это ловкости. Его смерть, кажется, пришла слишком рано и, возможно, была ускорена. Разумеется, после его смерти власть захватили вельможи и царская семья была почти полностью уничтожена. Наследник трона был убит, другой сын ослеплен, третий заключен в тюрьму.

Однако обойтись вообще без Сасанида на троне казалось небезопасным. Династия, столетие пребывавшая у власти, была достаточно удачливой и ортодоксальной, чтобы приобрести привязанность народа вообще и духовенства в частности. Любой магнат, который попытался бы захватить бразды правления, столкнулся бы с автоматической враждебностью народа, духовенства и, разумеется, других вельмож.

Кого-то посетило гениальное озарение. Жена Ормузда была беременна, когда царь умер, и было предложено, что нерожденный ребенок (если родится мальчик) будет провозглашен царем. Существует даже рассказ, что корону поместили на живот царицы и вельможи преклонили колени в знак почтения к будущему царю.

Цель была ясна. Сасанид должен был оставаться на троне, чтобы все было легальным. Он был бы, однако, младенцем, а вельможи оставались бы у власти. Младенец, конечно, вырос бы, но всегда были средства держать его под контролем — или...

Так случилось, что, когда младенец (он действительно оказался мальчиком) родился, он уже был царем. Он правил как Шапур II, а пока он был ребенком, правили вельможи, и правили на редкость скверно, как всегда бывает со ссорящимися вельможами. Каждый был заинтересован только в собственной власти, в собственных землях, а общее благо терялось во взаимных плутнях. Арабские набеги были особенно губительны в годы малолетства Шапура II; арабы опустошали Месопотамию и ограбили даже Ктесифон.

Магнаты просчитались в одном пункте — в характере Шапура II. Он рано созрел и имел способности. В семнадцать лет, когда вельможи считали его еще ребенком, он был мужчиной во всем, кроме возраста. Действуя стремительно, он захватил контроль над правительством и триумфально уселся на трон среди восторженных кликов армии и населения.

Затем он обратил эту вспышку энтузиазма в прочное почтение, предприняв карательную экспедицию против арабов. Он прошел с огнем и мечом по дальним арабским землям и полностью раздавил арабских налетчиков. Персия гремела от гордости подвигами нового молодого царя, и трон был теперь в безопасности. Шапур II прожил долгую жизнь и, учитывая то, что он был царем еще во чреве матери, процарствовал целых семьдесят лет!

Только однажды в истории был превзойден этот рекорд — Людовиком XIV Французским, который тринадцать с половиной столетий спустя процарствовал семьдесят два года.

## **Христианский враг**

Теперь, став полным хозяином Персии, Шапур, оглядывая мир, должен был заметить решительную перемену, имевшую место в течение мира с Римом. Преследование христиан, которое началось в Риме после великой победы над персами во времена Галерия, иссякло не достигнув цели — сокрушить новую религию.

Новый император Константин I, который начал править в 306 г., видел добродетель в привлечении христианского населения империи на свою сторону, против других претендентов, настроенных резко антихристиански. В конце концов, он победил и к 324 г. полновластно правил всей империей, которую постепенно превращал в официально христианскую. Этот новый христианский Рим стоял теперь перед Шапуrom.

До того времени Персия проявляла к христианам разумную терпимость. Христианство свободно распространялось среди населения Месопотамии, и именно там расцвело манихейство — этот курьезный сплав зороастризма и христианства.

Христианство распространялось также в Армении. Первым правителем в мире, обращенным в христианство, стал Арсакид. Не Константин Великий в Риме, но Тиридат III в Армении стал первым христианским монархом. Тиридат был обращен в христианство в 294 г.

Пока Рим был антихристианским, христиане Персии лояльно служили родине. Некоторые из них бежали сюда от римских преследований, и можно было рассчитывать, как всегда среди изгнанников, на их яростную враждебность к державе, из которой они бежали. (Изгнанники обычно проявляют больше враждебности, чем просто внешние враги.)

Но теперь обстоятельства резко изменились. Рим официально стал христианским. Его император отечески заботился о епископах и направлял церковные соборы. Рим из жестокого преследователя превратился в доброго пастыря. Это означало, что каждый христианин в персидских владениях потенциально сделался членом пятой колонны. Это означало, что Армения, так долго висевшая на полпути между Римом с одной стороны и Парфией-Персией — с другой, грозила внезапно перевернуться целиком на сторону Рима по религиозным причинам.

Персия должна была реагировать. Она подтянула собственную зороастрийскую ортодоксию и объявила войну еретикам. Это само по себе делало вероятным возобновление войны с Римом, причем войны ужасной, ввиду религиозного рвения обеих сторон.

Шапур II ожидал смерти Константина. Когда в 337 г. он умер, империя была оставлена трем его сыновьям, и Шапур рассудил, что империя, управляемая тремя, должна быть слабее, чем империя, управляемая одним человеком. Поэтому немедленно после смерти Константина он начал войну против Констанция, того из сыновей, который правил на Востоке.

Естественно, христиане Персии немедленно и шумно выступили против этой войны. Епископ Ктесифона яростно обличал Шапура. Это было честно, но достаточно глупо. Шапур был не намерен шутить. Он усилил преследования христиан почти до полного их исчезновения.

Констанций не был великим воином и в открытых битвах последовательно проигрывал. С другой стороны, римляне укрепили ключевые города северо-западной Месопотамии, и эти крепости последовательно сопротивлялись осадам. Самой замечательной из этих

крепостей был Нисибис, расположенный примерно в 200 км к востоку от Карр и при разуме не попадавший в руки Шапура.

На дальнем западе Римской империи нашелся, однако, один замечательный молодой человек. Юлиан, двоюродный брат Констанция, был единственным из его родственников, все еще оставшимся в живых. (Констанций сам проследил за истреблением большинства из них, ибо христианство не изменило старой привычки абсолютных монархов убивать других членов семьи ради предотвращения гражданской войны. На Юлиана, давно опасавшегося казни, христианская любовь и милосердие не производили впечатления, и, несмотря на христианское воспитание, он тайне вернулся к язычеству.)

Оставив Юлиана в живых, Констанций явно оставил на одного больше, чем было нужно, ибо молодой человек, немногим старше двадцати, одерживал блестящие победы над германскими племенами, которые вторглись в Галлию. Он делал это даже тогда, когда Констанций вяло воевал в Месопотамии, не проявляя ни искры военного таланта. Юлиан был настолько популярен среди своих войск, что, когда Констанций попытался ослабить его, отозвав некоторые легионы, солдаты провозгласили его императором и заставили двинуться на восток.

Констанций умер прежде, чем гражданская война могла начаться, и в 361 г. Юлиан воцарился в Риме.

Юлиану было бы выгодно заключить, на разумных условиях, мир с Персией. Религиозный повод для войны исчез, ибо Юлиан, став императором, сразу же объявил себя язычником. (Негодующие христиане дали ему прозвище Юлиан Отступник.) Он действительно хотел ослабить христиан, избегая активных преследований, и, конечно, предпочел бы завязать дружбу с Персией против общего врага.

К несчастью для себя, Юлиан поставил перед собой цель более соблазнительную, чем ослабление христианства. Его победы в Галлии напоминали победы Юлия Цезаря, а в мечтах он казался себе новым Александром Великим. В конце концов, он был еще молод, ему едва исполнилось тридцать лет.

Следуя по стопам Траяна, Юлиан двинул свою армию в Месопотамию и повел ее вниз по Евфрату, захватывая города и умышленно демонстрируя эффективность осадных машин. Наконец он достиг Ктесифона. В четвертый раз столица Персии увидела приближение римской армии.

Первые три раза город пал, но теперь, он, казалось, решил не допустить повторения. Он запер ворота, выставил людей на стены и весь дышал неповиновением. Это вызывало тревогу. Тот факт, что вторая армия, которая должна была идти по Тигру и присоединиться к Юлиану в Ктесифоне, не появилась, но, по-видимому, застряла где-то по дороге, вызывал еще большую тревогу.

Юлиан был не в настроении устраивать длительную осаду Ктесифона. Город был взят три раза прежде, но это не давало победы над врагом, так что его захват не был самоцелью. Кроме того, армия Шапура пребывала нетронутой где-то на востоке, и осада серьезно ослабила бы римлян и сделала бы их легкой добычей контратаки.

Юлиан сделал поэтому то, что, как он думал, сделал бы Александр Великий. Он сжег свой речной флот, отрезал себя от собственных баз и бросил свою армию на иранский Восток, чтобы найти армию персов и уничтожить ее.

Но чтобы стать Александром, полезно иметь в противниках Дария III, а Шапур не собирался подражать этому последнему. Он собрал вокруг себя свою армию и отступил. Он не имел намерения рисковать ею в открытой битве против талантливого римского генерала до тех пор, пока захватчик не сократится до подходящего размера. Он следовал политике, которая в нынешние времена именуется «стратегией выжженной земли».

Куда бы Юлиан ни пошел, он не находил ничего, кроме дымящихся развалин. Вокруг не было ни пищи, ни крова, ни, что хуже всего, врага, чтобы драться. Он оказался не в положении Александра в Персии семью столетиями раньше, но в положении Наполеона в России четырнадцать столетий спустя.

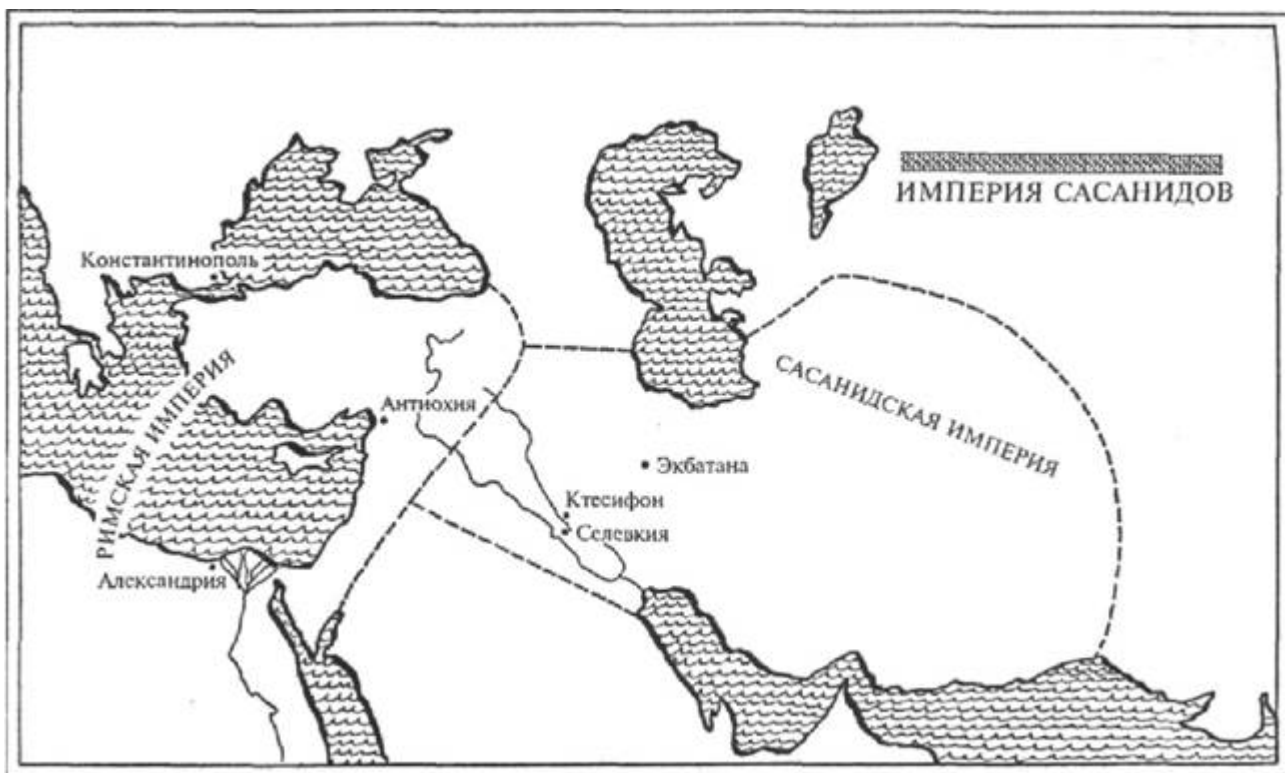
Юлиан был загнан в угол. Слишком поздно он понял, что недооценил своего коварного противника. Он повернул назад, стремясь только достигнуть безопасности, пока лишения, голод и болезни не подготовят путь к истреблению персами его войска.

Как только он начал отступать, персы появились, но только на расстоянии и на флангах. Они вырезали оставших солдат и изводили римлян короткими конными налетами. Армия теряла кровь из сотни маленьких ран, но решительный император способен был удержать ее как единое целое. К несчастью, он был уязвим изнутри так же, как извне. Факт, что он был язычником, не слишком нравился тем офицерам и солдатам, которые были христианами. Легко было распространять слухи, что Бог гонит Юлиана к безумию и гибели за его отступничество и что армия погибнет вместе с ним, если не помешает этому.

В конце июня 363 г., во время стычки с персами, император был ранен дротиком, и хотя он не умер сразу, ясно было, что он не проживет долго. Офицеры, сразу же собравшиеся, чтобы избрать нового императора, говорили, что это был персидский дротик, но это, вполне возможно, было не так. Это мог быть римский дротик, брошенный христианской рукой.

Юлиан скончался, процарствовав менее двух лет. Он и Александр были одного возраста при кончине, но этим сходство исчерпывается. Генерал по имени Иовиан был избран новым императором. Он был христианин, но это было его единственным достоинством.

Иовиан должен был возможно быстрее вернуться в Малую Азию, чтобы подтвердить свои выборы, но Шапур II не позволил его армии убраться так легко.



Если римляне хотели уйти, им лучше было заключить некоторое соглашение, и Шапур в точности сформулировал его условия. Им оставалось только их подписать.

Иовиан подписал, и этой подписью победа Галерия была полностью сведена к нулю. Все территории, уступленные Риму Нарсахом, были возвращены, и Армения признана персидской сферой влияния. В дополнение (самое позорное) несколько крепостей в верхней Месопотамии, включая Нисибис, который так долго и так мужественно сопротивлялся армиям Шапура, были переданы персам.

От всего этого Иовиан не выиграл ничего, ибо умер на пути назад и никогда не был утвержден и коронован.

Шапур между тем испытывал значительные трудности, пытаясь установить только что завоеванную и пока теоретическую власть над Арменией. Попытки раздавить христианство в этой горной стране потерпели полную неудачу, и Шапуру лет двенадцать пришлось бороться с римскими интригами, постоянно поддерживавшими армян в состоянии восстания против него. В конечном счете, однако, Шапур купил армянское подчинение ценой терпимости к армянскому христианству. (Армяне в целом остаются христианами до сего дня, несмотря на столетия порой ужасных преследований, — торжество упрямства, сравнимого только с упрямством европейских евреев.)

### **Столетие анархии**

Теперь, однако, никакой мирный договор, сколь угодно разумный, не мог дать ничего. Борьба на Евфрате между римлянами, с одной стороны, и иранскими народами — с другой, продолжалась уже четыре столетия, и не было способа ее прекратить. Она сделалась безумным, но неизбежным образом жизни, даже когда обе державы падали на колени перед натиском варварских племен. Пятое столетие борьбы принесло с собой невообразимый хаос.



Отчасти он поддерживался из-за быстро меняющихся судеб различных вариантов различных религий. Были, например, моменты, когда казалось, что христиане могут добиться терпимости в Персии. Эта возможность ни разу не материализовалась полностью, но, когда Яздигерд I в 399 г. взошел на трон, она почти осуществилась.

Его, как и прежних персидских монархов, осаждали драчливые магнаты и могущественное духовенство. Дошло до того, что монарху не оставили практически ничего, кроме руководства на войне. (Быть может, именно поэтому персидские цари так охотно шли на войну: это давало им возможность проявлять власть хотя бы в ограниченной сфере.)

Яздигерду I пришла в голову блестящая идея. Он мог бы ограничить власть и вельмож, и духовенства, если бы склонился на сторону христиан и получил их поддержку. Поэтому в 408 г. он подписал прочный, как он надеялся, мир с Римом и в 409 г. даровал христианам Персии свободу от преследований, позволив им даже восстановить свои храмы. Ходили слухи, что он собирается креститься, чтобы сделаться персидским Константином.

К несчастью для Яздигерда, его блестящая идея оказалась совсем не блестящей. Он быстро терял почву под ногами с обеих сторон. Зороастрийцы, жестоко оскорбленные, прозвали его Яздигерд Грешник, и под этим именем он известен в истории. Они оказывали на него неослабное и безжалостное давление, нож убийцы, казалось, зловеще сверкал ему прямо в глаза.

Он мог бы выстоять, если бы был уверен в поддержке христианского духовенства. Оно, однако, опьянено было вином внезапной свободы и, сознавая за спиной могущественную поддержку Рима, оказалось совершенно непримиримым. Оно все яснее давало понять, что терпимости и даже царского обращения в христианство было недостаточно. Персия должна была стать полностью христианской, а зороастризм следовало искоренить окончательно.

Яздигерд, столкнувшись с религиозным тоталитаризмом с обеих сторон, предпочел ту, которую он знал, и вернулся к старым обычаям. К 416 г. христиане вновь оказались под зороастрийским ярмом.

Тем не менее Яздигерда не простили. В 420 г. он пал от руки убийц, и ни одному из его сыновей не позволяли на первых порах наследовать трон.

Неразбериха ухудшалась из-за растущего влияния факторов, дотоле незначительных. До того времени арабские племена довольствовались эпизодическими набегами, особенно частыми в дни малолетства Шапура II. Примерно с 200 г., однако, юго-западнее Евфрата на берегах Персидского залива начало вырастать царство Хи́ра. Им правили Лакхмиды, арабская династия, признавшая верховенство Сасанидов, когда последние пришли к власти. Они пользовались, однако, значительной долей самоуправления, и Хи́ра сделалась центром арабской культуры. Этим периодом датируется множество поэтических произведений, и, согласно легенде, именно в Хи́ре был впервые разработан арабский шрифт.

К 400 г. Хи́ра сделалась культурным и могущественным государством, достаточно сильным, чтобы дать почувствовать свое влияние в персидском разброде. Один из сыновей Яздигерда I воспитывался в Хи́ре, и ее арабский правитель отлично видел, что принц, дружески настроенный по отношению к нему, был бы идеальным персидским монархом.

Варахран V познал арабскую культуру и арабские наслаждения, сохранив любовь к ним и на троне персидских царей. При этом он был скорее чаровник, чем развратник. Во всяком случае, легенда прославляет его подвиги в любви и на охоте с той же любовной снисходительностью к слабостям героя, которая позже изливалась на Генриха IV во Франции. Легенды сохранили популярность и в последующие столетия, и он стал больше известен под арабским именем Бахрам Гор, или Варахран Дикий Осел, ибо любил охотиться на этих быстроногих животных в широких степях, а может быть, потому, что сам он был дик и свободен, как это животное.

Именно этот Варахран упоминается в одном из рубаи Омара Хайяма (написанном через семь столетий после эпохи Варахрана). В своем восемнадцатом катрене Омар вздыхает над исчезнувшим величием и тщетностью мирской славы.

И льву, и ящерице вход открыт  
В тот зал, где прежде пировал Джемшид.  
В могилу Бахрама степной осел  
Копытом бьет, но старый ловчий спит<sup>[9]</sup>.

Варахран V получил в наследство программу преследований последних лет правления Яздигерда и в 421 г. даже предпринял легкую попытку начать войну с Римом. Предлогом было то, что Рим пригрел персидских изгнанников-христиан. Но Персия потерпела поражение, и цивилизованный Варахран решил, что игра не стоит свеч.

Он попытался заключить мир, который, на первый взгляд, казался образцом логики и рассудительности. Персия соглашалась терпеть у себя христиан, а Рим соглашался терпеть зороастрийцев. (Зороастрийские священники должны были в отчаянии немедленно указать, что если христиан в Персии было много, то зороастрийцев в Риме было мало, так что соглашение давало христианам односторонние выгоды.)

Разумеется, Варахран добился некоторых военных успехов. Как раз в его время гунны, кочевой народ из Центральной Азии, двигались на Запад по европейским степям в Северную и Центральную Европу. Они создали обширную, но эфемерную империю, что стало одним из факторов, вытесняющих германские племена в пределы Римской империи; движение, разорвавшее западную половину этой последней на куски. Варахран сумел воспользоваться тем, что Рим был занят страшными событиями на Западе. Он взял под прямой контроль южную часть Армении, и с тех пор она известна под именем Персармении.

Тем не менее, хотя западная половина Римской империи была ввергнута в коллапс, восточная часть империи повсеместно осталась нетронутой и рубеж против Персии оставался прочен, как всегда. За исключением укрепления позиций в части Армении, Персия ничего не выиграла от «падения Рима» на Западе.

Персия также не была полностью неуязвима для нападений извне, разрушивших западную половину Римской империи. Эфталиты, народ, родственник гуннам, проникли в восточные провинции Сасанидской империи. Армии Варахрана, однако, обошлись с ними сурово, выбросив их назад. На время, по крайней мере, Сасанидам удавалось держаться против натиска кочевников лучше, чем римлянам.

Со смертью Варахрана V в 439 г. положение христиан снова ухудшилось. Его сын Яздигерд II был правоверным зороастрийцем, и христианство было еще раз загнано в подполье.

Евреи также столкнулись с новым интенсивным противодействием. Правда, Сасаниды не давали им тех свобод, которыми они пользовались при парфянах. Великой еврейской державы, угрожающей персидским границам, не существовало, так что евреи были только религиозной угрозой, в отличие от христиан, которые были, кроме того, угрозой политической и военной. Евреям поэтому позволяли в значительной мере управлять собственными делами под руководством так называемого «Предводителя евреев в изгнании».

Еврейская интеллектуальная жизнь при ранних Сасанидах интенсивно развивалась. Поколениями ученые рабби Месопотамии производили различные комментарии и толкования Моисеева закона, и медленно складывался свод, известный теперь как Вавилонский Талмуд. Он был намного полнее, чем Палестинский Талмуд, сложившийся в опустошенной стране, которая когда-то была Иудеей.

Составление Вавилонского Талмуда, оказавшего громадное влияние на еврейскую религиозную мысль, медленно пришло к концу в V столетии, когда преследования Яздигерда II на время задушили еврейскую религиозную мысль.

Даже для самих персов настали мрачные времена. После смерти Яздигерда в 457 г. его сыну Фирузу пришлось противостоять массовому вторжению эфталитов в Персию. В 484 г. Фируз был побежден и убит ими, и усилившаяся в Персии смута достигла пика в двух десятилетиях анархии.

Только в 501 г. сын Фируза Кавадх сумел прочно утвердиться на троне (с помощью эфталитов!) и начал восстанавливать в Персии порядок.

По крайней мере, он сумел поставить ее на ноги достаточно прочно для того, чтобы снова начать войну с Римом — вернейший знак национального оздоровления в те безумные времена.

## **Еретики**

Хаос V столетия отразился также и на религии. В Римской империи, например, финальная победа христианства вовсе не означала прекращения религиозных раздоров. Периодически выдвигались доктрины, которые не встречали одобрения большинства епископов, а потому объявлялись ересями. Порой еретики упорствовали, и тут возникали взаимные преследования, а непоколебимость доходила до мученичества. Христиане боролись с христианами столь же неустанно, как прежде боролись с язычеством.

Был, например, священник по имени Несторий, который в 428 г. сделался патриархом Константинополя и, следовательно, самым могущественным иерархом Римской империи. Он считал, что Христос имел две природы: человеческую и Божественную. Его доктрина вызвала яростное сопротивление тех, кто думал, что Иисус имел и человеческую, и Божественную природу, воплощенные в Его существе.

Собор епископов в 431 г. проголосовал против несторианской точки зрения, но она продолжала распространяться и получила особенно сильную поддержку теологической школы в Эдессе, в северо-западной Месопотамии. Так, несторианская ересь приобрела форму националистического мятежа (как часто бывает с ересями). Ортодоксальные христиане Римской империи служили литургию на латыни и греческом, и культура их была в основном греческой. В Эдессе греческое влияние ощущалось сравнительно слабо, гораздо сильнее чувствовались туземные сирийские особенности.

Среди персидских христиан также наблюдались некоторые националистические тенденции. В течение столетия с четвертью христиане Персии с твердостью переносили преследования, но персидская церковь не пользовалась греческим, и ее не слишком вдохновляла перспектива оказаться полностью под каблуком греко-латинской церкви Рима. Кроме того, если бы персидская церковь ясно дала бы понять, что она не просто марионетка римской церкви, на нее перестали бы смотреть как на пятую колонну и преследования могли бы ослабнуть.

Несториане Эдессы, столкнувшись с преследованиями со стороны римских христиан и сознавая симпатии к себе со стороны христиан Персии, просачивались через границу.

Персидские цари, как, например, злосчастный Фируз, отлично сознавали, что христианские еретики, преследуемые в Риме, будут лояльными Персии. Поэтому он поощрял несториан как только мог. Персидским христианам стало очень легко примкнуть к несторианству, что они и сделали. К 500 г. персидская церковь сделалась полностью несторианской.

Та же стратегия с успехом применялась в вассальных государствах Персии, в Армении, например, или в арабском царстве Хира. Обе страны стали почти полностью несторианскими.

Христианство в его несторианской форме сохранялось в Азии как влиятельное религиозное меньшинство еще много столетий. На востоке оно проникло даже в Китай.

Несториане, хоть они и восставали против эллинизма римской церкви, не могли не принести с собой греческие книги, а с книгами — ученость, исчезнувшую в Персии после прихода к власти проирански настроенных Сасанидов. Позднее, когда Западная Азия попала под власть арабов, они заимствовали греческую науку у несториан и хранили ее много столетий, пока в Европе она была почти мертва.

Зороастризм также вскармливал ереси. В конце концов, доктрина Мани была одной из них. Теперь, в течение десятилетий неразберихи с эфталитами, поднялась новая ересь, порожденная зороастрийским священником по имени Маздак. Он учил одной из форм манихейства и проповедовал аскетический и коммунистический образ жизни. Он обличал корыстные собственнические интересы вельможи господство духовенства. Естественно, он возбудил ожесточенную враждебность этих могущественных сил.

Кавадх, правление которого положило конец периоду анархии, глубоко симпатизировал маздакизму. Симпатия могла быть вызвана искренней верой в этические принципы проповедника, либо общим для всех монархов убеждением, что все подрывающее власть вельмож и духовенства — вещь хорошая.

Но маздакизм, как почти все пуританские движения, имел тенденцию к нетерпимости как в малом, так и в большом. Проповедники обличали маленькие радости жизни так же охотно ияростно, как крупные несправедливости. Поскольку лишь немногие люди способны обходиться без удовольствий, многие из тех, кто мог бы поддержать общие цели движения, спотыкались на мелочах. Они не готовы были избавиться от несправедливостей ценой отказа от простых радостей жизни. В этих условиях магнаты и священники обнаружили, что то самое население, которое они угнетали, склоняется на их сторону. Вследствие этого они могли без труда навязать свои взгляды царю. Кавадх был смещен и не был восстановлен на троне до тех пор, пока не показал, что увидел в отношении маздакизма свет истины и не обещал оставаться правоверным зороастрийцем.

Когда Кавадх умер, его старшему сыну, известному последователю Маздака, не дали взойти на трон. Вместо него в 531 г. царем был поставлен младший сын, Хосроу I («знаменитый»), более известный под греческим вариантом своего имени, Хосрой. Хосрой немедленно обрек на смерть Маздака и его главных последователей и проследил за тем, чтобы их писания были уничтожены. Культ вымер не полностью (это почему-то случается крайне редко), но полностью утратил свое влияние.

### **Краткий миг просвещения**

Если оставить в стороне эту демонстрацию религиозного фанатизма, без сомнения навязанную магнатами и духовенством, а также забыть о почти традиционном истреблении родственников с целью избежать гражданской войны, Хосроя I можно назвать цивилизованным монархом. Он был, пожалуй, наиболее просвещенным из Сасанидов, и его называли Хосрой Ануширван («от бессмертного духа») или Хосрой Справедливый.

Во времена Кавадха бесконечная война с Римом не прекращалась, но в 527 г. на константинопольский престол вошел новый способный монарх Юстиниан I. (Уже два столетия, со времен Константина, Константинополь был столицей империи. Город Рим в описываемое время находился под контролем германских племен.)

Юстиниан мечтал отнять у германцев западную половину империи, которую они удерживали. Для этого ему нужен был мир с Персией. Что же касается Хосроя I, он очень хотел реорганизовать внутреннее управление Персии и разумно рассудил, что подобные реформы лучше всего проводить во времена мира.

При готовности обеих сторон было нетрудно подписать в 533 г. так называемый «Бессрочный мир».

К несчастью, по иронии истории, бессрочный мир обыкновенно длится короче, чем обычный. Через семь лет после подписания договора Персия и Рим снова оказались в состоянии войны.

Трудность была в том, что Юстиниан одерживал слишком много побед. Его генералы быстро вернули в состав империи Северную Африку и даже часть Испании. Хосрою казалось, что, если успехи продолжатся, Юстиниан делается так силен, что сможет раздавить Персию. В этом, кстати, он был не прав, ибо победы Юстиниана дали ему нелегкой ценой и его владения были выжаты досуха военной борьбой против воинственных германских племен.

Тем не менее нам легче разглядеть это теперь, чем Хосрою тогда, и в 540 г. бесконечная война с Римом началась снова. Первым же ударом Персия захватила Антиохию, но затем ситуация зашла в обычный тупик.

Впрочем, в течение мирного промежутка между войнами произошли довольно забавные события.

Со времени смерти римского императора Юлиана сто пятьдесят лет назад язычество в Римской империи быстро шло на убыль. Оно давно потеряло жизненные силы, и в условиях христианского угнетения оставшиеся язычники либо обратились в христианство, либо равнодушно ждали конца.

Даже в Афинах, в цитадели языческой философии, свет замигал и начал угасать. Ко времени воцарения Юстиниана единственной философской школой, уцелевшей в Афинах, была Академия, основанная в 387 г. до н. э. великим афинским философом Платоном. Она просуществовала девятьсот лет, но теперь ее существование показалось оскорбительным благочестивому Юстиниану, который и приказал Академию закрыть. Последние языческие философы обнаружили, что их безвредная (и интересующая весьма немногих) ученость попала под запрет, а им самим просто некуда идти.

Затем пришли вести о новом царе Персии, о его терпимости и просвещенности. Казалось, появился монарх, который в состоянии постичь учение Платона. И так уж случилось, что философы Афин — тех самых Афин, что стяжали бессмертную славу в беспримерной борьбе против персидской тирании во времена Дария и Ксеркса, — понадеялись обрести свободу в Персии.

Прибыв туда, они, разумеется, обнаружили, что ситуация не так благоприятна, как они надеялись. Персидский двор оказался для них чужим, Хосрой был поглощен другими делами и явно не собирался сидеть у их ног. Со временем они заболели тоской по родине и знакомому окружению пусть даже христианской Греции.

Хосрой продемонстрировал свою глубокую порядочность. Он не был оскорблен таким поворотом событий. Напротив, он сделал специальную попытку побудить Юстиниана взять их назад и оставить в покое (пусть и не давая разрешения иметь учеников). В 549 г. он добился успеха. Учителя двинулись назад, осыпав великодушного перса благодарностями, и когда они вымерли, греческое язычество во всех существенных аспектах умерло с ними.

Хосрой I царствовал почти полвека, с 531-го по 579 г., и Персия за эти годы добилась большого прогресса. Хосрой реорганизовал администрацию империи, разделив ее на четыре главных округа. Он установил фиксированный поземельный налог, собиравшийся под надзором духовенства, и приказал даже провести перепись финиковых пальм и оливковых деревьев, пытаясь сделать налоговые ставки более справедливыми. (Людям всегда легче платить налог, когда они заранее знают, сколько он составит. Ранее налоги были совершенно произвольными, завися, главным образом, от степени ненасытности местных чиновников. В таких случаях каждый налоговый платеж кажется невыносимо высоким, даже когда на деле ставки вполне разумны.)

Кроме того, столетие хаоса взяло свою дань с месопотамской ирригационной системы. Печальные последствия давнего небрежения начали сказываться. Меняющееся течение рек, постепенный рост засоления почв и заиливания каналов подрывали столь долгое сказочное процветание Месопотамии. Хосрой чинил все, что поддавалось ремонту, и в его время медленное скольжение Месопотамии вниз приостановилось.

Хосрой следил также за защитой иностранцев (как в случае с греческими философами) и сохранял терпимость по отношению к несторианам.

Развилась значительная торговля и культурный обмен с Индией. Индийская литература и медицинские трактаты нашли путь в Персию. Была, между прочим, импортирована одна важная вещь, которую позже широко оценили многие люди Западного мира.

Индийцы играли в одну тонкую и сложную игру, где фигурки различных типов двигались по расчерченной квадратами доске. Думают, что игра была изобретена в Индии, по крайней мере, ее не удастся проследить сколько-нибудь надежно куда-либо далее.

Личный медик Хосроя, ездивший в Индию по делам царя, привез, как полагают, игру с собой. Персидский двор был очарован ею. От персов она перешла потом к арабам, которые, в свою очередь, передали ее испанцам и другим народам, оставшимся от Римской империи. Оттуда она распространилась по всему миру.

Игра, однако, и на Западе сохранила черты, приобретенные в Персии. Персидское слово «царь» — «шах», подвергнувшись многочисленным искажениям, дало английское название игры «chess».

Когда король был под атакой, игрок говорит «Шах!», также производное. И когда игра заканчивается неминуемым пленением короля, игрок говорит «Шах и мат!», а персидское «шах мат» означает «король мертв» <sup>[10]</sup>.

Однако на протяжении долгого, благополучного и, в целом, конструктивного правления Хосроя за пределами Персии произошли два важнейших события, оказавших огромное влияние на будущее империи и всего Среднего Востока, но мало замеченных в то время.

Во-первых, из Центральной Азии пришел новый кочевой народ и появился на северо-восточной границе Персии. Эти новые кочевники были названы тюрками (и позже превращены нами в турок), и в 560 г. тюрки впервые отмечаются в персидских документах. (Название Туркестан, или «страна тюрков», еще применяется неофициально к большим областям Центральной Азии.)

Эфталиты в то время находились в упадке, и персы приветствовали появление тюрков как шанс покончить наконец с этими более ранними кочевниками. Персы и тюрки заключили союз против эфталитов, которые были разгромлены и затем исчезли из истории. Еще раз в персидские владения была включена территория нынешнего Афганистана.

Это, однако, сделало тюрков новыми соседями Персии, и в этой роли они были ничуть не более удобны, чем эфталиты. Наступила очередь Римской империи заключать с ними союзы и очередь Персии оказаться между двумя жерновами.

Персия отбросила тюрков и римлян и льстила себя надеждой, что тюрки окажутся всего лишь еще одной ордой кочевников, которые приходят и уходят. Никто во времена Хосроя не мог предвидеть, что тюрки являются чем-то большим и что придет время, когда они будут господствовать над Востоком.

Второе потрясшее мир событие царствования Хосроя I было замечено еще меньше. В самом деле, оно произошло, не вызвав никакого отклика, и попросту осталось неизвестным кому-либо за пределами отдаленного городка в Аравии. Но даже в этом городке никто не мог представить себе последствий этого события. Городок назывался Мекка, и в 570 г. (или около того) там родился младенец, которому дано было имя Мохаммед.

## **Краткий миг триумфа**

Ормизд IV, сын и наследник Хосроя I, взошел на трон в 579 г. и продолжал отцовскую политику терпимости к христианам, численность и влияние которых неуклонно росли. Терпимость по-прежнему стимулировала сдержанную ярость зороастрийского духовенства. Против сильного Хосроя I оно было беспомощно, но его сын, намного менее способный, был более легкой добычей.

Чтобы проделать за них их работу, зороастрийцы использовали Бахрама Чобина. Чобин был генерал, одержавший в недавние годы несколько побед над тюрками, но проигравший битву с римлянами и за это немедленно смещенный со своего поста Ормиздом. В нем бурлила жажда мести, и его легко было уговорить устроить убийство царя. Сын Ормизда Хосрой II в 589 г. стал новым царем.

Но Бахрам Чобин, будучи победоносным генералом и став делателем королей, почувал, что его аппетит только разгорелся. Он решил сам сделаться царем, хоть и не принадлежал к Сасанидам.

Хосрой II, сброшенный с трона и уверенный в неминуемой гибели, сумел скрыться и бежал в лагерь величайшего врага Персии — ко двору в Константинополе.

В Константинополе правил в то время император Маврикий, который приветствовал бы передышку в борьбе с Персией, поскольку новые орды кочевников — авары — проникли на Балканский полуостров и угрожали европейским провинциям империи.

Маврикию казалось, что, если он завоюет благодарность молодого принца, восстановив его на троне, период мира будет обеспечен. Он послал римскую армию на Восток.

И добился успеха. В 591 г., под аплодисменты персидского населения, возмущенного наличием царя, не принадлежавшего к Сасанидам, Хосрой II вернулся на трон. Бахрам Чобин бежал к тюркам, которых разбил всего несколько лет назад и которые вернули комплимент, убив его.

Случилось, что Маврикий оказался прав. Хосрой II действительно выказал благодарность, необычную в монархах. Пока Маврикий находился на троне, Персия сохраняла мир.

Но затем положение резко изменилось. Похоже было, что римская армия на Дунае, под командованием грубого и необразованного солдата по имени Фока, устала от борьбы с сильными аварами. В 602 г. солдаты взбунтовались и двинулись на Константинополь, провозгласив императором Фоку. Маврикий и его сыновья были растерзаны солдатней.

Когда новости достигли ушей Хосроя II, он сразу же объявил, что долг благодарности императору, так позорно убитому, а также все законы справедливости требуют похода на Константинополь с целью отомстить за Маврикия.

Готовясь к военным трудам, он обеспечил себе тыл, ликвидировав арабское царство Хиру, несторианство которого дало ему необходимый предлог. В конце концов, он мог утверждать, что христиане Хиры могут объединиться против него с римскими христианами.

Затем Хосрой II двинул армии на запад. Он почти без затруднений занял всю северо-западную Месопотамию, которая уже свыше трех столетий неизменно ускользала из загребущих лап Сасанидов. Он проник даже в восточную часть Малой Азии.

К тому времени стало ясно, что Фока был правителем не только жестоким и невежественным, но и абсолютно некомпетентным. Он не сумел организовать ни эффективного сопротивления против наступающих персов, ни справиться с аварами. Жители Константинополя, видя персов, надвигающихся с востока и аваров, приближающихся с севера, впали в состояние паники. Они подняли восстание, убили Фоку и провозгласили императором другого генерала, Ираклия.



Будь Хосрой II последователен, смерть Фоки должна была бы удовлетворить его и закончить войну. Однако персидский монарх мчался на гребне волны в ситуации, где все работало ему на пользу. Нежданные победы вскружили ему голову. Если он и был искренен вначале, считая войну актом справедливой мести, теперь она стала беззащитным завоеванием.

Несомненно, римские провинции прямо-таки напрашивались на завоевание. Вслед за несторианской ересью в Римской империи распространились другие секты, Сирия и Египет стали цитаделями монофизитства. Монофизиты проникли даже в Персию, постепенно вытесняя несториан.

Многие из сирийцев и египтян не могли не заметить, что, если ортодоксальные христиане, которые господствовали в Константинопольской церкви, были нетерпимы к отклонениям от их ортодоксии, персы терпели (хоть и выборочно) христианские ереси.

Хосрой II поэтому почти не встретил сопротивления в этих провинциях. В 611 г. он взял Антиохию, в 614 г. занял Дамаск и в 615 г. захватил Иерусалим.

Захват Иерусалима был для римлян особенно тяжелым ударом. Самый источник, колыбель христианства, земля, которая чувствовала поступь Иисуса, попала в руки языческой орды. Хуже того, Хосрой II преспокойно увез из Иерусалима Истинный Крест, на котором, как верили все христиане, был распят Христос.

Хосрой зашел еще дальше. В 615 г. он вступил в Египет и в течение года наложил лапу на всю провинцию. К 617 г. вся Малая Азия была в его руках и персидское войско стало лагерем в Халцедоне, пригороде Константинополя, отделенном только Босфорским проливом. Всего одна миля воды отделяла Хосроя от самого Константинополя.

Несколько славных лет Персия стояла на пьянящих высотах неслыханного триумфа. Хосрой II ухитрился сделать то, чего не удавалось ни одному из Сасанидов за целых четыре столетия. Фактически он восстановил империю Дария I. Он назвал себя Хосрой Парвиз (Хосрой Победоносный), и, конечно, титул был им заслужен.

Казалось, с Константинополем покончено. Персы стояли на Босфоре, авары — у степ. Только Ираклий, император, не поддавался отчаянию. Он упрямо пытался реорганизовать армию и подготовить контрнаступление.

Ираклий имел одно мощное оружие, которому Персии нечего было противопоставить: контроль над морем. Он использовал богатства церкви (неохотно предоставленные под угрозой тотальной катастрофы), чтобы снарядить флот. В 622 г. он погрузил армию на корабли и, бросив столицу под осадой аваров и персов, заставил море нести его к сердцу врага. Когда-то, три с половиной столетия назад, персы оккупировали Малую Азию и Оденат из Пальмиры заставил их бежать назад, нанеся удар в тыл. Ираклий намеревался сделать то же самое.

Он прошел Черным морем до Армении и несколько лет опустошал внутреннюю Персию, как новый Александр. Хосрой II был наконец вынужден, против воли, отвести армию с передовых позиций и поставить все на победу в решающей битве.

В 627 г. две армии встретились, как пи странно, близ Ниневии. Еще раз призраки двенадцати с половиной столетий были разбужены шумом и громом грандиозной битвы. Под вдохновенным водительством Ираклия, который, согласно рассказам, возможно

преувеличенным, проявил доблесть истинного героя, римляне добились преимущества и разрезали персидскую армию на куски. Ночью ее остатки поспешно отступили.

Затем Ираклий, как новый Траян, повел свою армию через Месопотамию, мстя за опустошенную персами Малую Азию. Он подошел к самым стенам Ктесифона.

Великая партия Хосроя была сыграна и проиграна. Древняя империя Дария была завоевана

вновь, удержана в течение пяти лет и потеряна. Персидские магнаты, полностью обескураженные таким ужасным поворотом фортуны, не чувствовали желания продолжать войну. Когда Хосрой не выказал признаков стремления к миру, даже ввиду осады Ктесифона, они сперва заключили его в тюрьму, а затем в 628 г. казнили. Так умер Хосрой II, пережив свой момент триумфа.

Персы были готовы к миру на условиях Ираклия. Император безжалостно приказал им очистить каждый дюйм захваченных территорий и принудил выдать Истинный Крест.

В 629 г., в обстановке впечатляющих церемоний, император наблюдал за его восстановлением в Иерусалиме.

## Глава 10. АРАБЫ



### История повторяется

Еще когда Хосрой II пребывал на вершинах успеха, ему пришло послание из Аравии. Какой-то арабский фанатик приказывал ему отречься от собственной религии и принять вместо нее религию этого араба, выступавшего ее пророком. Пророка звали Мохаммед. Хосрой II порвал послание и, по всей вероятности, больше о нем не вспоминал.

Но пока Хосрой сыпался вниз с вершин в пропасть позора и гибели, Мохаммед постепенно объединял вокруг себя воинственные арабские племена, вдохновляя их пламенной верой в новую религию, фанатической уверенностью в праведности своего дела и в мгновенной награде в раю для тех, кто сражался и умирал за святое дело.

Религия получила название «ислам» («покорность» — воле Аллаха, то есть Бога), и верующие стали мусульманами («теми, кто подчинился»). На Западе часто говорят о магометанстве и магометанах, но это неверно.

Пока Аравия собирала силы, Персия слабела. После гибели Хосроя II наступил период анархии, царей провозглашали и смещали. Затем в 632 г. на трон был посажен внук Хосроя Яздигерд III. Ему было всего пятнадцать лет, и он не имел реальной власти.

История повторилась в этот момент почти со сверхъестественной точностью. Две ситуации, разделенные интервалом в тысячу лет, практически дублировали друг друга. При Сасанидах (Ахеменидах) за смертью царя-завоевателя Хосроя II (Артаксеркса III) последовало несколько лет анархии, завершившиеся коронаванием некомпетентного Яздигерда III (Дария III.)

При Сасанидах (Ахеменидах) коронавание наступило как раз в момент, когда новая, незначительная нация — Аравия (Македония) набрала силу и готова была приступить к беспримерным завоеваниям. Однако в самый год коронации блистательный пришелец Мохаммед (Филипп Македонский) умер и перспектива завоеваний, казалось, испарилась прежде, чем они начались.

Здесь, похоже, параллели кончаются. Филиппу Македонскому наследовал его сын Александр, молодой гений. Мохаммеду наследовал его пожилой тесть Абу-Бекр. Он стал первым «халифа» («наследником»), слово, которое в европейских языках стало звучать как «халиф», или «калиф».

Несмотря на это, параллелизм сохраняется. Абу-Бекр отправил новые послания с приглашением принять ислам, одно Яздигерду III, другое императору Ираклию. Оба были проигнорированы. Тогда мусульмане бросились в атаку.

Им противостояли два врага там, где Александр Великий имел только одного. Любому, имеющему хоть каплю здравого смысла, ясно, что единственный способ победить двух врагов — это заключить союз с одним из них против другого. Когда этот последний разбит, можно наброситься на союзника. Такова стандартная оперативная процедура любого завоевателя. Даже Гитлер использовал ее, заключив альянс с СССР, чтобы раздавить Польшу и Францию, а затем обрушиться на союзника.

Арабские вожди с некоей возвышенной наглостью решили, однако, атаковать обоих своих великих противников одновременно. Без сомнения, рядовые воины бросались на врага в безмятежной уверенности, что с ними Аллах, но надо полагать, некоторые из вождей трезво оценивали реальную ситуацию.

Римская империя и Персия только что пережили ожесточенную двадцатилетнюю войну, по очереди опустошая территории друг друга. Обе были истощены, обращены в пустую скорлупу, еще кажущуюся несокрушимой извне, но опустевшую внутри.

С нахальной легкостью арабы вырвали у Римской империи те самые провинции, которые только что были спасены от персидских завоевателей. К 636 г. они захватили Сирию и Иудею, так что Иерусалим и Истинный Крест были снова потеряны, и на этот раз навсегда. К 640 г. арабы захватили Египет.

Ираклий на склоне лет видел, как гибнут все плоды его великой победы, и не мог найти в себе сил еще раз организовать контрнаступление. Великие усилия 620-х гг. опустошили его, как и самое империю. Он скончался в 641 г. — Александр, который слишком долго прожил на свете.

Конечно, Константинополь потерял не все. Он сохранил Малую Азию и свои европейские провинции, о границы которых тщетно бились арабские армии. Однако после арабских завоеваний уже нельзя, в сущности, говорить о Римской империи. Наследники Ираклия, разумеется, еще называли себя римскими императорами, а своих подданных — римским народом до самого конца истории империи. Историки, однако, называют земли,

управлявшиеся Константинополем после Ираклия, Византийской империей, от Византии, древнего греческого названия города.

Тем временем арабы напали также и на Персию. Предлог был готов, ибо Хосрой II четверть века назад разрушил арабское царство Хиру. Арабы объявили себя мстителями за Хиру, послали армию на северо-восток, заняли Хиру и двинулись к Евфрату.

Удивленные и негодующие персы, запятые как раз коронацией Яздигерда III, поспешно собрали армию, чтобы покарать кочевников, и в 634 г. разбили их наголову в так называемой «Битве па мосту». Арабы не смирились с поражением, но, исполнившись уверенности в близкой победе над римлянами на другом фланге, послали в Персию армию побольше.

В 637 г. главные силы столкнулись наконец у Кадисии на Евфрате, около 80 км южнее того места, где когда-то возвышался Вавилон. Еще раз древняя земля Месопотамии увидела одну из решающих битв человеческой истории.

Численность противостоящих сил была почти равной, хотя арабы были воодушевлены только что завершенным завоеванием Сирии, а персы обескуражены этим же фактом. Два дня битва не давала определенного перевеса ни одной из сторон, один раз арабы были спасены от поражения providенциальным появлением шеститысячного подкрепления из Сирии.

На третье утро поднялась песчаная буря, и, к счастью для арабов, ветер подул в лицо персам. Арабы бросились вперед, и отступление персов превратилось в беспорядочное бегство. Затем арабы быстро проникли в сердце Месопотамии и взяли Ктесифон.

Отчаявшаяся Персия предприняла последнюю попытку. Как после Исса персы заняли последнюю позицию у Гавгамелы, так теперь, после Кадисии, персы укрепились в Нехавенде, примерно в 80 км к югу от Экбатаны, которая была когда-то столицей Мидии. Здесь в 642 г. арабы одержали вторую великую победу, более значимую, чем первая (как Гавгамела была важнее, чем Исс).

Яздигерд III снова бежал, как когда-то Дарий III, забившись глубоко в северо-восточный угол своей страны и взывая о помощи даже к императору далекого Китая. Наконец, в 651 г. он был убит после девятнадцати лет правления, состоявшего из почти непрерывных отступлений и поражений.

Всего через четверть столетия после того, как Хосрой II стоял на берегу Босфора и смотрел на купола и башни Константинополя через пролив в милю шириной, его империя навсегда исчезла с карты мира.

Официально мусульмане терпимо относились к зороастрийцам, как терпели и христиан в провинциях, захваченных у Римской империи. Однако зороастрийцы и христиане равно должны были платить особый налог, от которого последователи Мохаммеда были избавлены. (Этот трюк, заставляющий религиозные меньшинства покупать терпимость по разумной цене, был почерпнут исламом у самих зороастрийцев.)

Финансовый стимул к переходу в мусульманство работал лучше, чем грубая сила. Персия быстро перешла от зороастризма к исламу, а Сирия и Египет так же быстро отошли от христианства.

Конечно, не все зороастрийцы обратились в ислам (как и не все христиане, кстати). Редущие колонии зороастрийцев сохранились в Иране и со временем некоторые из них, как говорит зороастрийская традиция, сосредоточились в Ор-музе на берегу Персидского залива. (В этом городе Ардашир выиграл битву против последнего парфянского царя и пятьсот лет назад основал империю Сасанидов.) Где-то после 700 г. остатки зороастрийцев окончательно оставили Персию и переехали в Индию.

Их потомки, в количестве примерно 130 тыс. человек, еще существуют в Индии, называясь парсами. Они еще поддерживают древние обычаи и ведут летоисчисление от правления Яздигерда III.

Что до месопотамских евреев, их мусульмане тоже терпели при условии уплаты налога. В отличие от зороастрийцев, они привыкли к этому. Для них было не важно, что на трон языческого правителя вместо зороастрийца уселся мусульманин. Они продолжали жить по-прежнему под относительно мягким управлением ранних мусульман и даже расцвели в условиях мира и благоденствия, невиданного ими со времен Маккавеев, почти тысячу лет назад.

## **Раскол ислама**

Месопотамия и Персия не полностью растворились в мусульманском мире. Как негреческие провинции Римской империи нашли выход националистическим чувствам в христианской ереси, так и неарабские провинции мусульманской империи нашли его в мусульманских ересьях.

Произошло это следующим образом. В 644 г., как раз после завоевания Персии, новым халифом был избран Осман. Это был пожилой человек, зять Мохаммеда и член благородной семьи

Омейядов из Мекки. При нем другие члены его семьи получили много больше правительственных должностей и имперской добычи, чем казалось справедливым. Поднялось недовольство.

Начались мятежи в войсках, и в 656 г. войсковая часть, прибывшая из Египта, добралась до халифа в его дворце в Аравии и убила его. Затем воины установили надзор за выборами наследника, которым оказался Али, другой зять Мохаммеда.

Али, однако, не был признан сторонниками Омейядов, которые, несомненно, чувствовали (и справедливо), что выборы под надзором убийц Османа едва ли могли быть свободными.

Вождем партии Омейядов был Муавия, губернатор Сирии. Али, с другой стороны, получал основную поддержку из Месопотамии. Али сделал своей столицей город Куфу, основанный арабами в 638 г., вскоре после битвы при Кадисии. Он стоял на Евфрате, примерно в 64 км ниже развалин Вавилона.

Гражданская война велась поэтому между Сирией и Месопотамией, причем первая представляла арабское ядро новой империи, а вторая — персидскую культуру.

Война тянулась вяло, но Али постепенно терял поддержку, пока в 661 г. некоторые группы, уставшие от войны, не образовали заговор. Они чувствовали, что, убив вождя

обеих сторон, можно добиться мира. План, однако, удался наполовину: Муавия избежал смерти и убит был только Али.

Муавия сумел сразу же утвердиться как халиф и обезопасил себя, отказавшись выбрать столицу в беспокойной Аравии, а выбрал ее в верной ему Сирии. Центром всего мусульманского мира сделался Дамаск, достигший вершины в своей истории. Он не был столицей независимого государства уже четырнадцать столетий, и даже тогда он был только столицей библейской Сирии, маленького царства, не более могущественного, чем Израиль.

Династию правителей, правивших из Дамаска в следующем столетии, называют Омейядским халифатом.

Последователи Али не полностью смирились с новым положением дел. Они представляли отчасти персидскую реакцию на арабское господство и пытались объединиться вокруг Хасана, старшего брата Али. Хасан, к несчастью для своих сторонников, был ученый, благочестивый человек, не любивший битвы. Он быстро отрекся от всяких притязаний.

Партия Али, однако, еще держалась в Куфе, и, когда в 680 г. Муавия умер, они пригласили Хусейна, младшего брата Али, возглавить их в борьбе за халифат. Он прибыл в Куфу, но в битве с силами Омейядов был брошен собственными сторонниками и убит в битве при Кербеле, западнее Куфы, 10 октября 680 г. В 700 г. партия Али сделала новую попытку и вновь потерпела неудачу. В 740 г., при внуке Хусейна, они попробовали еще раз и еще раз провалились.

Несмотря на все эти повторные неудачи, партия уцелела и стала известна под именем шиитов (от арабского слова, означающего «приверженец»), то есть приверженцев Али. До сего дня шииты считают Али и его сыновей истинными наследниками Османа, а всех халифов, начиная с Муавии, — узурпаторами. Они отмечают годовщину смерти Хусейна как день траура и почитают Кербелу как святой город. Шиитам противостоят сунниты (от арабского слова, означающего «традиция»), то есть последователи ортодоксальной традиции.

Шиизм имеет в исламе чрезвычайно пеструю историю, и были времена, когда его партизаны контролировали большие провинции. До сего дня они составляют секту меньшинства, включающую лишь около десяти процентов всех мусульман. Даже при малочисленности шиизм остается выходом для персидского национализма, ибо он образует правящее большинство в современных Иране и Ираке.

Пока продолжались арабские завоевания, халифат Омейядов оставался сильным. К 717 г. мусульманская империя простиралась от восточных границ Афганистана до Атлантики, включая даже Пиренейский полуостров. С запада на восток ширина арабских владений составляла 8 тыс. км, крупнейший участок земли, когда-либо находившийся под единым правлением.

И все же даже арабы дошли до своих пределов. В 717 г. грандиозная попытка захвата Константинополя с суши и с моря была отбита. А в 732 г. арабский авангард был разгромлен в центральной Франции. Первая непреодолимая волна завоеваний кончилась. Еще много столетий ислам продолжал одерживать победы, но при арабах это были победы, второстепенные по характеру, а когда вновь были одержаны крупные победы, они были одержаны под руководством других, не арабских групп.

Фракции, противостоявшие Омейядам, могли теперь приобрести влияние, ибо с прекращением быстрых завоеваний популярность династии стала падать.

Главным противником Омейядов было другое весьма влиятельное семейство из Мекки. Эта семья возводила свое происхождение к аль-Аббасу, дяде Мохаммеда, и получила поэтому имя Аббасидов.

Аббасиды были сунниты и могли, поэтому рассчитывать на поддержку всех суннитов, которые устали от Омейядов. Они могли рассчитывать также на автоматическую поддержку всех шиитов, готовых поддержать даже суннитов против ненавистных Омейядов.

Аббасиды тщательно рассчитали время и собрали своих сторонников на востоке. В 749 г. Абуль-Аббас, тогда глава семьи Аббасидов, прибыл в Куфу и был провозглашен халифом.

Омейяды не уступили без битвы. Их армия бросилась на восток и встретила с противником на реке Заб, притоке Тигра. Еще раз по соседству с невидимой Ниневией, мертвой уже четырнадцать столетий, разыгралась решающая битва. Армия Аббасидов победила, и в 750 г. Омейядскому халифату пришел конец.

Все члены многочисленного семейства Омейядов были перебиты, за исключением одного, который бежал и достиг Испании. Там в течение двух с половиной столетий блистательная династия Омейядов держалась в одиночку, независимо от остального мусульманского мира.

## **Багдад**

Династия Аббасидов сразу же перенесла столицу ислама подальше от Сирии Омейядов. Средоточие власти ислама перенесли в Месопотамию, которая еще раз стала правящим центром мировой империи.

Однако Месопотамия была также опорой шиитов, а Аббасиды не могли себе позволить слишком тесных связей с сектой меньшинства из страха вызвать отчуждение больших масс мусульман в других регионах.

Второй аббасидский халиф аль-Мансур ухватился поэтому за возможность разгромить наиболее крайние группировки шиитов. Те нашли нового вождя в лице Мохаммеда, внука Хасана, и он какое-то время сильно досаждал аль-Мансуру и даже завоевал священный город Мекку. В конце, однако, он разделил обычную судьбу потомков Али: он и его брат Ибрагим погибли в сражении.

Такие события делали Куфу все более неудобной для столицы, и аль-Мансур решил построить себе новую. В 762 г. он облюбовал место, занятое тогда незначительной деревушкой Багдад на правом берегу Тигра, примерно в 30 км к северу от Ктесифона.

Строительство Багдада означало медленную смерть Ктесифона, который в течение семи столетий был резиденцией Арсакидов и Сасанидов. Ктесифон использовался как источник строительных материалов для Багдада, и видимый памятник древней династии Сасанидов постепенно исчез с лица земли.

Багдад был величайшим городом из всех, которые видела Месопотамия, больше, чем даже Вавилон в пору его расцвета. На пике своего развития Багдад насчитывал, вероятно, два

миллиона населения и какое-то время был величайшим городом мира. Халиф, правящий в Багдаде, простирал свой скипетр от Афганистана на востоке до современного Алжира на западе. (Марокко и Испания, расположенные еще дальше на запад, никогда не признавали власти Аббасидского халифата).

Аль-Махди, сын аль-Мансура, укрепил свое лидерство в исламе, признав суннитскую доктрину официальной доктриной. Шииты, которые живо сознавали свою роль в утверждении Аббасидов на троне, вынуждены были уйти в упорную и непримиримую оппозицию.

Наиболее славный, окутанный легендами период Багдада начался в 786 г., когда на трон вступил сын аль-Махди. То был знаменитый Харун аль-Рашид, или Аарон Справедливый.

Мощь Аббасидов приближалась к своему апогею. Харун многократно нападал на Малую Азию, хотя, по-видимому, каждый раз в ответ на агрессивные действия византийцев. После одного такого акта агрессии Харун написал свой знаменитый короткий ответ византийскому императору: «Я получил твое письмо, сын неверного, и ты не услышишь мой ответ — ты его увидишь».

Каждая из кампаний Харуна в Малой Азии была успешной, и каждый раз византийцы были вынуждены кое-как штопать мир на тех условиях, которые могли выторговать.

Харун вошел даже в историю Западной Европы, ибо в 807 г. обменялся посольствами, дарами и цветистыми дипломатическими любезностями с Карлом Великим, который контролировал тогда часть Европы, занятую современной Францией, Германией и Италией.

Это было сделано не без причин. В те времена в Средиземноморье было четыре великие державы. Две из них были христианскими: Западная империя Карла Великого и Восточная империя со столицей в Константинополе. Две другие были мусульманскими: Аббасидский халифат Харун аль-Рашида и королевство Омейядов в Испании.

Карл Великий постоянно вел войну с Испанией Омейядов и был соперником византийского императора. Харун аль-Рашид постоянно воевал с византийцами и был соперником испанских Омейядов. Поскольку Карл и Харун имели общих врагов, они, естественно, выказывали взаимную дружбу, невзирая на разницу религий. Из такого совпадения интересов, очень часто встречающегося в истории, родились пословицы вроде: «Политика делает странных любовников».

Успехи Харуна на войне и его влияние в цивилизованном мире соответствовали просвещенному управлению и четко разработанной системе налогообложения и финансов. В результате империя процветала и, в общем, не проявляла недовольства.

При Аббасидах, избравших центром Месопотамию, чисто арабская элита, которая господствовала в первом столетии мусульманской власти, когда столицы были в Мекке и в Дамаске, начала уступать позиции. Мусульманская цивилизация начала приобретать все более и более глубокий персидский оттенок. (Хотя, конечно, язык Месопотамии постепенно становился арабским и таковым с тех пор и остался.)

Так, главными советниками ранних Аббасидов были члены благородной персидской семьи Бармесидов, покровителей искусства и литературы. Когда Харун аль-Рашид стал



халифом, он сделал одного из членов этой семьи, Яхью, своим визирем, или первым министром. Джафар, его сын, стал приятелем и компаньоном Харуна.

Как любая семья, пользующаяся исключительными милостями монарха, Бarmесиды возгордились (или так говорили их соперники). Враги множились, и со временем Харуна удалось убедить, что Бarmесиды представляют опасность для трона. В 803 г. Джафар был казнен без всякого предупреждения, а другие члены семьи были брошены в тюрьму. Но хотя Бarmесиды ушли, персидское влияние сохранилось и росло.

Репутация Харуна в потомстве покоится, однако, вовсе не на его реальных достижениях, но на его роли в легенде. Примерно через столетие после его правления безымянные собиратели начали соединять вместе волшебные сказки и рассказы о приключениях. Со временем коллекция выросла и включила множество легендарных рассказов о добром и великодушном Харуне, который со своим другом Джафаром бродил переодетым по Багдаду, устраняя несправедливости и исправляя зло.



Связующей нитью, объединявшей совершенно аморфное собрание сказок и легенд, стала царица Шахерезада, которая рассказывала эти истории ночь за ночью в течение почти трех лет. Отсюда и пошло популярное название всего свода «Тысяча и одна ночь», или просто «Арабские ночи». На Запад их впервые привез французский путешественник Антуан Галланд и между 1704-м и 1717 гг. вышло первое многотомное издание. Сказки стали сенсацией, а Багдад Харун аль-Рашида стал волшебным городом пурпурно-золотой легенды.

В 813 г. халифом стал младший сын Харуна аль-Рашида аль-Мамун. Он был человеком высокой культуры и находился почти целиком под персидским влиянием. Первые несколько лет своего царствования он провел в Персии и, кажется, планировал устроить там свою столицу. Возмущенным жителям Багдада пришлось взбунтоваться, чтобы вернуть его назад.

В Багдаде аль-Мамун создал академию, которая работала, в частности, над переводами и исследованием греческих научных и философских трудов, используя несториан как переводчиков. Халиф построил также астрономическую обсерваторию.

Мировое лидерство в науке тринадцать столетий назад, после Навуходоносора, перешедшее от Месопотамии к Греции, теперь вернулось, по крайней мере на время, обратно в Месопотамию.

Джабир, который жил в Куфе и в Багдаде во времена Харуна аль-Рашида, был одним из пионеров алхимии (сегодня мы назвали бы его химиком), равного которому не найти вплоть до современной эпохи. Аль-Хваризми (аль-Хорезми), работавший в Багдаде во времена аль-Мамуна, известен трудами по математике. Название одного из них дало нам слово «алгебра». Он также ввел новые символы чисел, изобретенные, по-видимому, в Индии. Этот индийский метод достиг Запада через мусульман. Со временем он заменил громоздкую систему римских цифровых обозначений. Мы еще пользуемся этим методом сегодня, и мы еще говорим об арабских цифрах.

В правление аль-Мамуна Аббасиды продолжали наращивать военные успехи. Например, были захвачены Крит и Сицилия. В целом, этот халиф, кажется, заслужил титул аль-Мамуна Великого, хотя он, в отличие от своего легендарного отца Харуна аль-Рашида, почти неизвестен широкой публике.

### **Халифы-марионетки**

В 833 г. аль-Мамун умер и ему наследовал брат по имени аль-Мутасим. Этот последний совершил две важные и губительные ошибки.

Он соблазнился примером монархов, которые, желая обеспечить собственную безопасность в смутные времена, нанимали отряды телохранителей, лояльных только к самому монарху. Для повышения эффективности такого отряда телохранителей набирали из чужих рас и отдаленных народов, которые не имели симпатий среди жителей столицы и поэтому не имели причин объединяться с ними против монарха.

Аль-Мутасим набирал телохранителей среди тюрков. Они вовсе не были подданными Аббасидов и даже не знали еще оседлой культуры. Короче, аль-Мутасим завел себе телохранителей-варваров.

Такие варварские отряды могут быть очень эффективным оружием в руках сильных монархов, но они могут стать хозяевами при слабых монархах, а слабый монарх рано или поздно неминуемо появляется на троне.

К тому времени Багдад превратился в огромный бурлящий метрополис, постоянно угрожавший покою монарха, даже с тюркскими наемниками, стоявшими между ними и народом. Аль-Мутасим поэтому избрал себе новую столицу и удалился в Самарру на Тигре, в 100 км выше Багдада. Багдад остался фактической столицей империи, а Самарра стала просто резиденцией халифа. (Это напоминает Париж и Версаль во Франции XVIII в.)

Все это радовало аль-Мутасима, но тоже представляло собой смертельную опасность. Халиф потерял точки соприкосновения с империей. Стало слишком легко делегировать власть и расслабиться в гареме, среди наслаждений. Не нужно было беспокоиться о

беспорядках и мятежах в отдаленных провинциях или о поражениях на дальних границах, пока его дворец и парки оставались раем на земле.

Аль-Мутаваккиль, внук аль-Мутасима, взошедший на трон в 847 г., казалось, понимал опасность происходящего. Он попытался было перенести столицу обратно в Дамаск, но это оказалось крайне непопулярным шагом. А может быть, он сам тосковал по роскоши Самарры, ибо возвратился почти сразу. Он махнул на все рукой и занялся строительством нового дворца, который империя вряд ли могла себе позволить, а также демонстрациями своего правоверия, преследуя евреев, христиан и шиитов.

Со временем старшему сыну надоело ждать его смерти, в 861 г. он организовал заговор и убил отца руками командиров тюркской гвардии.

Момент настал! Тюрки обнаружили, что могут убивать халифов так же безнаказанно, как их подданных. Последовало десятилетие абсолютной анархии, когда тюрки ставили и сбрасывали халифов, выбирая их из членов дома Аббасидов. Реальными правителями были сами тюрки, которые уже начали передавать государственные должности по наследству от отца к сыну. Возникло несколько таких тюркских династий, что усиливало хаос, но мешало тюркам, ввиду взаимных свар, достичь пределов могущества.

В течение этого периода Багдад начал терять контроль над провинциями. Теоретически повсюду в громадных владениях Харуна аль-Рашида еще признавалась власть халифа, но он сам сделался только именем, упоминавшимся в молитвах. Фактическая власть перешла к местным правителям — эмирам. Один из них контролировал Тунис, другой — Египет и Сирию, третий — большую часть Персии и так далее.

К 870 г., менее чем через сорок лет после смерти великого аль-Мамуна, прямая власть халифа была в основном ограничена пределами самой Месопотамии.

Положение стало еще хуже, когда ислам был расколот новой и очень опасной сектой. Около 750 г. появился некий человек по имени Исмаил, который был праправнуком Хусейна, шиитского мученика. Он дал имя крайней шиитской секте, исмаилитам.

Воинственные банды исмаилитов начали отрывать куски у мусульманской империи. В 929 г. были захвачены некоторые районы в Месопотамии и Сирии. Другая группа, утверждавшая, что ею правят потомки Фатимы, дочери Мохаммеда (династия, впоследствии названная Фатимидами), захватила Египет.

Так Аббасиды потеряли все, кроме имени халифа. Месопотамия, даже Багдад, были потеряны для них. Халифы превратились в чисто символические фигуры, вовсе лишённые светской власти, вроде римских пап в современную эпоху. Месопотамия попала под контроль шиитских эмиров, которые иногда подумывали о том, чтобы вовсе отменить халифат.

Однако, даже когда халифат таял, а великая империя Аббасидов тряслась и разваливалась на дюжину кусков, интеллектуальный прогресс в исламе продолжался и даже достиг новых вершин.

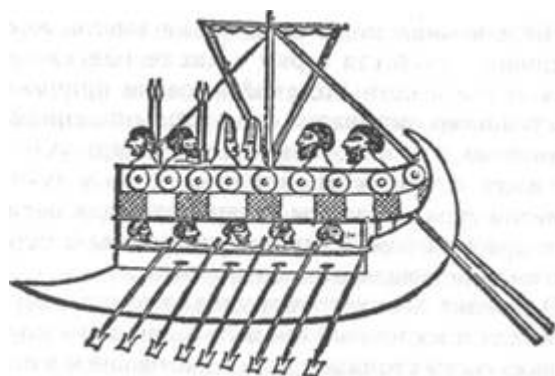
Около 900 г., например, в маленьком городе Ракках на верхнем Евфрате, недалеко от места, где две с половиной тысячи лет назад стоял древний шумерский город Мари, работал аль-Баттани. Ракках был когда-то любимой резиденцией Харуна аль-Рашида, а теперь стал обсерваторией аль-Баттани, величайшего астронома Средних веков. Его

труды оставались непревзойденными вплоть до возрождения науки в Европе шесть столетий спустя.

То же самое, но в другой области можно сказать об аль-Рази, более известном в Европе под латинизированным именем Разиз. Около 900 г. он был главным врачом госпиталя в Багдаде и оказал огромное влияние на развитие средневековой медицины как в мусульманском мире, так и в Европе.

Но светское лидерство и имперская роль переходили к менее цивилизованному народу.

## Глава 11. ТЮРКИ



### Наследники захватывают власть

Если мусульманский мир не развалился полностью в ходе фрагментации X столетия, этого не произошло отчасти потому, что христианский мир был равным образом расколот на множество частей. После смерти Карла Великого Западная империя раскололась на ссорящиеся между собой сегменты, и все они стали жертвой разорения, принесенного набегами норманнов или викингов из Скандинавии. Византийская империя, оставаясь нетронутой, растрачивала свою энергию в религиозных конфликтах.

С приближением 1000 г., однако, беспристрастному наблюдателю могло показаться, что мусульманский мир находится в опасном положении. Византийская империя начала собирать силы и при Василии II, взошедшем на трон в 976 г., казалось, почти вернула себе юность.

Но и в мире ислама на арену вышли новые чемпионы. Это были турки <sup>[11]</sup>. Как германские племена за пределами Римской империи принимали христианство, оставаясь относительно нецивилизованными, так и тюркские племена приняли ислам в его суннитском варианте. В последующие столетия турки-сунниты утвердились как наследники арабов и новые хранители ислама в борьбе против христианского мира.

В течение X столетия группа тюркских племен проникла в восточные области исламского мира и сделала своей столицей Газни в нынешнем восточном Афганистане. Их власть быстро распространялась и достигла пика в 1000 г. при короле Махмуде. Новое государство простиралось от Индии до границ Месопотамии и напоминало возрожденную Персию.

И в самом деле, персидская культура в ее старом, сасанидском варианте переживала тогда, через четыре века после политической смерти, мощное возрождение, благодаря, в особенности, одному персидскому поэту, который творил под псевдонимом Фирдоуси.

Фирдоуси написал длинейшую поэму в 60 тыс. стихов (в семь раз больше, чем в гомеровской «Илиаде»), подробно описав историю персидских царей от их легендарного начала до Хосроя II. Она была написана на чистом персидском, не по-арабски, и остается по сей день величайшей национальной поэмой Персии и ее главнейшей литературной работой. (Она была одним из факторов в сохранении персидского в качестве государственного языка в современном Иране, помешавшим заменить его арабским.)

Ранние легендарные главы поэмы рисуют Рустама подобным Гераклу, героем невероятной силы и храбрости, образ которого, кажется, и был вдохновлен древним парфянским культом Геракла. В наиболее известном и трогательном эпизоде стареющий Рустам ухитряется, после яростной битвы, убить юного богатыря, в котором он тогда и только тогда узнает своего сына Зохраба. Александр Великий также введен в поэму, но ему, чтобы утешить национальную гордость, дана персидская мать.

В 1010 г. великий эпос был представлен Махмуду Газнийскому, но Махмуд был рьяный суннит, а Фирдоуси был шиит. Махмуд поэтому дал поэту оскорбительно маленькую награду. Фирдоуси отомстил, написав презрительную сатиру против Махмуда, а затем, проявив предусмотрительность, убрался из страны так быстро, как мог.

Пока Газни поднимался до ранга имперской столицы, другое тюркское племя, под водительством князька по имени Сельджук, поселилось на северных границах бывших аббасидских владений. Этих тюрок, вместе с теми, кто присоединился к ним, обычно называют турками-сельджуками.

Они просачивались на юг и служили сперва как наемники. В 1037 г., однако, под водительством Тугрил Бега, сына Сельджука, они нанесли удар, чтобы захватить власть под собственным именем. Поскольку Махмуд Газнийский умер в 1033 г., а его сын оказался куда менее компетентным, сельджуки глубоко вружились в восточное королевство, которое, пережив лишь одно поколение славы, быстро сокращалось.

Наконец, в 1055 г. Тугрил Бег двинулся на Месопотамию, которая пала без борьбы. Багдад покорился, и ликующий халиф, освобожденный от шиитского господства, подарил правоверному суннитскому вождю единственную вещь, которую было в его власти подарить, — титул. Он сделал Тугрил Бега султаном (это слово первоначально означало «господство» и вполне годилось для обозначения правителя). Турецкие монархи сохраняли этот титул восемь столетий.

В ответ Тугрил Бег оставил халифу номинальную власть над Багдадом и Месопотамией, хвастливо отказавшись разместить здесь собственную столицу. Он правил из Экбатаны, которая под исламским правлением приобрела искаженное имя Хамадан. Что бы Тугрил Бег ни изображал, халиф, естественно, не правил. Он оставался турецкой марионеткой.

### **Конец и начало поединка**

Тугрил Бег умер в 1063 г. Ему наследовал Альп Арслан, второй способный правитель. Он почти сразу же двинул войска на северо-запад, в Армению. Теперь западные границы его владений шли прямо вдоль линии византийских границ, от Черного моря к Средиземному. Вновь была установлена сцена для возрождения тысячелетней борьбы Запада с Востоком на северо-западном рубеже Месопотамии. Сперва это был Рим против парфян, потом Сасанидов. Затем это были византийские наследники Рима против арабов, а теперь против тюрок.

К несчастью для Византийской империи, способный и энергичный Василий II скончался, не оставив сильных наследников. В последующие десятилетия наметившееся возрождение померкло и наследники Василия II оказались не вполне готовы противостоять такому внушительному противнику, как Альп Арслан.

В 1050 — 60-х гг. турки уже устраивали набеги на Малую Азию и достигли значительных успехов. Они, в частности, захватили Манзикерт, город близ озера Ван, на крайнем восточном рубеже византийских владений. (Озеро Ван было центром древнего государства Урарту.)

В 1067 г. Византийской империей правил способный генерал Роман Диоген, и Альп Арслан чувствовал, что войны с ним лучше избегать. В любом случае он был более заинтересован в захвате Сирии у шиитских еретиков Фатимидов, чем в войне с простыми христианами. Поэтому он заключил перемирие с Романом и отправился на юг.

Манзикерт, однако, остался в руках турок, и император не смог воспротивиться искушению завершить дело, махнув рукой на перемирие. Он двинулся к городу, и Альп Арслан, получив это известие, с крайней неохотой оставил свое сирийское предприятие и поспешил на север.

В 1071 г. обе армии сошлись у Манзикерта. Роман имел большую армию, чем у Альп Арслана и отверг предложенное мирное соглашение. Византийская армия плотной массой уверенно напирала на центр турецкого фронта. Турки медленно уступали, тратя минимум усилий и вынуждая византийских пехотинцев исходить потом в тот исключительно жаркий летний день.

Когда наступил вечер, византийцы попытались отступить к своим позициям, чтобы возобновить битву на следующий день, но оказалось, что они слишком далеко вклинились в турецкий центр и вражеские линии охватили их с трех сторон гигантским полумесяцем. Альп Арслан, управляя своими людьми с величайшим мастерством, проследил за тем, чтобы рога полумесяца состояли из свежих и мужественных бойцов. Когда они сблизались, турецкая кавалерия выбрала точный момент для удара и одной атакой замкнула окружение.

Византийская армия была уничтожена, Роман Диоген взят в плен. Альп Арслан, однако, так и не вернулся в Сирию. Восстание на дальних восточных рубежах вынудило его отправиться туда и там он и умер в следующем году.

Разгром при Манзикерте означал конец Византийской империи как великой державы. Четыре столетия она в одиночку сдерживала натиск ислама, но теперь ее силы иссякли.

Турки заняли Малую Азию и уже не были изгнаны вновь. Борьба Рима с Востоком, длившаяся одиннадцать столетий, была наконец окончена. Малая Азия стала турецкой и осталась ею до сего дня. Византийской империи суждено было протянуть еще несколько столетий, но в тени. Теперь христиане Западной Европы выступили на арену как величайшие противники ислама.

Мусульманский мир внес свой вклад (невольный, разумеется) в подъем западного христианства, совершив интеллектуальное самоубийство. Оно стало очевидным не сразу, ибо Альп Арслану наследовал в 1072 г. Малик Шах, величайший из сельджукских султанов. Он был больше чем просто полководец. Он строил мечети из уважения к

религии, он строил дороги и каналы из уважения к мирской жизни. Он поощрял ученость и создавал школы в Багдаде.

При нем комиссия ученых, включавшая персидского поэта и астронома Омара Хайяма, провела реформу календаря, создав календарь, который в некоторых отношениях превосходит тот, которым пользуемся мы. Омар Хайям наиболее известен как автор «Рубайят», собрания четверостиший, в 1859 г. переведенных на английский Эдвардом Фитцджеральдом. С тех пор они приобрели громадную популярность в англоговорящем мире и во всей Европе.

В следующем поколении, однако, другой перс наложил свою печать на последующую эпоху. Философские трактаты аль-Газали, опубликованные вскоре после 1100 г., поддерживали традиционную исламскую доктрину против языческой греческой науки. В главном мусульмане последовали за ним, и начался быстрый упадок мусульманской науки. Случилось так, что величайший из всех философов ислама, испанский мусульманин ибн-Рушд, более известный под латинизированным именем Аверроэс, создал свои великие труды об Аристотеле около 1150 г. Они были полностью проигнорированы антинаучно настроенным мусульманским миром, но с энтузиазмом восприняты в западном христианстве. Так, когда началось соскальзывание ислама в интеллектуальную тьму, в западном христианстве начался подъем, который и создал наш современный мир.

Новая версия вечной дуэли между Востоком и Западом, включившая теперь западную ветвь христианского мира, родилась в результате военных побед Малик Шаха.

В 1076 г. Малик Шах наконец ухитрился вырвать Сирию у Фатимидов. Он захватил также Палестину, включая Иерусалим, и этот факт сделал эпоху.

При относительно мягком правлении Аббасидских халифов и египетских Фатимидов христианам всех стран Европы были дозволены паломничества в Иерусалим без серьезных помех. Сельджуки, однако, были исполнены рвения, характерного для новообращенных, и воспринимали как оскорбление один вид неверных. Пилигримы начали страдать от насилий, и в конце концов это привело в Святую землю христианские армии, жаждущие мести.

Естественно, имелось множество веских социальных и экономических причин, объясняющих организацию мощного Западного наступления на ислам именно в данный момент, но простых людей Западной Европы двинуло на поддержку столь отчаянной авантюры то, что мы теперь назвали бы «рассказами о зверствах».

Пилигримы, вернувшиеся из Палестины (или утверждавшие, что оттуда вернулись), бродили от хижины к хижине, и кровь стыла в жилах у всех, кто слышал рассказы о турецких зверствах. Самым удачливым из проповедников стал некий Петр Пустынный, который со временем помог направить оборванную армию крестьян на Восток, к лишениям и гибели (которых он сам каким-то образом избежал).

В 1096 г. настоящая армия под водительством французских вельмож выступила на Восток под знаком креста, нашитого на одежду. То был символ войны христиан против мусульман. Движение получило название «крестовых походов».

## **Ассасины**

Останься Малик Шах в живых или имей оп равню талантливому наследнику, крестовые походы, несомненно, потерпели бы крах с самого начала.

Вообще любые успехи крестоносцев объясняются по большей части внутренними сварями в мусульманском мире. Турецкие успехи означали прочную победу суннитов над шиитами. Настало время контрнаступления шиитов. Исмаилитские экстремисты шиитского движения поддержали Фатимидов против сельджуков, но в 1090 г. они нанесли самостоятельный удар.

Один из исмаилитских вождей, Хасан ибн аль-Саббах, захватил долину в труднодоступной горной стране к югу от Каспийского моря, примерно в 110 км к северу от сельджукской столицы в Хамадане. Долина, окруженная горами, была практически неприступной, и аль-Саббах (как и все его наследники по очереди) стал именоваться Горным Старцем.

Последователей его воспитывали в духе абсолютной преданности Старцу. Говорили, что он учил их жевать хашиш (подобный нынешней марихуане) и объяснял наркотические галлюцинации как небесные видения — видения рая, в который они войдут немедленно, если падут, исполняя свой долг. (Возможно, это была пропаганда со стороны врагов секты.)

По этой причине последователи Горного Старца получили имя хашишинов (потребителей хашиша). Для европейцев они стали ассасинами.

Метод операций новой секты был прост и ужасен. Они не боролись против простых людей и не пытались создавать армии. Вместо этого они организовали сеть тайных агентов, миссией которых было убийство правителей, полководцев и вождей. Они наносили удар в сердце и были практически неодолимы, поскольку убийца, ни в малейшей степени не обеспокоенный собственной безопасностью, почти наверняка рано или поздно достигнет цели. Только невозможность благополучно скрыться мешает исполнению таких планов. Благодаря деятельности секты любое политическое убийство именуется с тех пор в европейских языках *assassination*.

Первой мишенью ассасинов стали, разумеется, вожди суннитов, хотя убийцы целились и в шиитов неправильного толка. (Экстремиста удовлетворить трудно.) Первым великим ударом стало в 1092 г. убийство самого Малик Шаха.

Сельджукская империя развалилась почти сразу, как только различные члены династии включились в борьбу за трон. Как слишком часто бывает в подобных случаях, ни один из претендентов не одержал решительной победы, и, пока братья сражались с братьями, дядьями и кузенами, крестоносцы мечом проложили себе путь в Сирию и, наконец, в 1099 г. достигли Иерусалима, который и подвергли позорному разграблению.

Восточное побережье Средиземного моря было вскоре поделено на христианские княжества под верховенством короля Иерусалима. Была захвачена часть северо-западной Месопотамии и там создано графство Эдесса. Почти пятьдесят лет христианские бароны правили городом, где восемь столетиями раньше римский император Валериан стал пленником персов. В эти полстолетия западное христианство впервые правило в Месопотамии. Такого не повторялось в течение следующих девяти столетий.

Пока крестоносцы и турки вели кровопролитную войну, ассасины наносили удары то здесь, то там, с мрачным беспристрастием поражая обе стороны. Турки пытались



раздавить Горного Старца военной силой, но, когда они попытались проникнуть в дикую горную страну, их легко отбросили. Защищая свою твердыню, ассасины построили дополнительные опорные пункты в Месопотамии и Сирии, установив на полтора столетия уникальное правление террора. Ни один правитель на Среднем Востоке не мог спать спокойно.

Сельджуки, разобщенные между собой, не могли организовать общего контрнаступления против крестоносцев. Когда оно началось, его возглавил вовсе не турок, но человек армянского происхождения, родившийся в Месопотамии. То был Салах аль-Дин («честь веры»), и родился он в Тикрите на Тигре, на полпути между Багдадом и древними руинами Ниневии. Жизнь искателя приключений в битвах против крестоносцев привела его к власти в Египте. В 1171 г. он отменил правление Фатимидов и провозгласил возвращение Египта к суннитской доктрине.

Он реформировал правительство и экономику Египта и занял Сирию. В 1187 г. он разгромил крестоносцев и отнял у них Иерусалим, быстро вернув под знамена ислама почти все остальные территории, которые они удерживали.

Понадобился новый крестовый поход, с Ричардом Львиное Сердце в качестве главного вождя, чтобы восстановить христианские позиции хотя бы отчасти. Мусульманский вождь завоевал в легендах бессмертную славу под именем Саладин, которое дали ему христиане.

## **Ужас из Центральной Азии**

Но пока христиане и мусульмане сражались на кровавых полях Палестины и Сирии, свежее и самое чудовищное вторжение зрело в Центральной Азии.

Основа посягательства монголов на роль в мировой истории была заложена в 1206 г., когда их вождь Темучжин успешно завершил объединение различных монгольских племен. Он немедленно принял имя Чингизхана («повелителя Вселенной») и, должно быть, понимал новый титул буквально, ибо немедленно приступил к программе неограниченных завоеваний. Программа эта могла показаться довольно глупой, ибо монголов насчитывалось не больше миллиона, а окружали их могущественные цивилизации с развитой технологией.

Чингиз, однако, удивил мир. Он был гениальным организатором, на столетия опередившим свою эпоху в военной стратегии. Он был первым человеком, который знал, как вести войну в поистине континентальном масштабе, первым человеком, понимавшим блицкриг в его современном смысле. Его всадники проходили сотни миль отдельными отрядами, чтобы собраться в нужном пункте, указанном заранее, а в пути сигналами и гонцами поддерживая связь друг с другом. Практически не сходя со своих мохнатых лошадок, монголы могли покрывать огромные расстояния со скоростью, неслыханной в условиях войны вплоть до изобретения двигателя внутреннего сгорания.

Как ассирійцы, монголы использовали в качестве оружия террор, вырезая население оптом повсюду, где оказывалось малейшее сопротивление, но всегда оставляя в живых мастеров всех сортов и используя их мастерство в следующих завоеваниях.

Чингиз умер в 1227 г., но за двадцать один год походов его армии захватили половину Китая и вломились в восточную Персию.

Чингиз смотрел на мир просто: кочевой образ жизни был единственно правильным. В идеале он был бы не прочь сровнять с землей все города и прикончить всякую цивилизацию. Его с трудом убедили оставить нетронутыми города Китая, приводя аргумент, что мастеровитые городские жители будут ему полезны.

Имея городскую базу на востоке, он мало заботился о населенных областях запада. Массовая резня в Персии и разрушение городов привели к деградации оросительных систем, которые поддерживались только совместными усилиями оседлого населения. Тяжелейший труд столетий погиб, и земли, которые были плодородными путем неустанных человеческих трудов, вновь обратились в полупустыни. Результаты этого чувствуются даже сейчас, более семи столетий спустя.

Чингизхану наследовал его сын Огадей, который расширил монгольскую столицу Каракорум, ныне мертвый город в нынешней Монгольской Народной Республике.

В 1236 г. экспедиционный корпус был направлен против Европы и одержал быстрые победы. Русь и Польша были стремительно захвачены, и монголы, уже нацелившиеся в сердце Германии, были, к счастью для европейцев, остановлены только смертью Огадея в конце 1241 г. Монгольские полководцы должны были вернуться в Каракорум для участия в выборах нового хана.

Здесь возникли некоторые трения, но в конце концов на троне в 1251 г. утвердился Мангу Хан, внук Чингиза. В течение этого десятилетия неопределенности огромная монгольская империя оставалась абсолютно нетронутой. Никто не посмел выступить против нее. Монголы называли себя татарами. Но для перепуганных европейцев они стали «тартарами» — всадниками из Тартара (Ада).

С Мангу, утвердившимся наконец на троне, монгольская программа завоевания мира была возобновлена. Брату Мангу Хубилаю была доверена задача покорения того, что осталось от Китая, в то время как другой брат, Хулагу, был назначен командовать кампанией против мусульманского мира.

Хулагу начал кампанию в 1255 г., двинувшись от Аральского моря на юго-запад. Он обошел Каспий и послал своих воинов в замкнутую долину Горного Старца. Ассасины были неуязвимы для лучших армий и самых способных генералов, которых мусульмане высылали против них, но для монголов это была детская игра. Они вымели их из долины и одним ударом лишили всякого значения. Остатки исмаилитов существуют до сего дня. С 1800 г. их вождь носит титул Ага Хана, но эти вожди известны теперь, скорее в качестве плейбоев, чем наводящих ужас убийц.

Армия Хулагу устремилась затем в Месопотамию. Вестники помчались вперед с призывом к халифу явиться перед Хулагу в качестве просителя и с приказом разрушить Багдад.

Халифом был тогда аль-Мутасим. Он ранее отказался от союза с монголами против ассасинов и теперь отказался покориться. Где и как он нашел мужество (или безумие) для этого, мы не можем сказать. На монголов это не произвело впечатления. В 1258 г. они отбросили армию, собранную халифом, стремительным броском захватили Багдад и подвергли его варварскому разграблению, продолжавшемуся много дней. Полагают, что перерезаны были сотни тысяч жителей, сокровища, накопленные столетиями, были безжалостно уничтожены.

Аль-Мутасим получил печальное отличие: он стал последним из Аббасидских халифов Багдада, династии, появившейся на арене пять столетий назад. Согласно одним рассказам, его задушили, согласно другим — забили пинками до смерти.

Но сам халифат, хотя и пришел к концу в Багдаде, не был уничтожен полностью. Ради чисто пропагандистских целей правители Египта подобрали одного из членов семьи Аббасидов, ухитрившегося избежать общего уничтожения в Багдаде, и провозгласили его халифом. Аббасидский халифат в Египте признавался только в этой стране, но он оставался там два с половиной столетия.

Еврейская община в Месопотамии с приходом монголов также практически прекратила свое существование после восемнадцати столетий пестрой истории, восходящей к эпохе Навуходоносора. Жизнь ее тускнела уже несколько столетий, и еврейское интеллектуальное лидерство переходило в другие мусульманские области, к Египту и Испании.

Но не только халифат и еврейская община перестали существовать в Месопотамии. Разрушения и истребление населения означали гибель системы орошения. Правда, она уже целое столетие переживала упадок, но со временем могла быть восстановлена, как восстанавливалась множество раз в прошлом. То, что произошло после монгольского опустошения, сделало восстановление невозможным.

Можно поражаться вандализму монголов. Каналы поддерживали высокую цивилизацию Месопотамии в течение пяти тысяч лет. Вторжения, разрушения, темные века приходили и уходили, но каналы сохранялись и богатство Месопотамии, как бы его ни растрачивали и ни проматывали, всегда возвращалось.

Теперь оно кончилось. Система каналов умерла, и Месопотамия впала в гнилую нищету, сохранившуюся до сего дня. Слава страны наконец ушла и до сих пор не вернулась.

В 1259 г. умер Мангу Хан и Хубилай наследовал ему. Он вступил на трон величайшей империи, когда-либо управлявшейся одним человеком. От Тихого океана до Центральной Европы он контролировал около 18 млн. кв. км, одну треть поверхности суши Восточного полушария. Эти рекордные размеры империи с непрерывной территорией не были превзойдены до сего дня <sup>[12]</sup>.

Но как раз в момент, когда Хубилай взшел на этот беспримерный трон, забрезжил первый луч заката. Ненасытный Хулагу, завершив завоевание Месопотамии, двинулся в Сирию.

Как ни странно, некоторые группы населения его приветствовали. Главная жена Хулагу была несторианка, и монгольских вождей вообще интересовало христианство. Христианам Среднего Востока монголы казались потенциальными союзниками в борьбе против мусульман.

Но одна мусульманская держава еще стояла на пути монголов. В Египте правили наследники Саладина, но фактический контроль над страной находился в руках своеобразной военной касты рабов — мамелюков (от арабского слова, означающего «раб»). Вождем мамелюков в момент, когда не знавшие ни единого поражения монголы готовы были броситься па Египет, был Бейбарс, огромный человек, исполненный ярости и почти маниакальной храбрости. Он повел своих мамелюков в Сирию, и в 1260 г. близ

Дамаска они встретились с монголами. Бейбарс лично возглавил бешеную атаку, которая сломила монгольскую армию!

То было первое поражение, понесенное монголами за полстолетия непрерывной экспансии. Оно спасло Египет, но эффект от него был значительно больше. Оно показало миру, что всадники из Ада, демонические татары, могут быть разбиты. Расширение монгольской империи остановилось.

Персия и Месопотамия остались под властью Хулагу даже после того, как победа Бейбарса остановила монголов. Хулагу сделался Иль-Ханом (губернатором страны), и его наследники также назывались ильханами.

Вначале ильханы были настроены антимусульмански. Сын Хулагу, который наследовал ему в 1265 г., был (как и его отец) женат на христианке, византийской принцессе. На христиан в его владениях смотрели благосклонно, предпринимались попытки завязать дипломатические связи с государствами Западной Европы. Население страны, однако, упрямо оставалось мусульманским.

В 1295 г. на трон взошел новый ильхан Газан, и с ним наконец период борьбы с неизбежным пришел к концу. Он принял обращение в ислам, и «холодная война» между правителями и управляемыми закончилась. Он также официально провозгласил независимость от центрального монгольского правительства. (Хубилай умер в 1294 г., и с его смертью монгольское единство развалилось.)

Теперь монгольское правление смягчилось. Китай в это время ввел в обращение бумажные деньги, и там, где население доверяло этим бумагам, они стали удобным заменителем металлических монет. Ильханы, сделавшиеся теперь прогрессистами, попытались ввести новую систему в собственном королевстве. Попытка провалилась. Люди не принимали лоскутки бумаги с надписями на них в обмен на ценные вещи. Возник финансовый хаос, и эксперимент пришлось прекратить.

Интеллектуальная деятельность оживилась, при ильханах активно работал ученый по имени Рашид аль-Дин. Он родился в Хамадане около 1250 г., стал врачом, служил как визирь и составил историю монголов. При этом он писал также об Индии и Китае, и даже об отдаленной Европе, то есть обо всех народах, затронутых монгольским завоеванием или давлением. То была первая попытка создать всемирную историю — впервые такой проект был предпринят в близком к современному смысле.

## **Оттоманы**

Монгольский ураган уничтожил последние остатки сельджукского господства. Явилось, однако, новое турецкое племя и добилось преобладания по мере того, как власть монголов тускнела.

Первой значительной фигурой в этом новом племени был Осман I. При нем и его наследниках племя приобрело известность под именем турок-османлисов, или, чаще (хотя и неправильнее), оттоманских турок.

Осман сделался вождем в 1290 г. и начал распространять свою власть в Малой Азии. При его сыне Орхане I, наследовавшем трон в 1326 г., была занята остальная Малая Азия. В 1345 г.

Орхан воспользовался гражданской войной в Византии, форсировал проливы, и турки впервые появились в Европе.

Турецкие силы упорно сжимали византийскую территорию, пока у империи не остался почти один Константинополь. К 1391 г. оттоманский султан Баязет I устроил практически постоянную осаду. Он был на пороге захвата города, когда новое и неожиданное нападение с Востока отвлекло его внимание.

Нападение возглавлял завоеватель, претендовавший на происхождение от Чингизхана, и действительно, он, кажется, обладал всей мощью легендарного Чингиза. Никто не мог устоять против него. Имя его было Тимур, но он был более известен под прозвищем Тимур-ленг («Тимур хромой»), переделанным европейцами в Тамерлан.

Центр его владений находился в Самарканде, около 1000 км к востоку от Каспийского моря, и он добился верховенства над большинством уцелевших монгольских княжеств. Он даже проник глубоко в Россию, заняв в 1382 г. Москву <sup>[13]</sup>.

Силы ильханов Персии были к тому времени настолько ослаблены и подорваны, что они не оказали серьезного сопротивления. К 1395 г. Тимур захватил все их владения, затем отправился походом в Индию, взял Дели и разграбил его.

Ему было тогда почти семьдесят, но ужасный старик не позволял возрасту остановить его. В 1400 г. он вторгся в Сирию и восстановил престиж Центральной Азии после неудачной попытки Хулагу, ибо он встретил армию мамелюков, разгромил ее и занял Дамаск.

Затем он бросился на Багдад, который еще держался. В 1401 г. он взял город, и если разграбление было не столь разрушительным, как при Хулагу, то лишь потому, что разрушать уже было почти нечего. Около 20 тыс. жителей было перерезано.

Наконец Тимур вторгся в Малую Азию, и именно это отвлекло Баязета от осады Константинополя. В 1402 г. Тимур встретил турецкую армию у Анкары, в центре полуострова, и раздавил ее. Оттоманские владения были потрясены до самого основания, и гибнущему остатку Византийской империи были подарены последние полстолетия жизни.

Власть Тимура простиралась, грубо говоря, на земли, составлявшие когда-то империю Сасанидов. Теперь он подготовил большой экспедиционный корпус и к концу 1404 г. повел его на восток, чтобы завоевать Китай. Но это ему не удалось.

Возраст побеждает всех. Тимур умер через месяц после начала похода, и его тело было отослано назад в Самарканд.

В столетие после смерти Тимура на Среднем Востоке царила неразбериха, а его наследники ссорились между собой. Власть их медленно дробилась и клонилась к упадку, а власть оттоманских турок возрождалась.

В 1451 г. султаном возрожденной Оттоманской империи стал Мохаммед II. Он вновь осадил Константинополь и в 1453 г. взял его, наконец. Последний византийский император Константин XI пал в битве, храбро сражаясь. Так, через пятнадцать столетий окончилась линия правителей, восходящая к императору Августу.

Константинополь под новым именем Стамбул сделался столицей Османской империи и остается турецкой столицей до сего дня.

Возрождения Персии пришлось ждать дольше. Оно пришло через благочестивую персидскую семью Сефевидов, основатель которой Сафи аль-Дин жил во времена Хулагу.

К 1501 г. один из членов семьи по имени Исмаил захватил город Тавриз примерно в 240 км к западу от Каспийского моря и отсюда установил власть над Персией. Страна с давних пор была ареной идейной борьбы между суннитами и шиитами, но на этот раз подъем переживали сунниты. Исмаил I, однако, трудился над возвращением своих подданных к шиизму и преуспел в этом. Со времени его правления в Персии преобладают шииты.

Османская империя, с другой стороны, оставалась фанатично суннитской и глядела на подъем Персии с величайшим неудовольствием. В 1512 г. султаном стал Селим I. Его прозвали Селим Угрюмый, и он действительно был угрюмым воином. В 1516-м и 1517 гг. он завоевал Сирию и Египет, присоединив их к своим владениям. В Египте он захватил в плен последнего из Аббасидов, бежавших туда из Багдада после монгольского разгрома. Согласно позднейшим историям, Селим вынудил последнего Аббасида передать ему титул халифа. Позднейшие османские султаны прочно за него держались.

Селим также померился мечами с Исмаилом. Вожди суннитов и шиитов сошлись у Халдирана в Армении 23 августа 1514 г. Селим победил и захватил контроль над областью к западу от Каспия, откуда двенадцать лет назад Исмаил начинал собственную карьеру завоевателя.

Исмаил, однако, устоял. Когда Селим повернул на юг в Сирию и Египет, Исмаил ухитрился воспрепятствовать дальнейшему продвижению турок на восток. Он сумел даже установить свою власть над Месопотамией, которая, как и Персия, сделалась шиитской.

Дуэль, которая так долго шла из-за Армении и Месопотамии между римлянами и персами, потом между христианами и мусульманами, возобновилась в третий раз на новой основе. На этот раз это были сунниты против шиитов и дуэль продолжалась четыре столетия.

## Глава 12. ЕВРОПЕЙЦЫ



### Возвращение людей Запада

Но Западная Европа еще раз дала ощутить свое присутствие на Среднем Востоке. Последние крестоносцы были изгнаны из Сирии в 1291 г., но Европа вернулась с другой стороны и в новом обличье. Медленно, под водительством держав крайнего Запада, Португалии и Испании, Европа вскормила расу моряков, которые уходили далеко в

открытый океан и устанавливали политический контроль над землями, которых они достигали.

Самым удачливым из ранних португальских империалистов был Альфонсо де Альбукерки. Он прошел побережья Индийского океана и в 1510 г. высадился на острове Ормуз в устье Персидского залива. Он захватил также владычество над прилегающими участками материка. Шах Исмаил энергично протестовал, но, будучи занят смертельной борьбой с оттоманами, он мало что мог сделать помимо этого.

Исмаилу наследовал его одиннадцатилетний сын Тахмасп I, и Персия при малолетнем правителе должна была противостоять Оттоманской империи под властью величайшего из султанов — Сулеймана Великолепного.

Сулейман бил персов раз за разом, вынудив Тахмаспа перенести столицу на восток, в Казвин, близ того места, где четыреста лет назад пряталась цитадель ассасинов. Более того, Сулейман вырвал Месопотамию из рук персидских шахов.

В правление Тахмаспа в Персию проник первый англичанин. Энтони Дженкинсон состоял на службе компании, поставившей себе целью развитие и расширение торговли между Англией и Россией. Одним из возможных торговых путей мог стать сухопутный путь через Персию, и в 1561 г. Дженкинсон прибыл к персидскому двору в Казвине для переговоров об установлении такого торгового пути. Он не добился успеха, ибо антихристианские чувства в Персии были слишком сильны.

В 1587 г. шахом стал Аббас I. Он был самым способным из Сефевидов, и его иногда называют Аббасом Великим. Он работал над реформированием армии, чтобы приблизить ее по силе к турецкой. В этом он получил неожиданную помощь. В 1598 г. в его страну прибыло несколько англичан, стремившихся сговориться о союзе Персии и христианской Европы против Оттоманской империи. Глава английской миссии сэр Роберт Ширли оказался способным солдатом.

Сэр Роберт остался на службе у Аббаса и помог ему построить новую армию. В результате в 1603 г. Аббас почувствовал, что он в состоянии напасть на турок. Он отнял обратно все территории, отданные Селиму и Сулейману. В частности, он вернул себе Месопотамию и с триумфом вступил в Багдад.

В правление Аббаса I Персия процветала. Шах основал новую прекрасную столицу в Исфахане, в 500 км к югу от Казвина. Он улучшил дорожную сеть в своих владениях и поощрял учреждение английских и голландских торговых факторий.

Он с горьким негодованием относился, однако, к присутствию португальцев на южном берегу, где они прочно держались уже целое столетие. С помощью кораблей английской торговой компании он атаковал их и в 1622 г. наконец выгнал. На месте колонии он основал город Бандар-Аббас, назвав его в свою собственную честь.

После смерти Аббаса в 1629 г. Персия быстро покатила к упадку и, к несчастью для нее, на турецком троне как раз появился последний способный правитель. То был Мурад IV, последний из оттоманских султанов-воинов. Сразу же после смерти Аббаса Мурад бросился на восток, разграбив в 1630 г. Хамадан. В 1638 г. он захватил Багдад. Еще раз Месопотамия стала турецкой, и на этот раз навсегда, в том смысле, что она никогда больше не вернулась под власть персов.

В следующем столетии с востока пришли еще худшие неприятности. Афганские племена завоевали независимость (и началась история современного Афганистана). В 1722 г. афганская армия ворвалась в Персию и разбила куда более многочисленную персидскую армию. Афганцы взяли Исфахан и положили конец славному столетию истории города.

## Русские

Пока Персию рвали с востока и с запада, она почувствовала также новое европейское давление, на этот раз на суше и с севера, когда русские, освободившись наконец от татарского господства, двинулись на юг.

Пока Персия шаталась под натиском афганцев, в России правил величайший из царей — Петр Великий. Он выбрал удобный момент для движения на Кавказ, и далее некоторое время казалось, что Персия должна исчезнуть, разделенная между турками, русскими и афганцами.

То, что этого не случилось, объясняется появлением способного полководца, Надир Кули. Он был турком-суннитом по происхождению, но персом по устремлениям. Он разбил афганцев, сдержал Оттоманскую империю и сохранил Персию в живых. В 1736 г. он сместил Аббаса III, последнего из Сефевидов (правивших Персией два с лишним столетия) и сам сделался правителем под именем Надир Шаха.

На несколько лет персы, казалось, вновь обрели мощь завоевателей. В 1739 г. Надир вторгся в Индию, разграбил Дели и увез с собой громадные богатства — на сумму около полумиллиарда долларов. Он проник в Среднюю Азию и даже разбил турок на берегах Черного моря. На мгновение империя Сасанидов казалась восстановленной.

Однако даже завоевания стоят денег и могут обойтись дороже, чем нация может себе позволить. Кроме того, Надир пытался установить суннизм в качестве официальной религии, и шиитское население сражалось против этого с яростным упорством. Оставался только один возможный исход — заговор и барабаны мятежа. В 1747 г. Надир пал жертвой убийц.

В запутанные полстолетия, следовавшие за этим, персидская столица меняла место несколько раз. В 1796 г. она разместилась в Тегеране, в 110 км к югу от Каспия. С тех пор город остается столицей Персии.

К этому времени основное давление на Персию начали оказывать европейцы: русские на севере и британцы (утвердившиеся в Индии) на юге.

С Россией Персия вела ряд войн, которые, в целом, проиграла, и область российского контроля расширилась к югу, на Закавказье. В 1828 г. граница достигла линии, которая еще существует сегодня, в 110 км к северу от Тавриза.

Восточнее Каспийского моря русское продвижение на юг продолжалось. К 1853 г. русские армии стояли на берегах Аральского моря. К 1884 г. они продвинулись на 650 км на юг и установили постоянную границу с Персией.

Великобритания пыталась защитить Персию от русского наступления, не столько из бескорыстной любви к Персии, сколько из страха перед Россией. Если бы Персия полностью попала под российский контроль, возникла бы угроза британскому



владычеству в Индии. Именно соперничество Британии и России в Азии привело к Крымской войне 1853 — 1856 гг.

Во второй половине XIX в. Персия едва ли могла считаться независимой. Она была пронизана русскими и персидскими влияниями, противоречащими друг другу, а интересы самих персов не считались ни во что.

Почти единственной вещью, которую персы могли сделать самостоятельно, было основание новой религии. Она пришла из Шираза, расположенного недалеко от того места, где 2 тыс. лет назад возвышался древний Персеполис.

В 1844 г. Мирза Али Мохаммед, уроженец Шираза, объявил себя Бабом (это означает «врата»), то есть вратами, через которые придет божественное откровение. На деле он проповедовал некую форму шиизма, к которой были добавлены элементы иудаизма и христианства. Движение увлекло людей, но быстро столкнулось с неодобрением правоверных шиитов. В 1850 г. Баб был казнен, его последователи подверглись жестоким гонениям и, в конце концов, в 1864 г. были изгнаны из страны.

Один из последователей Баба называл себя Баха-улла («Божье великолепие»). Он сумел пробраться в Багдад, где проповедовал новую версию новой религии, версию, которую в его честь называли бахаизмом. Она даже более эклектична, чем бабизм, ибо проповедует единство всех религий. Она не имеет ни священников, ни ритуала, но ограничивается этическим учением.

Турецкое правительство в Константинополе обрадовалось новой доктрине не больше, чем персидское, и Баха-улла был выслан в Палестину (которая при турках стала захудалой, полупустынной, почти заброшенной землей). Баха-улла умер там в 1892 г., но мировая штаб-квартира бахаизма остается в Хайфе до сего дня.

До смерти Баха-уллы новая религия была ограничена мусульманским миром. В 1890-х гг., однако, она начала распространяться на запад и теперь сильнее в Соединенных Штатах, чем в любой другой стране мира.

## **Германцы**

Российско-британское соперничество продолжалось бы до бесконечности, если бы Британия и Россия не столкнулись лицом к лицу с новым врагом. В 1871 г. различные германские государства объединились, образовав Германскую империю, которая быстро сделалась наиболее процветающим и сильнейшим в военном отношении государством Европы.

Когда в 1888 г. Вильгельм II сделался германским императором, он по глупости начал полную нездоровых фантазий внешнюю политику, которая перепугала весь остальной мир. Россия боялась большой и сильной армии на своих западных границах, а Британия опасалась нового и технически совершенного военного флота, к строительству которого приступила Германия.

Испытывая обоюдный страх перед Германией, два старых врага не могли не сблизиться. В 1907 г. они заключили неформальное соглашение. Отчасти соглашение касалось Персии. Россия должна была признать за Британией исключительное право контроля над побережьем Персидского залива, а Британия должна была признать российский контроль

над побережьем Каспия. Между двумя зонами лежала нейтральная полоса, державшая две державы достаточно далеко друг от друга, чтобы не причинять друг другу затруднений.

Таков был конкретный ответ на германскую попытку создать собственную опору на Среднем Востоке. В Турции (остатке сильно сократившейся Османской империи) германское влияние росло, и в 1892 г. германская компания получила позволение построить железную дорогу через Малую Азию и Месопотамию до Багдада.

Наконец, в 1914 г., когда разразилась Первая мировая война с Германией, на одной стороне, и Россией и Британией — на другой, Турция присоединилась к Германии, но Персия объявила себя нейтральной.

Персия и Средний Восток вообще были важным стратегическим путем, через который Британия и Россия могли поддерживать контакт и окружить германскую группу держав. В 1914 г. поэтому, немедленно после того, как Турция вступила в войну, британцы высадили десант в Басре, на турецкой территории, близ северного конца Персидского залива. Весной 1915 г. британские силы начали поход вверх по течению, нацеливаясь на Багдад.

К ноябрю британцы достигли места, где стоял некогда древний Ктесифон, и там столкнулись в сражении с турками. Но наступление было нелегким, жара и болезни собирали свою жатву, и хотя битва с турками не кончилась полным поражением, британская армия была достаточно ослаблена, чтобы рекомендовать отступление.

Британцы отступили в Кут-аль-Имару, городок на Тигре примерно в 160 км ниже Багдада. В декабре турки его осадили, и пять месяцев британская армия (состоявшая, кстати, в основном из индийцев) страдала от голода и ран. Три попытки освободить осажденных потерпели неудачу. 29 апреля 1916 г. британская армия была вынуждена сдаться.

К концу года разозленные британцы собрали армию побольше, получше экипированную, и вновь двинулись в Месопотамию. В январе 1917 г. они дали сражение при Кут-аль-Имаре и на этот раз одержали победу и взяли город. 11 марта британцы были в Багдаде, и впервые за одиннадцать столетий своей истории столица халифов услышала шаг христианских завоевателей.

В 1918 г. война кончилась полной победой Великобритании и ее союзников (включая Соединенные Штаты как «ассоциированную державу», но исключая Россию, которая провалилась в хаос революции и вышла из войны).

Вскоре после заключения мира Османская империя окончила свое шестисотлетнее существование.

Те же турецкие подданные, которые оставались у нее к 1918 г., получили свободу, но не вполне. Месопотамия стала, в теории, независимым государством Ирак, но фактически британцы управляли страной по мандату, выданному Лигой Наций (миротворческий союз наций, образованный после Первой мировой войны).

Иракцам такая система не нравилась. В 1920 г. они восстали против новых британских хозяев, но мятеж был легко подавлен. В 1921 г. Фейсал I, представитель влиятельной арабской семьи, сотрудничавшей с британцами во время войны, стал королем Ирака. Получив собственного короля, Ирак почувствовал больше уважения к себе, страна успокоилась и двадцать лет мирно сотрудничала с британцами.

Персия тем временем приобрела больше истинной независимости, чем раньше. Новое революционное правительство России делало все, что могло, для сохранения собственной территориальной целостности. Россия не могла себе позволить империалистические авантюры. Даже Британия, понесшая тяжелые потери в мировой войне, уже не так стремилась к дальнейшему расширению своей распухшей (четверть поверхности суши на планете) империи.

В 1921 г. персидский армейский офицер Реза Хан захватил контроль над турецким правительством и в 1925 г. объявил себя шахом. При нем Персия пережила широкое национальное возрождение. Британское влияние уменьшилось, были подписаны договоры с Советским Союзом и Турцией, страна модернизировалась. В 1935 г. она официально стала Ираном, вернув себе древнее название вместо греческого «Персия».

В 1930-х гг., однако, повсюду на Среднем Востоке росло недовольство. Евреи проникали в Палестину и упорно стремились к созданию независимого еврейского государства (движение под названием «сионизм»). Этому противодействовали различные мусульманские государства Среднего Востока. Поскольку евреев поддерживало в некоторой степени общественное мнение Запада, популярность Запада среди арабских националистов падала, особенно потому, что он был уже непопулярен, не давая арабским государствам полной независимости.

Хуже того, Германия, возрождавшаяся в 1930-х гг., попала под власть демонического Адольфа Гитлера. Его программа включала фанатичные антиеврейские позиции, которые нравились антиссионистски настроенным арабам. Гитлер не жалел сил, чтобы склонить народы Среднего Востока на свою сторону в великой войне, которую он планировал.

Так, когда в 1939 г. разразилась Вторая мировая война, Средний Восток снова стал полем битвы.

Гитлеровская Германия выиграла первые раунды войны, полностью разгромив Францию и вынудив Великобританию к отчаянной оборонительной битве в изоляции. Правительство Ирака решило, что с Британией покончено и настал момент установить с германской помощью собственную независимость.

С Британией, однако, вовсе не было покончено. В мае 1941 г. британские вооруженные силы вошли в Ирак, разбомбили аэродромы и заняли Багдад.

В июне 1941 г. германцы вторглись в Советский Союз и еще раз Британия и Россия заключили союз против общего врага. Снова стало необходимо установить коммуникационные линии между двумя державами, и выбор персидского пути представлялся очевидным. Симпатии шаха Реза Хана были, однако, отчетливо прогерманскими.

Великобритания и Советский Союз не могли позволить себе с ним церемониться. В августе 1941 г. они начали объединенное вторжение в Иран, заставили шаха отречься и установили через персидскую территорию надежные коммуникационные линии.

Ход войны начал медленно поворачиваться, особенно когда Соединенные Штаты, после Перл-Харбора, вступили в войну. В 1945 г. Германия вторично потерпела поражение, которое было куда более тяжелее прежнего.

## **Израиль**

В теории Ирак получил независимость в 1932 г. и в том же году был принят в Лигу Наций. Великобритания, как показали события Второй мировой войны, еще сохраняла решающее влияние.

После завершения Второй мировой войны, однако, Британия оказалась не в состоянии поддерживать свою империю в целостности. Подлинная независимость Ирака начинается с этого момента.

Три события повлияли на послевоенную судьбу Ирака.

Во-первых, нефть приобрела для мировых индустриальных держав решающую важность. Автомобили, грузовики, поезда, корабли и самолеты работали на нефти, без нее нельзя было вести войны. Средний Восток, как оказалось, обладал величайшими в мире запасами нефти, и великие индустриальные державы сошлись в ожесточенном соперничестве над клочками территории, не имевшими в остальном никакой важности. Более половины национального дохода Ирака поступало от продажи нефти иностранным державам.

Во-вторых, в послевоенный период осталось всего две великие индустриальные державы — Соединенные Штаты и Советский Союз. Их соперничество выразилось во всем, кроме открытой войны, прямого применения силы. Остальной мир вынужден был так или иначе реагировать на эту «холодную войну». Большинство стран вставало на ту или другую сторону.

Страны, говорящие по-арабски («арабский блок»), тянуло в обоих направлениях. С одной стороны, Советский Союз был северным соседом с историей, лишенной добрососедства. Кроме того, правители арабского блока, извлекавшие выгоды из архаичной и несправедливой социаль-но-экономической системы, боялись свержения под флагом оплачиваемого Советами коммунизма. Добавим к этому тот факт, что из двух держав Соединенные Штаты были несравненно богаче, являли собой намного лучшего покупателя для нефти и куда охотнее предоставляли займы. Казалось, неодолимая тяга влечет арабов на американскую сторону.

С другой стороны, был и третий фактор, который оказывал на послевоенный Ирак решающее влияние. Евреи в конце концов достигли своей цели и основали независимое еврейское государство. В 1948 г. они провозгласили создание государства Израиль в Палестине. Страны арабского блока, включая Ирак, реагировали на это с крайней враждебностью и начали атаку на новое государство. Они потерпели поражение, и Израиль с триумфом утвердил свое существование.

Это только обострило арабскую враждебность, так, что антиизраильские эмоции затмили для арабов все остальное. Соединенные Штаты явно симпатизировали Израилю гораздо больше, чем Советский Союз, а в глазах некоторых арабских кругов только это и имело значение. Египетский диктатор Гамаль Абдель Насер, захвативший власть в 1954 г., начал сближение с Советским Союзом.

Иракский лидер Нури Паша, для которого доминирующим фактором был антикоммунизм, двинулся в другом направлении. Он вошел в союз с тремя другими исламскими державами, Турцией, Ираном и Пакистаном, чтобы построить прочный антисоветский барьер вдоль южного фланга Советского Союза. Совещания союза проводились в Багдаде, и альянс получил название Багдадского пакта.

Но Турция, Иран и Пакистан не принадлежали к арабскому блоку и их не особенно волновал Израиль. Членство Ирака в таком пакте было неестественно и непопулярно среди иракского населения.

Непопулярность пакта в народе усугубилась в 1956 г., когда Израиль объединился с Англией и Францией в атаке на Египет, которая была остановлена только объединенными усилиями Соединенных Штатов и Советского Союза.

Враждебность к западным державам быстро возрастала, и в 1958 г. под водительством генерала Абдул Керим Касема в Ираке разразилась революция.

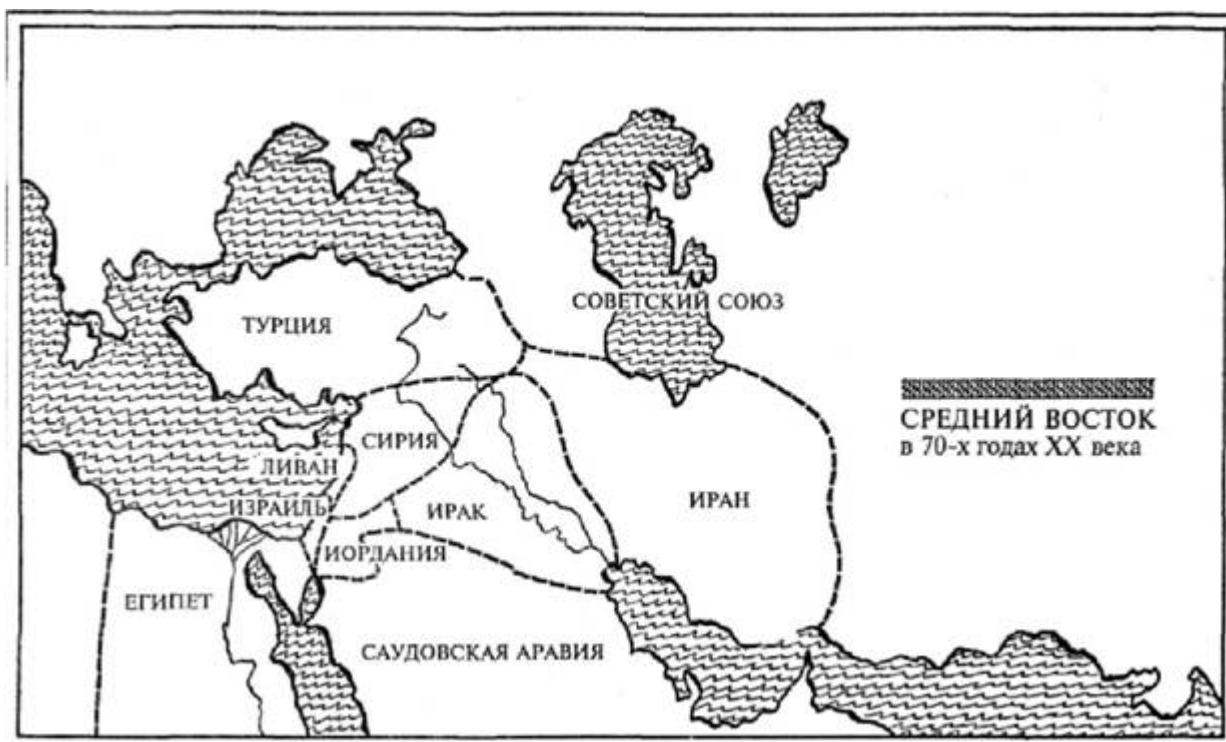
Нури Паша, так же как Фейсал II (ставший королем в 1953 г.), и вся королевская семья были убиты.

При Касеме Ирак существенно сблизился с Советским Союзом. Однако между арабскими государствами существовали серьезные трения. Насер стремился стать единственным лидером арабского мира, а Касем противодействовал ему в этом. В 1963 г. группа армейских офицеров, несомненно при поддержке Египта, захватила власть, убив Касема. После этого Ирак сблизился с Египтом, разделяя стремление Насера «иметь пирог и есть его одновременно», то есть занять позицию просоветскую, но антикоммунистическую.

Наконец, в июне 1967 г. тикающая бомба на Среднем Востоке взорвалась. Арабские страны, вооруженные советским оружием, сомкнулись вокруг Израиля, который, ради самозащиты, нанес внезапный встречный удар. В вихре шестидневной кампании Израиль разгромил трех своих непосредственных соседей, Египет, Иорданию и Сирию, и занял части их территорий.

Ирак не участвовал в кампании непосредственно, но разделил общее арабское унижение.

Молниеносная война каким-то образом осветила трагическую судьбу страны двух рек. 10 тыс. лет назад она вскормила первых в истории земледельцев и горожан. 5 тыс. лет назад она создала первую письменность. Она возвращала империю за империей, и ее города правили миром еще тысячу лет назад.



Но создание и поддержание такой сложной структуры, как цивилизация, далось не бесплатно. Накопленные богатства притягивали с окраин варварские племена, и снова и снова сложная социальная структура Месопотамии подвергалась дезорганизации под болезненными ударами варварских племен.

Новые и новые колебания маятника от империи к варварству и назад иссушили энергию народа, а тысячелетия аграрной эксплуатации постепенно истощили землю. Катастрофа монгольского вторжения, разрушившего каналы, была только последним внезапным актом в процессе непрерывного упадка.

Тем временем творческие удачи и достижения, сделанные на Евфрате, распространялись по миру расширяющимися кругами. Шумерская письменность проникла в Египет, астрономия из Египта и Вавилонии достигла Греции, и ученость из Греции (через посредство стран арабского мира) достигла, наконец, стран Запада.

И теперь Израиль, полностью усвоивший западную технологию, мог держать в страхе арабский мир, в сотни раз превышающий его по численности, но не принявший полностью пути Запада.

Было бы несчастьем теперь, если бы Ирак и другие арабские страны заимствовали на Западе только оружие войны. Они могут, в конце концов, раздавить Израиль своим непомерным весом, но останутся такими же нищими, как прежде, ибо ракеты и реактивные истребители не могут сами по себе излечить болезни, которые осаждают регион.

Мы можем только надеяться, что пути мира станут привлекательными для арабских наций, ибо их территории и возможности достаточно велики для прогресса, несоизмеримого с прошлым, если энергия, растрачиваемая на тоску и злобу, обратится к модернизации технологии, восстановлению почв и обновлению экономической, социальной и политической структуры этих великих и священных земель.

## ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

*Примечание: Датировка до 1000 г. до н. э. приближительна.*



### До нашей эры

**8500** Начало земледелия на северо-востоке от реки Тигр.

**5000** Развитие земледелия в верхнем течении Тигра и Евфрата.

**4500** Начало системы каналов вдоль нижнего Евфрата.

**4000** Шумеры вступают в нижнюю Месопотамию.

**3100** Изобретение письменности шумерами.

**3000** Аккадяне вступают в Месопотамию; начало использования бронзы.

**2800** Великий Потоп.

**2700** Гильгамеш из Урука.

**2550** Эаниатум из Лагаша; установка «Стелы Коршунов».

**2415** Попытка Урукагины из Лагаша провести реформы и его неудача.

**2400** Лугальзаггеси из Уммы объединяет Шумер.

**2370** Саргон из Агаде побеждает Лугальзаггеси; создает Аккадскую империю.

**2290** Нарам-Син; пик развития Аккадской империи.

**2215** Гутеи берут Агаде; разрушение Аккадской империи.

**2150** Гудеа из Лагаша.

**2100** Ур-Намму из Ура; древнейший в мире кодекс законов.

**2000** Элам завоевывает Ур; конец последнего периода шумерского господства; амореи просачиваются в Месопотамию и берут Вавилон; степные кочевники одомашнивают лошадь.

- 1950** Авраам оставляет Ур.
- 1900** Шумерский язык и национальное чувство исчезают.
- 1850** Амореи взяли Ашшур.
- 1814** Шамши-Адад I, первый ассирийский завоеватель.
- 1800** Начало применения конных колесниц; начало набегов хурритов на территории ближневосточных цивилизаций.
- 1792** Хаммурапи из Вавилона.
- 1750** Смерть Хаммурапи, поднявшего Амореюскую империю до максимума развития и заложившего основы величия Вавилона.
- 1700** Создание Хеттской империи в восточной части Малой Азии; касситы вторгаются в Месопотамию.
- 1595** Касситы захватили Вавилон.
- 1500** Финикийцы изобретают алфавит; индоевропейские племена (мидяне) селятся в горах на севере и востоке Месопотамии; другие племена (арии) вторгаются в Индию. Укрепляется царство Митанни и господствует над Ассирией.
- 1493** Тутмос III Египетский побеждает хананеян при Мегиддо; побеждает Митанни и хеттов.
- 1375** Хетты создают новую империю.
- 1365** Ашшурубаллит восстанавливает независимость Ассирии от Митанни.
- 1300** Ассирия поглощает Митанни; в Закавказье изобретена выплавка железа.
- 1275** Салманасар I создает первую Ассирийскую империю.
- 1245** Тукультининурта I (Нимрод); первая Ассирийская империя на вершине могущества.
- 1200** Вторжение «народов моря»; гибель империи хеттов; первая Ассирийская империя сильно ослаблена.
- 1174** Эламиты берут Вавилон и увозят стелу с кодексом Хаммурапи.
- 1124** Навуходоносор I Вавилонский.
- 1115** Тиглатпаласар I Ассирийский; период возрождения Ассирии.
- 1100** Арамеи просачиваются в пределы Плодородного Полумесяца.
- 1050** Ассирия вновь клонится к упадку под давлением арамеев.



**1013** Давид из колена Иуды создает израильскую империю на западной половине Плодородного Полумесяца.

**1000** Хурритские княжества к северу от Ассирии образуют царство Урарту.

**973** Соломон в Израиле.

**950** Халдеи проникают в Месопотамию.

**933** Смерть Соломона; развал Израильской империи.

**900** Мидяне выводят крупную породу лошадей, способных нести вооруженного всадника.

**889** Тукультининурта II в Ассирии; ассирийская армия начинает использовать стальное оружие и осадные машины; вторая Ассирийская империя.

**883** Ашшурнасерпал II в Ассирии; основывает столицу в Калахе; террор и жестокость войн; вторая Ассирийская империя на вершине развития.

**859** Салманасар III в Ассирии.

**854** Израиль и Сирия, объединившись, побеждают Ассирию при Каркаре.

**810** Саммурамат (Семирамида) в Ассирии; новый упадок Ассирии.

**750** Вершина могущества Урарту при Аргишти I; скифы вторгаются в северное Причерноморье и начинают гнать киммерийцев через Кавказ.

**745** Тиглатпаласар III создает третью Ассирийскую империю.

**729** Тиглатпаласар III устанавливает прямое правление в Вавилоне.

**727** Салманасар V в Ассирии.

**722** Саргон II захватывает Самарию и разрушает царство Израиля.

**705** Синахериб устанавливает ассирийскую столицу в Ниневии.

**701** Синахериб осаждает Иерусалим, но терпит неудачу.

**689** Разграбление Синахерибом Вавилона.

**681** Асархаддон в Ассирии.

**673** Асархаддон вторгается в Египет.

**671** Разграбление Мемфиса в Нижнем Египте.

**669** Асархаддон восстанавливает Вавилон; Ашшурбанипал в Ассирии.

**661** Разграбление Фив в Верхнем Египте; третья Ассирийская империя на вершине развития.

- 652** Ашшурбанипал в последней победе над киммерийцами; создается Лидийское царство в западной части Малой Азии.
- 648** Ашшурбанипал побеждает своего брата Шамаш-шумукина (Сарданапала) в Вавилоне.
- 639** Ашшурбанипал берет и разрушает Сузы; приходит к концу история Элама.
- 625** Смерть Ашшурбанипала; Набопаласар захватывает контроль над Вавилоном; Киаксар правит объединенной Мидией.
- 612** Набопаласар берет и разрушает Ниневию; основывает Халдейскую империю.
- 608** Нехо побеждает и убивает Осию Иудейского при Мегиддо.
- 605** Навуходоносор Халдейский побеждает Нехо и последнюю ассирийскую армию; Ассирия и Урарту исчезают из истории.
- 587** Навуходоносор берет и разрушает Иерусалим; начало вавилонского пленения евреев.
- 585** Навуходоносор II осаждает Тир; Халдейская империя на вершине развития.
- 575** Заратустра основывает в Мидии зороастрийскую религию.
- 572** Навуходоносор II вынужден снять осаду с Тира.
- 562** Смерть Навуходоносора II.
- 559** Кир II в персидском княжестве Аншан провозглашает его независимость от Мидии.
- 550** Кир II берет мидийскую столицу Экбатану; конец Мидийской империи; Персидская империя занимает ее место.
- 547** Кир II побеждает Лидию; конец Лидийского царства.
- 539** Кир II берет Вавилон; конец Халдейской империи.
- 538** Кир II позволяет евреям вернуться в Иерусалим.
- 530** Камбиз в Персии.
- 525** Камбиз захватывает Египет.
- 522** Дарий I в Персии.
- 519** Дарий I подавляет восстание в Вавилоне.
- 516** Восстановление еврейского Храма в Иерусалиме.
- 499** Восстание греческих городов Малой Азии подавлено Дарием; Персидская империя на вершине развития.
- 490** Победа афинян над персами при Марафоне.

- 486** Ксеркс I в Персии.
- 484** Разграбление Ксерксом Вавилона; начало последнего упадка города.
- 480** Греки побеждают персов в морской битве при Саламине.
- 465** Артаксеркс I в Персии.
- 424** Дарий II в Персии.
- 404** Артаксеркс II в Персии.
- 401** Артаксеркс II побеждает своего младшего брата Кира при Кунаксе.
- 400** «Десять тысяч» греков под водительством Ксенофонта, отступая от Кунаксы, благополучно возвращаются домой.
- 358** Артаксеркс III в Персии.
- 338** Филипп II Македонский объединяет греков и планирует вторжение в Персию.
- 336** Убийство Филиппа II; Александр III (Великий) наследует македонский трон; Дарий III в Персии.
- 330** Дарий III убит собственными людьми; конец Персидской империи.
- 323** Смерть Александра Великого в Вавилоне.
- 312** Селевк I, один из полководцев Александра, берет Вавилон; основывает Селевкидскую империю; строит новую столицу в Селевкии; Вавилон стремительно клонится к полному упадку.
- 250** Бактрия под властью Диодота I и Парфия при Арсаке I завоевывают независимость от Персидской империи.
- 246** Птолемей III Египетский ненадолго захватывает Месопотамию.
- 217** Антиох III временно восстанавливает контроль Селевкидов над Парфией и Бактрией; вершина развития Селевкидской империи.
- 190** Антиох III побежден римлянами.
- 175** Антиох IV в Селевкидской империи.
- 171** Митридат I в Парфии добивается окончательной независимости; создает Парфянскую империю.
- 168** Восстание евреев против Антиоха IV под водительством Маккавеев.
- 147** Митридат I отбирает Мидию у Селевкидской империи, у которой остается только Сирия.

**139** Разгром парфянами армии Селевкидов и пленение Селевкидского монарха Деметрия II.

**138** Смерть Митридата I.

**129** Парфяне основывают столицу в Ктесифоне; Селевкия остается большим и цветущим греческим городом.

**127** Антиох VII Селевкид погибает в битве с парфянами.

**95** Парфяне ставят Тиграна царем Армении.

**70** Тигран становится самым могущественным монархом Западной Азии; вершина могущества Армении.

**66** Римский полководец Помпей берет Тиграна в плен.

**64** Помпей присоединяет к Риму Сирию и Иудею; конец империи Селевкидов.

**57** Ород I в Парфии.

**53** Римская армия под водительством Красса разгромлена парфянами при Каррах.

**40** Парфяне ненадолго захватывают Сирию и Иудею, вторгаются в Малую Азию. Вершина развития Парфянской империи.

**38** Римский генерал Вентидий побеждает парфян; власть Рима в восточных провинциях восстановлена.

**20** Август, первый римский император, заключает компромиссный мир с Фраатом IV Парфянским.

## **Наша эра**

**51** Вологез I в Парфии.

**63** Вологез I заключает компромиссный мир с римским полководцем Корбулоном; Армения становится буфером между двумя державами.

**115** Римский император Траян завоевывает Месопотамию; вершина расцвета Римской империи.

**116** Римский император Адриан возвращает Месопотамию Парфии.

**165** Римский генерал Авидий Кассий берет и разрушает Селевкию.

**198** Римский император Септимий Север берет Ктесифон; проходит полностью разрушенный Вавилон.

**200** Создается арабское царство Хира.

- 228** Ардашир захватывает Ктесифон; основывает новую Сасанидскую династию; конец Парфянской империи и замена ее Сасанидской Персидской империей.
- 240** Шапур I в империи Сасанидов; начало распространения манихейства.
- 260** Римский император Валериан взят в плен Сасанидами при Эдессе.
- 274** Тюремное заключение и смерть Мани, основателя манихейства.
- 293** Нарсах в Сасанидской империи.
- 297** Римский император Галерий побеждает Нарсаха.
- 301** Ормузд II в Сасанидской империи; неудача реформ.
- 309** Родился Шапур II, правитель Сасанидской империи.
- 337** Шапур II начинает длительную войну против Рима.
- 361** Римский император Юлиан вторгается в Месопотамию и осаждает Ктесифон.
- 363** Гибель Юлиана в Месопотамии.
- 399** Яздигерд I в Сасанидской империи вначале симпатизирует христианам.
- 420** Варахран V (Бахрам Гор) в Сасанидской империи.
- 429** Империя Сасанидов устанавливает контроль над восточной Арменией (Персарменией).
- 439** Яздигерд II в Сасанидской империи; гонения на христиан.
- 457** Фируз в Сасанидской империи.
- 484** Фируз побежден и убит кочевниками-эфталитами; анархия в Сасанидской империи.
- 500** Кавадх в Сасанидской империи восстанавливает стабильность; христианство в империи стало почти полностью несторианским; зороастризм борется с маздакитской ересью.
- 531** Хосрой I в Сасанидской империи; бегство афинских языческих философов к его двору.
- 548** Афинские философы возвращаются в Грецию.
- 589** Хосрой II в Сасанидской империи.
- 603** Хосрой II уничтожает арабское царство Хиру.
- 615** Хосрой II берет Иерусалим.
- 616** Хосрой II осаждает Константинополь; вершина могущества Сасанидов.

- 622** Римский император Ираклий начинает контрнаступление.
- 627** Ираклий побеждает Хосроя близ руин Ниневии.
- 628** Смерть Хосроя II.
- 632** Яздигерд III в Сасанидской империи; Мохаммед объединяет арабские племена и умирает.
- 637** Арабы побеждают Сасанидов при Кадисии; отбирают у Римской империи се азиатские провинции, сократив ее до размеров Византийской империи.
- 642** Арабы побеждают Сасанидов при Нехавенде.
- 651** Смерть Яздигерда III; конец империи Сасанидов.
- 661** Убийство Али; создание Омейядского халифата; начало секты шиитов в исламе.
- 680** Омейяды побеждают шиитов при Кербеле; вершина могущества Омейядского халифата.
- 717** Арабы неудачно осаждают Константинополь.
- 750** Свержение династии Омейядов; утверждение на ее месте Аббасидского халифата; основание исмаилизма.
- 762** Аббасиды устанавливают столицу в Багдаде; начинается окончательный упадок Ктесифона.
- 786** Харун аль-Рашид как Аббасидский халиф.
- 813** Аль-Мамун как Аббасидский халиф; вершина расцвета халифата Аббасидов.
- 833** Халиф аль-Мутасим нанимает тюркских телохранителей.
- 861** Убийство аль-Мутасима; халифат быстро клонится к упадку.
- 900** Вершина развития арабской и персидской науки; аль-Баттани, величайший астроном эпохи и аль-Рази, ее величайший медик.
- 1000** Тюрки из Газни правят Персией; Фирдоуси пишет персидский национальный эпос.
- 1037** Турки-сельджуки под водительством Тугрил Бега захватывают Персию.
- 1055** Тугрил Бег завоевывает Месопотамию.
- 1063** Альп Арслан как султан сельджуков.
- 1071** Альп Арслан побеждает римского императора Роана Диогена при Манзикерте; захватывает большую часть Малой Азии.

- 1072** Малик Шах как султан сельджуков; Омар Хайям пишет рубаи и реформирует календарь.
- 1076** Малик Шах берет Иерусалим; вершина могущества сельджуков.
- 1090** Исмаилиты строят в горах цитадель ассасинов.
- 1096** Западная Европа начинает первый крестовый поход против мусульман.
- 1099** Крестоносцы взяли Иерусалим.
- 1187** Саладин, повелитель Египта и Сирии, берет обратно Иерусалим.
- 1227** Смерть Чингизхана после завоевания северной половины Китая и восточной половины Персии.
- 1255** Монгольский полководец Хулагу вторгается в Месопотамию и разрушает цитадель ассасинов.
- 1258** Хулагу опустошает Багдад и разрушает систему каналов в Месопотамии.
- 1259** Хубилай избран монгольским ханом; вершина могущества Монгольской империи.
- 1260** Монголы терпят поражение от мамелюков Египта; монгольские ильханы у власти в Персии.
- 1290** Осман становится вождем одного из тюркских племен, названных в его честь оттоманскими турками, которые начинают распространяться по Малой Азии.
- 1291** Последние крестоносцы изгнаны из Азии.
- 1295** Газан как ильхан; обращение в ислам; вершина могущества государства ильханов.
- 1324** Орхан I как правитель оттоманов.
- 1345** Турки-оттоманы форсируют Геллеспонт, создав свой первый плацдарм в Европе.
- 1389** Баязет I как правитель оттоманов.
- 1395** Монгольский завоеватель Тамерлан побеждает иль-ханов; конец их династии.
- 1401** Взятие и разграбление Багдада Тамерланом.
- 1402** Тамерлан побеждает турок-оттоманов при Анкаре; берет в плен Баязета I.
- 1403** Смерть Тамерлана.
- 1451** Мохаммед II как правитель оттоманов.
- 1453** Взятие Константинополя турками-оттоманами; конец Византийской империи.
- 1501** Исмаил I берет Таврия; основывает династию Сефевидов, правящую в Персии.

- 1510** Португальский исследователь и завоеватель Альбукерки высаживается на острове Ормуз.
- 1514** Турки разбивают персов при Халдиране и захватывают Месопотамию; вершина могущества Оттоманской империи.
- 1524** Тахмасп I как шах Персии.
- 1561** Английский торговец Энтони Дженкинсон достигает Персии.
- 1587** Аббас I как шах Персии.
- 1603** Аббас I отбирает Месопотамию у турок; переносит столицу в Исфаган; вершина могущества династии Сефевидов.
- 1629** Смерть Аббаса I.
- 1638** Султан оттоманов Мурад IV еще раз захватывает Месопотамию.
- 1722** Взятие и разграбление Исфагана афганцами.
- 1736** Аббас III, последний из Сефевидов, свергнут; Надир Шах правит Персией.
- 1739** Надир Шах вторгается в Индию; разграбление Дели.
- 1747** Убийство Надир Шаха.
- 1796** Столицей Персии становится Тегеран.
- 1844** Основание бахаизма.
- 1892** Германская компания получает позволение построить железную дорогу через Месопотамию.
- 1907** Великобритания и Россия делят Персию на сферы влияния.
- 1915** В ходе Первой мировой войны Великобритания вторгается в Месопотамию.
- 1917** Взятие британцами Багдада.
- 1918** Британцы получают контроль над Месопотамией (Ираком) по мандату Лиги Наций.
- 1921** Фейсал становится королем Ирака.
- 1925** Реза Хан захватывает трон Персии.
- 1932** Ирак получает номинальную независимость; вступает в Лигу Наций.
- 1935** Иран становится официальным названием Персии.



**1941** В ходе Второй мировой войны британцы направляют войска в Ирак; оккупация Багдада. Британцы и русские оккупируют Иран и вынуждают Реза Хана отречься от престола.

**1948** Израиль становится независимым государством.

**1956** Израиль наносит поражение Египту на Синайском полуострове.

**1958** Революция в Ираке; король Фейсал II убит; установлена республика с диктатурой Касема.

**1963** Убийство Касема.

**1968** Израиль побеждает арабских соседей в «шестидневной войне».

## Примечания

### 1

После 1800 г. в мире начала распространяться так называемая «индустриальная революция», позволившая человечеству множиться темпами, невозможными при одном доиндустриальном сельском хозяйстве — но это другая история, выходящая за рамки данной книги. (Примеч. авт.)

[\(обратно\)](#)

### 2

Представление о том, что боги живут на небе, могло проистекать из факта, что древнейшие земледельцы зависели скорее от дождя, падающего с неба, чем от наводнений на реке. (Примеч. авт.)

[\(обратно\)](#)

### 3

Израильтяне, которые вскоре вступают на эту сцену, отличались от народов того времени, отказываясь установить такой пантеон. По крайней мере, те из них, которые настаивали на единственном Боге, в конце концов победили. (Примеч. авт.)

[\(обратно\)](#)

### 4

Вил — это Бел-Мардук. (Примеч. перев.)

[\(обратно\)](#)

### 5

В русском переводе Библии его имя читается как Навуходоносор. (Примеч. перев.)

[\(обратно\)](#)

## **6**

В русской транскрипции Навуходоносор. (Примеч. перев.)

[\(обратно\)](#)

## **7**

В русском переводе этой книги Ксеркс именуется Артаксерксом. (Примеч. перев.)

[\(обратно\)](#)

## **8**

Отсюда и ниже все даты, кроме оговоренных как «до н. э.», относятся к нашей эре, после Рождества Христова. (Примеч. ред.)

[\(обратно\)](#)

## **9**

Перевод О. Румера. (Примеч. перев.)

[\(обратно\)](#)

## **10**

Отсюда русское название игры. (Примеч. перев.)

[\(обратно\)](#)

## **11**

Начиная с сельджуков, тюркские племена, постепенно захватывавшие контроль над Закавказьем, Месопотамией, Малой Азией и Ближним Востоком, принято именовать турками, а их новые владения — турецкими владениями. (Примеч. перев. )

[\(обратно\)](#)

## **12**

Ошибка автора. Российская империя, а вслед за ней Советский Союз занимали более 22 млн. кв. км непрерывной территории. Другое дело, что три четверти этой территории составляли (и составляют) бесплодная тундра, тайга и пустыни, абсолютно непригодные для сколько-нибудь значительного заселения и хозяйственного освоения, за исключением добычи полезных ископаемых. (Примеч. перев.)

[\(обратно\)](#)

## **13**

Ошибка автора. Тимур никогда не брал Москву, Москву брал хан Тохтамыш. Напротив, не исключено, что ужасающий разгром, которому подверг Тимур поволжские татарские ханства, существенно и надолго подорвал их боеспособность, облегчив Москве борьбу с ними вплоть до эпохи Ивана Грозного. (Примеч. перев.)

[\(обратно\)](#)

Оценка прочитанного:

## Оглавление

- [Глава 1. ШУМЕРЫ](#)
- [Первые земледельцы](#)
- [Животворные реки](#)
- [Великие изобретения](#)
- [Величайшее изобретение](#)
- [Потоп](#)
- [Войны](#)
- [Глава 2. АККАДЯНЕ](#)
- [Первая империя](#)
- [Кочевники-завоеватели](#)
- [Город Авраама](#)
- [Глава 3. АМОРЕИ](#)
- [Входит Вавилон](#)
- [Смена богов](#)
- [Столп Закона](#)
- [Пришествие коня](#)
- [Глава 4. АССИРИЙЦЫ](#)
- [Великий охотник](#)
- [Железо](#)
- [Ассирийский Гитлер](#)
- [Кони становятся крупнее](#)
- [Царица, которой не было](#)
- [Политика депортаций](#)
- [Последняя династия](#)
- [Крах и ярость](#)
- [На вершине могущества](#)
- [Царственный библиотекарь](#)
- [Глава 5. ХАЛДЕИ](#)
- [Конец Ниневии](#)
- [Раздел добычи](#)
- [Вавилон во всей славе своей](#)
- [Евреи в изгнании](#)
- [Царственный антикварий](#)
- [Глава 6. ПЕРСЫ](#)
- [Благородный завоеватель](#)
- [Война света и тьмы](#)
- [Организатор](#)
- [Конец Мардука](#)
- [Битва братьев](#)

- [Глава 7. МАКЕДОНЯНЕ](#)
- [Союз против Персии](#)
- [Давид побеждает Голиафа](#)
- [Вавилон уходит](#)
- [Обаяние Запада](#)
- [Глава 8. ПАРФЯНЕ](#)
- [Селевкиды уходят](#)
- [Входит Рим](#)
- [Бронированные всадники](#)
- [Ничья](#)
- [Рим на берегах Залива](#)
- [Глава 9. САСАНИДЫ](#)
- [Вновь входят персы](#)
- [Обаяние прошлого](#)
- [Возрождение Рима](#)
- [Христианский враг](#)
- [Столетие анархии](#)
- [Еретики](#)
- [Краткий миг просвещения](#)
- [Краткий миг триумфа](#)
- [Глава 10. АРАБЫ](#)
- [История повторяется](#)
- [Раскол ислама](#)
- [Багдад](#)
- [Халифы-марионетки](#)
- [Глава 11. ТЮРКИ](#)
- [Наследники захватывают власть](#)
- [Конец и начало поединка](#)
- [Ассасины](#)
- [Ужас из Центральной Азии](#)
- [Оттоманы](#)
- [Глава 12. ЕВРОПЕЙЦЫ](#)
- [Возвращение людей Запада](#)
- [Русские](#)
- [Германцы](#)
- [Израиль](#)
- [ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА](#)
- [До нашей эры](#)
- [Наша эра](#) .....